ВЕНДЕЛА ВИДА

«ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ О ПОДРОСТКОВОЙ ДРУЖБЕ,
ТАКАЯ ЖЕ ЖИВАЯ, ОСТРАЯ И СЕРДЕЧНАЯ, КАК РОМАНЫ ЭЛЕНЫ ФЕРРАНТЕ».

O, THE OPRAH MAGAZINE

НА ГРЕБНЯХ ВОЛН

На гребнях волн
Вендела Вида

Аннотация
Вендела Вида
1984–1985
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
2019

Аннотация

До боли красивая история о дружбе, предательстве и таинственном исчезновении на фоне солнечной Калифорнии до эпохи технологического бума.

Тринадцатилетняя Юлаби и ее лучшая подруга Мария Фабиола проводят дни, исследуя родные районы и туманные пляжи Сан-Франциско. Однажды, по дороге в школу Мария заявляет, что видела в машине подозрительного человека. Друзья подтверждают ее слова, но Юлаби уверена, что ничего подобного не было. Размолвка приводит к ссоре, вскоре после которой Мария пропадает, а Юлаби оказывается перед выбором: отказаться от своей правды или стать изгоем.

«Загадочная история о подростковой дружбе, такая же живая, острая и сердечная, как романы Элены Ферранте». – O, The Oprah Magazine

Вендела Вида

Vendela Vida
WE RUN THE TIDES

Copyright © Vendela Vida, 2021
© Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящаю эту книгу своим школьным подругам и учителям, которые сразу увидят, что вся эта история – вымысел

Почему за ничтожнейший побег от рутины девушка должна платить такую высокую цену? Почему все естественное ей приходится скрывать за завесой притворства?

Эдит Уортон, «Обитель радости»

1984–1985

1

Нам по тринадцать — уже почти четырнадцать, — и улицы Си-Клиффа принадлежат нам. По этим улицам мы поднимаемся в школу, гордо высящуюся над океаном; по этим улицам сбегаем вниз на холодные, продуваемые всеми ветрами пляжи, где сидят с удочками рыбаки и околачиваются всякие чудики. Об этих широких улицах нам известно все: где они идут в гору или под уклон, где сворачивают к берегу. И все здешние дома хорошо нам знакомы. Вот в этом величественном кирпичном особняке жил фокусник Великий Картер: внутри дома был устроен кинотеатр, а обеденный стол поднимался из люка в полу. А вон в том, где во дворе над океаном длинные качели, жил Пол Кантнер из «Джефферсон Старшип» — может, и сейчас живет. Качели он поставил для Чайны, своей дочери от Грейс Слик. Чайна родилась в один год с нами, и, проходя мимо, мы всякий раз поглядываем на качели — вдруг она там? А вон в том внушительном доме с нежно-розовыми стенами однажды была вечеринка, и вдруг ворвались грабители в масках: одна гостья отказалась расставаться с кольцом, и ей отруби-

ли палец. Мы знаем, где живет наш школьный тренер по теннису (синий дом в тюдоровском стиле, на каждый Хеллоуин его украшают лохмотьями декоративной паутины), знаем, где живет завуч (белый дом с черными воротами) — обе они женщины, обе замужем. Знаем, где живут доктора и адвокаты и те коренные горожане, чьи фамилии прославлены отелями и особняками в других частях Сан-Франциско. И, что важнее всего — поскольку нам по тринадцать и учимся мы в школе для девочек, — мы знаем, где живут мальчишки!

И тот высокий, у которого на ногах перепонки между пальцами. Иногда мы ходим к нему на Си-Вью-Террас смотреть кино с Биллом Мюрреем — и восхищаемся тем, как он со своими друзьями знает все реплики Билла наизусть: точь-в-точь как сами мы помним каждое слово из «Изгоев». И тот, что однажды на пляже порвал на мне серебряную цепочку, мамин подарок: схватил и дернул, а я убежала. И тот, что приходил в гости, когда мне поставили кровать с пологом: решил, что она двухъярусная, залез на полог и сломал. Починить как следует так и не удалось: до сих пор один столбик смотрит в сторону. Мы подозреваем, что именно этот парень со своими дружками

вывел на незастывшем цементе напротив нашей школы — женской школы «Спрэгг» — надпись: «ДЕВКИ ИЗ «СПРЭГГ» ЗАДОВАКИ». Неизвестно уж, пальцем писал или прутиком, но надпись осталась на века. «Ха! — говорим мы, проходя мимо. — Они даже не знают, что «задавака» пишется через А!»

Знаем, где живет тот красавчик, у которого папа служит в армии. В Сан-Франциско он приехал недавно, а раньше жил где-то у Великих Озер и до сих пор носит клетчатые рубашки с короткими рукавами — в тех местах все так ходят. Отец его, должно быть, в каком-то высоком чине — иначе почему они поселились не в Пресидио, где обычно живут семьи военных? Впрочем, в армейских порядках мы не разбираемся и о них не думаем: военные стригутся под ноль, а это совсем не круто. Знаем, где живет мальчик без руки, хотя и не знаем, где и как он потерял руку. Он часто играет в теннис в парке на Двадцать Пятой авеню или в бадминтон в переулке позади своего дома; по этому переулку, если пройти немного дальше, можно попасть к нам домой. Во многих кварталах в Си-Клиффе есть такие переулки с гаражами; там ставят машины, чтобы не загораживали вид на океан или на Золотые Ворота. Наш район в

Сан-Франциско — один из первых, где кабели электропередачи стали прокладывать под землей, чтобы провода не портили пейзаж. Такие уж здесь традиции: все некрасивое положено скрывать.

Знаем того старшеклассника, что живет в соседнем доме. Его семья разбогатела во времена золотой лихорадки: об этом написано в нашем учебнике по истории Калифорнии. В светской хронике «Ноб-Хилл Газетт», которую каждый месяц бесплатно приносят нам на крыльцо, нередко попадаются фотографии его родителей. Он блондин, и к нему часто приходят друзья, тоже старшеклассники, посмотреть футбол. Из сада мне хорошо видно, чем они занимаются у себя в гостиной. От нашего забора до их дома расстояние всего фута три, и несколько раз я залезала к нему в окно. Зачем? А просто так. Вот такая я крутая. Крутая и загадочная. Сидела у него в гостиной и воображала, как кто-нибудь из этих взрослых парней приглашает меня на выпускной. А потом меня там застукали. Я бросилась бежать, кто-то из парней схватил меня за пояс джинсов, и несколько секунд я перебирала ногами на месте, словно в мультике. Все они покатились со смеху, а я еще долго расстраивалась. Стало ясно: для них

я маленькая дурочка и никто меня на выпускной не пригласит. С тех пор соседи держат окно закрытым.

Есть еще парни Просперо, сыновья доктора: жили в нашем доме, пока папа его не купил. Легендарная семья. Притча во языцех. Эти Просперо были абсолютно чокнутые. Когда моим родителям показывали дом, в той комнате, где теперь живу я, весь пол был усеян пивными бутылками и иглами. И стекла везде побиты. Если случается в разговоре с мальчишками постарше упомянуть, что я живу в бывшем доме Просперо — на меня сразу смотрят с интересом, даже (так мне хочется думать) с уважением. А взрослые, когда об этом заходит речь, качают головами и говорят: какая беда, подумать только, ведь такая приличная семья, отец врач — а дети…

Именно из-за младших Просперо дом достался нам так дешево. Они его превратили в притон. Вообще-то страшно представить, что твои дети, когда вырастут, начнут приводить домой друзей-наркоманов и писать на стенах гадости краской из баллончика — но папа не стал отвлекаться на эту печальную историю. Он умеет, ни на что не отвлекаясь, идти к цели: это его суперспособность. Сам он вырос в съемной квартире

на третьем этаже где-то на задворках Миссии и, как и многие его друзья, к пятнадцати годам перепробовал уже десяток заработков. Разносил газеты, раскладывал товары на полках в бакалее, проверял билеты в кинотеатре «Хейт». Шесть дней в неделю стоял в дверях и отрывал билетики, а в выходной сам шел в кино. Еще в средней школе как-то отправился на велосипеде на пляж в Си-Клифф, увидел, какие там роскошные дома, и сказал друзьям: «Рано или поздно я поселюсь в этом районе». И слово сдержал. Мама тоже росла в бедности — она родилась в Швеции, на ферме, в большой и дружной семье — так что оба умеют экономить: никаких ужинов в ресторанах, отопление включается только для гостей — и то не каждый раз, и на кухне постоянно пахнет рыбой. Никто в семье, кроме моей сестры Свеи (ей десять лет), рыбу не любит, но едим ее каждую неделю: мы же шведы!

Фасад нашего дома, с пятью большими окнами, выходит на Золотые Ворота. В туманные дни мост, окутанный плотным белым одеялом, становится совсем невидим. Когда я была маленькой, в такие дни папа говорил мне, что мост украли грабители. «Но не тревожься, Юлаби, — добавлял он, — всю ночь полиция трудилась без сна

и отдыха и, кажется, напала на след!» А ближе к полудню, когда туман начинал рассеиваться, говорил: «Смотри-ка, бандитов поймали и мост вернули на место!» Эта сказочка никогда мне не надоедала: в ней звучали те же два урока, что окрашивали собой все мое детство:

1. Терпение и труд все перетрут.

2. Опасность где-то рядом, но добро всегда побеждает зло.

О том, что опасность рядом, в Си-Клиффе предупреждают береговые сирены. Сначала одна, потом другая, подальше. Перекличка ревущих сирен — вот саундтрек моего детства. На пляже — а в такие дни мы часто бегаем на пляж, натянув теплые свитера, и капельки тумана оседают на наших лицах — сирены ревут еще громче, чем дома. Под тревожный аккомпанемент сирен мы болтаем обо всем на свете и смеемся. Много смеемся.

Говоря «мы», я иногда имею в виду нас четверых — четырех девочек из восьмого класса женской школы «Спрэгг» в Си-Клиффе. И всегда нас двоих: Марию Фабиолу и себя. Мария Фабиола — старшая из троих детей, у нее двое братишек-близнецов. Они приехали в Си-Клифф в тот год, когда мы обе пошли в детский сад. О

ее семье мы знаем немного. Иногда она говорит, что она наполовину итальянка, а иногда: нет, с чего ты взяла? Еще говорит, что ее дедушка был премьер-министром Италии. Или мог быть. Или что они родня мэру Флоренции, или еще что-нибудь такое. Волосы у Марии Фабиолы длинные, каштановые, глаза светло-зеленые — даже на черно-белых фотографиях видно, что цвет у них какой-то неземной. У нее дома множество фотографий: она сама и ее кузины то в седле, то на бортике бассейна, а кругом трава. Все снимки профессиональные, все в одинаковых серебряных рамочках.

Мария Фабиола любит хвастаться и задирать нос, но еще она любит посмеяться. Смех рождается у нее в груди и звенит, как флейта. Такой смех называют заразительным — пожалуй, так и есть, но не в обычном смысле. Слыша смех Марии Фабиолы, хочешь его подхватить, чтобы она не смеялась одна. А еще она красавица. Один раз возле стадиона «Кезар» какой-то взрослый парень в вельветовых шортах сказал, что она горячая штучка! Любой другой девчонке мы не поверили бы, но Марии Фабиоле верим — и комплименту, и тому, что парень был совсем взрослый, и вельветовым шортам.

На левой руке она носит десяток тоненьких серебряных браслетов. Такие браслеты есть у нас всех — их можно купить на Хейт-стрит (три за доллар) или на Клемент-стрит (пять за доллар), но только у нее так много. Она смеется, запрокидывая голову; волосы падают на лицо, Мария Фабиола отбрасывает их левой рукой, браслеты скользят вверх-вниз и звенят тонко, нежно, похоже на ее смех. Волосы у Марии Фабиолы роскошные — такими и останутся.

Сначала мы с Марией Фабиолой вместе ходили в садик, потом стали вместе ходить в первый класс. Туда нас водили старшие девочки из «Спрэгг». Забирали Марию Фабиолу из дома на верхушке Чайна-Бич, оттуда поднимались в гору по Эль-Камино-дель-Мар и захватывали меня. Вместе мы шли по широкой асфальтированной улице, забирали еще одну девочку из дома с башенкой, похожего на замок, и вместе отправлялись в школу. Старшие девочки рассказывали нам, в каком доме кто живет, а мы сопоставляли эти знания с тем, что слышали от родителей. А теперь старшими из «Спрэгг» стали мы сами — и уже мы рассказываем малышне, что это за дома, кто в них живет и кто жил раньше, и в каких домах садовникам лучше на глаза не попадаться.

С первого по четвертый класс мы носили белые блузки с отложными воротничками, и поверх них сарафаны в зеленую клетку. С пятого по восьмой носим синие клетчатые юбки длиной чуть выше колена и белые матроски. Эти-то полупрозрачные матроски и порождают нежелательное внимание садовников. «О, да ты уже не маленькая!» — говорят они и пялятся на твою грудь.

Сейчас нам по тринадцать, и мы с Марией Фабиолой ходим в школу вместе с двумя другими девчонками, Джулией и Фейт. Джулия живет в нескольких домах от меня, выше по улице; ее дом стоит на самом краю обрыва, кажется, вот-вот рухнет в океан. Мама у нее в молодости была фигуристкой, у нее целая стена медалей, так что Джулия тоже катается на коньках. У нее светло-каштановые волосы до плеч, на солнце отливающие золотом, и голубые глаза — сама Джулия говорит «кобальтовые». Она встречалась с одним мальчиком с Пасифик-Хайтс, но недолго: однажды вечером спросила по телефону, какого цвета у нее глаза, а он ответил «голубые» — на том они и расстались. У Джулии есть сводная сестра Джентл, ей семнадцать. Дочка папы Джулии и его первой жены, которая была хиппи. Потом папа Джулии начал много зарабатывать, а первая

жена не выдержала его буржуазного лицемерия, бросила и его, и Джентл и уехала в Индию. А папа Джентл женился на фигуристке.

Не очень-то весело иметь такую сестру, как Джентл. Она тоже училась в женской школе «Спрэгг», но оттуда ее выгнали. Теперь ходит в государственную школу Грант: из тех, кто там учится, мы почти никого, кроме Джентл, и не знаем. Там все какие-то здоровенные, в пиджаках не по размеру. Показывают средний палец полицейским и даже пожарным. Одно время родители приглашали Джентл за мной присматривать, пока однажды — мне тогда было одиннадцать, а ей пятнадцать — не обнаружили, что она научила меня курить.

У Джентл длинные спутанные волосы мышиного цвета и брюки клеш. Раньше она тусовалась с хиппи, а теперь обычно ходит одна. Часто пьяная, обкуренная или под кислотой. Однажды мы играли в гольф на спортплощадке рядом со «Спрэгг» и вдруг видим: на другом конце площадки собралась толпа, все смотрят на что-то и смеются. Мы с Джулией и Марией Фабиолой пошли посмотреть, что случилось, — а там Джентл висит на турнике совершенно голая! Джулия чуть с ума не сошла. Побежала домой, чтобы рассказать маме, и на

следующий день не пошла в школу.

После бизнес-скандала, о котором написали на первой странице «Кроникл», семье Джулии пришлось переехать в маленький домик на другой стороне Калифорния-стрит, за границей района Си-Клифф. Сказали, они поживут там, пока большой дом будут ремонтировать: но что-то я не видела возле их старого дома никаких рабочих, а папа сказал маме, что, судя по риелторскому бюллетеню, этот дом выставлен на продажу. Теперь у них нет вида на океан. И машину они паркуют на улице, а в гараже устроили комнату для гостей. Мы все жалеем Джулию — из-за скандала и переезда, но больше всего из-за того, что у нее такая сестра. Моя мама говорит, что мама Джулии вызывает большое уважение: должно быть, невероятно тяжело быть мачехой такой пропащей девчонки. Все группы, которые любит Джентл, про наркотики. Поют про наркотики, или их принимают, или выглядят так, словно принимают. И сама она страшная замарашка. А ведь на дворе уже восьмидесятые — чистенькая, аккуратная эпоха, где все цвета яркие и ни один не сливается с другим.

Есть еще Фейт. Она тоже из нашей компании. Фейт переехала в Сан-Франциско в прошлом году,

в седьмом классе, и живет в длинном доме на Си-Вью, растянувшемся почти на целый квартал. У Фейт длинные рыжие волосы: из-за них она похожа то на Энн из «Зеленых крыш», то на Пеппи Длинныйчулок. В школьной футбольной команде она стоит на воротах — и, когда бежит за мячом, волосы у нее развеваются, как флаг. Фейт и держится как-то по-особенному, словно знает, что она не такая, как все — то ли из-за сходства с книжными героинями, то ли от того, что ее удочерили. Отец у нее намного моложе матери. У них была родная дочка, но умерла, и тогда они взяли Фейт. Умершую девочку тоже звали Фейт. Мне кажется, это как-то стремно, а Джулия говорит «кошмарно» — это ее любимое словцо. Но сама Фейт не возражает, что ее назвали в честь покойницы. Даже говорит, что иногда чувствует себя на двадцать лет: ведь умершей девочке было семь, а ей сейчас тринадцать. Не знаю, какой была ее мама до того, как умерла первая Фейт, но сейчас она идет по жизни так, словно толкает огромный заглохший автомобиль. Ходит зигзагами, как будто наперекор ураганному ветру, даже в самые солнечные дни.

Нас четверо — Мария Фабиола, Фейт, Джулия и я — и улицы Си-Клиффа принадлежат нам; но

мы с Марией Фабиолой лучше всех знаем пляжи. Должно быть, потому, что дома у нас стоят ближе всех к берегу. Ее дом — прямо над Чайна-Бич, а мой чуть выше по улице, в пяти минутах ходьбы.

Мы водим сюда мальчишек с Си-Вью и демонстрируем им свою ловкость. Взбираемся на четвереньках на утесы, чувствуя, что мы здесь хозяйки: знаем, за что ухватиться, куда поставить ногу, знаем, где скользко, а где легко устоять. Будь лазанье олимпийским видом спорта, все медали были бы наши! Мы штурмуем утесы, словно на тренировке: к середине дня подушечки пальцев у нас грубеют, от ладоней пахнет мокрым камнем, и мальчишки смотрят на нас с восхищением.

Чайна-Бич прилегает к пляжу побольше Бейкер-Бич; их разделяет скалистый утес, но мы с Марией Фабиолой знаем, каким путем в часы прилива перейти с одного пляжа на другой. Нам понятен язык океана, мы умеем находить дорогу в скользких камнях — и, точно рассчитав время, когда океан начинает втягивать в себя волну, полубегом-полуползком перебираемся в обход утеса на Бейкер-Бич.

Однажды мы были на Чайна-Бич вместе с классом и предложили обойти утес и сходить

на Бейкер-Бич. С нами пошли и другие девочки. Учителя, оставшиеся на Чайна-Бич, кричали: «Немедленно вернитесь!» Мы с Марией Фабиолой рассчитали время и вовремя прибежали назад, но другие — они не так хорошо знали пляж — замешкались, и прилив запер их на той стороне. Учителя запаниковали. Но мы сказали: не волнуйтесь, все будет хорошо. Взобрались на скалы, помогли другим девочкам подняться наверх, все полюбовались океаном с вершины — а потом помогли им спуститься. Старались не слишком задирать нос, но чувствовали себя героинями.

2

Мы с Марией Фабиолой дружим с детского сада, но почти каждый год нас рассаживают по разным классам. По отдельности мы обе — хорошие девочки. Ведем себя как следует. Но, когда оказываемся рядом, какая-то странная химическая реакция происходит между нами и толкает на разные безобразия. Так бывает и в школе, и дома. В прошлом году у меня были неприятности с родителями и с соседями из-за того, что мы с Марией Фабиолой всем наврали. Точнее, я наврала о ней. Дело было так: мы с Марией Фабиолой продавали лимонад. У нас под окнами покупателей было не слишком много, так что мы пошли на угол, где людей побольше, и встали перед большим домом. У тротуара притормозил «Шевроле», полный молодежи, парень на пассажирском сиденье опустил окно и с нами заговорил.

— Эй, девчонки, это ваш дом? — сказал он. — А можно нам приехать и сделать вам предложение, когда подрастете?

Мы с Марией Фабиолой переглянулись и засмеялись. Поправлять его не стали.

— Видимо, это значит «да»! — объявил парень.

И, когда машина тронулась, крикнул в окно: — Мы еще вернемся!

Для кого-то, возможно, это могло прозвучать как угроза — но нам показалось обещанием.

Первой нашей покупательницей стала миссис Шеридан, соседка, знавшая меня почти с рождения.

— Ну-ка, Юлаби, что у тебя тут?

— Лимонад, — гордо сообщила я, указав на картонку с надписью «ЛИМОНАД».

Она купила стаканчик, выпила на месте, потом купила еще один.

— А тебя как зовут? — спросила она у Марии Фабиолы.

— Мария Фабиола.

Я думала, миссис Шеридан ее узнает — она ведь столько раз бывала у нас дома! — но нет, как видно, не узнала. От этого и я взглянула на подругу как-то по-новому. И в первый раз заметила то, что, должно быть, уже давно замечали все вокруг: Мария Фабиола изменилась. Волосы ее, прежде прямые, начали виться. Тело округлилось, натягивая ткань блузки и джинсов; аккуратные квадратики задних карманов теперь перекосились и уходили внутрь, друг к дружке под углом. Я увидела это — и изо рта у меня вылетела ложь,

выдумка, призванная перекинуть мост через эту внезапную пропасть между нами:

— Мария Фабиола мне не просто подруга, — сказала я миссис Шеридан. — Мои родители ее удочерили. Теперь мы с ней сестры.

Миссис Шеридан с большим крестом на тонкой цепочке всплеснула руками и воскликнула: что за удивительная новость! Я и сама удивилась. Не поняла, что думает о моей лжи сама Мария Фабиола: сперва она недовольно надула пухлые губы, но затем приняла выдумку, начала ее повторять, и меня это обрадовало. Мы обошли весь квартал, стучали в двери, звонили в звонки, предлагали лимонад, и всем я представляла Марию Фабиолу как свою новообретенную сестру.

Стояла середина дня, но нам открывали почти везде, как будто никто в Си-Клифф не работает. И все соседи принимали мою ложь как должное. Обманывать стало скучно — оттого, что слишком легко, — и мы вернулись ко мне домой перекусить. Сделали себе «муравьев на бревне»: сельдерей с арахисовым маслом и изюминками сверху.

— Я и не знала, что ты так здорово умеешь врать! — сказала Мария Фабиола. Как видно, она тоже разглядела во мне что-то новое.

— Я тоже, — ответила я.

Дальше мы ели молча, слышался только хруст сельдерея на зубах.

Потом за Марией Фабиолой приехала ее мама на черном «Вольво». У нее черные волосы и большие темные очки, такие темные, что порой непонятно, как она сквозь них что-то видит. Порой она поднимает очки на лоб, чтобы что-то разглядеть, а потом сдвигает обратно с таким выражением, словно увиденное ее крайне разочаровало. Мама быстро увезла Марию Фабиолу домой. Я надеялась, что этого никто не видел. Следуя нашей новой «семейной» легенде, трудно было бы объяснить, почему Мария Фабиола не ночует у нас дома.

А потом начал разрываться телефон. Соседи один за другим звонили поздравить моих родителей и спросить, не нужно ли чем помочь с новым ребенком. Может, отдать ношеные вещи или еще что.

Родители выслушивали соседей очень внимательно, явно заинтригованные. Выражений их лиц я не видела, потому что к этому времени уже пряталась в платяном шкафу, в длинной маминой енотовой шубе. Внутренности этой шубы мне прекрасно известны. У нее трехцвет-

ная подкладка, из белых, черных и коричневых квадратиков, и на каждом квадратике вышиты мамины инициалы: Г. С. Мне объясняли: это для того, чтобы, если кто-нибудь украдет шубу, мама могла бы по инициалам доказать, что шуба ее. Правда, непонятно, зачем воровать шубу, которую мама никогда не носит. Но енотовый мех не заглушал голосов родителей: сначала они недоумевали, дальше — не на шутку рассердились. Вот распахнулась дверь шкафа. Енотовая шуба — не слишком-то хорошее укрытие: я с раннего детства в ней прячусь, когда что-нибудь натворю. Пять минут спустя я уже отправилась в покаянное паломничество по кварталу: звонить в двери, смотреть в суровые лица и бормотать извинения.

3

Однажды в сентябре папа приходит домой и говорит: у нас в «Джозеф & Джозеф» будут снимать кино! Эпизод какого-то телесериала, который я не смотрю. «Джозеф & Джозеф» — это папина галерея и антикварный магазин в другой части города. Джозефом зовут папу; когда он открыл свое дело, то решил придумать название с амперсандом, потому что это выглядит впечатляюще. Одна загвоздка: никаких партнеров у него не было, так что он повторил два раза собственное имя. Теперь в нашей галерее будут снимать сцену из какого-то детектива, и папа спрашивает, не хочу ли я, Свея и наши школьные подруги сняться общим планом. Что такое «общий план», я не знаю, но звоню Марии Фабиоле, Джулии и Фейт, и мы долго обсуждаем, что надеть. А потом с большим разочарованием слышим: телевизионщики хотят, чтобы мы были в школьной форме.

Папина галерея — это Саут-Маркет. Целый маленький квартал. Этот квартал папе понравился; он обошел всех соседей, от двери к двери, и каждому предлагал купить у него дом. Кто-то из них помнил папу еще с тех пор, как он мальчишкой

приносил им газеты. Они с радостью взяли у него деньги и разъехались кто куда. А папа построил «Джозеф & Джозеф». Окрестности галерея не особенно изменила; перед ее огромными французскими окнами по-прежнему сидят местные и тянут пиво прямо из бутылок. Но, войдя внутрь, вы словно оказываетесь в гигантском кукольном доме.

Два этажа здания набиты всяким антиквариатом. Еще тут есть аукционный зал: его часто снимают для банкетов и вечеринок. У папы есть фотографии с О. Джей Симпсоном и с мэром Дайаной Фейнстайн. На этом фото у нее красивые длинные ноги. Папа любит поговорить о ногах Дайаны Фейнстайн. Однажды сказал даже, что «ножки у нее ого-го!».

Больше всего мне нравится в галерее китайский шкафчик для пряностей. Он почти шести футов высотой и четырех футов шириной, и в нем сорок два ящичка, глубоких и темных. Очень люблю открывать ящик за ящиком, принюхиваться и пытаться угадать, что за пряность здесь хранилась. Потом закрываю и открываю следующий. Похоже на библиотечный каталог, только не для книг, а для запахов.

У папы есть секретарша по имени Арлена. Сест-

ра папиного лучшего друга, с которым он вместе рос на задворках Миссии. «Выбившись в люди», папа не забыл старых друзей. Волосы у Арлены очень длинные, ниже пояса, она обожает блузки со шнуровкой и винно-красные брюки. Иногда бывает раздражительной — и я понимаю, что у нее «эти дни». Впервые услышала об этом от папы и подумала: какой ужас, что он об этом знает! Я бы и сама предпочла не знать. Но делаю отметки в календаре каждый раз, когда она рявкает на меня по телефону или при встрече, и все сходится: она злится раз в четыре недели.

А все остальное время Арлена мила и внимательна. Дает мне детский аспирин, когда у меня болит голова, разрешает трогать любой антиквариат, даже мраморный фонтанчик с опасно примостившимся на верхушке голым ангелом. Вода льется у ангела изо рта, словно его рвет.

В день съемок после школы мама везет Свею, Марию Фабиолу, Фейт, Джулию и меня в галерею. Для меня она привезла новенькую, тщательно отглаженную форму; это смущает, и я говорю, что не буду переодеваться. Но Мария Фабиола сегодня за обедом посадила себе на юбку пятно горчицы, так что она говорит: а можно мне надеть?

В галерее половину мебели куда-то вынесли,

чтобы расчистить место для камер и осветительных приборов. Мой шкафчик для пряностей не тронули. Волосы у Арлены еще прямее обычного — должно быть, разглаживала их утюжком; а папа, хоть на камеру он точно не попадет, надел свой лучший серебристый галстук.

Мария Фабиола берет вешалку с моей отглаженной форменной юбкой и белой матроской и уходит в туалет переодеваться. А когда выходит, я не могу оторвать от нее глаз. Матроска, на мне свободная, на ней сидит в обтяжку. Я обычно поддеваю под нее футболку — но Мария Фабиола не носит футболок. И лифчика тоже не носит.

Режиссер — одет он совсем не парадно и не сидит в кресле (а жаль!) — объявляет, что пора снимать общий план. Мы выходим из галереи; здесь уже установлена камера. Фейт, Джулия, Свея, Мария Фабиола и я — мы должны пройти мимо галереи, как будто возвращаемся из школы домой. Мне приходит в голову: нас попросили надеть форму, чтобы казалось, что галерея расположена в фешенебельной части города, там, где есть частные школы. На самом деле никаких частных школ поблизости от «Джозеф & Джозеф» не найти.

Мы проходим мимо входа в галерею. Потом воз-

вращаемся в исходную точку и начинаем проход сначала. После третьего прохода режиссер что-то говорит своему помощнику, помощник — папе, а папа что-то шепчет на ухо маме. Я вижу, как у них шевелятся губы, но не могу расслышать ни слова. Наконец мама подходит ко мне и моим подругам:

— Девочки, давайте теперь спокойным шагом, не вприпрыжку. И еще вот что: режиссер не хочет, чтобы вы все выглядели одинаково. Мария Фабиола, можешь надеть форменный свитер?

Мария Фабиола делает, как ей сказано, и мы еще дважды проходим мимо парадных дверей.

— Стоп! Снято! — кричит режиссер. Кричит не в мегафон, но все равно мне очень нравится, что он разговаривает на взаправдашнем «киношном» языке.

Нас благодарят и говорят, что этот эпизод выйдет в эфир только через несколько месяцев; но даже эта задержка не омрачает нашего блаженства. Мама везет нас домой: все на седьмом небе, включая и Свею — она счастлива от того, что мои подруги болтают с ней как с равной и Фейт даже заплела ей косу.

Тем же вечером на кухне я спрашиваю маму, о чем шептались на съемочной площадке.

— Ах, это? — отвечает мама. — Не помню.

— Нет, помнишь! — говорю я.

— Ну хорошо, только своим подружкам не говори. Режиссер сказал, что внешность Марии Фабиолы будет отвлекать зрителей.

— Отвлекать?!

— Так он сказал, — отвечает мама.

— Угу, — говорю я, делая вид, что ничего особенного в этом не вижу.

А сама бегу к себе, набираю Марию Фабиолу и Джулию и сообщаю: ничего себе, режиссер сказал, что у Марии Фабиолы *отвлекающая внешность*!

Мария Фабиола начинает смеяться, и я вместе с ней. Джулия молчит, а потом притворяется, что ни капельки не завидует.

— Извините, что не засмеялась вместе с вами, — говорит она, — я тут немного *отвлеклась*.

Я слышу, как звенят браслеты Марии Фабиолы, и знаю: сейчас она отбрасывает от лица свои длинные-длинные волосы.

4

В ту ночь, когда отец Фейт застрелился, я ночевала у нее. Вся наша четверка там ночевала. Это день рождения Фейт; и для начала мы идем в кино «Александрия» на бульвар Гири смотреть «Клуб «Завтрак». Смотрим как зачарованные, ни на секунду не отрывая глаз, и выходим из кинотеатра в буйном восторге. «Только не забывай меня!» — повторяем мы друг дружке снова и снова. Хотим, чтобы все парни из фильма обратили на нас внимание. Хотим желания. Хотим любви. Хотим хотеть любви. Мы на пороге нового мира: еще немного — и у нас тоже появятся парни, самые настоящие! Мы будем гулять с парнями! И знаем это. Острое, горячее желание пульсирует в наших венах; но мы не ведаем, как его назвать (не говорить же, в самом деле, что «хотим секса»!), не знаем, как рассказать о нем себе или друг другу. Так что мы смеемся и распеваем в голос: «Только не забывай меня!» — пока в фойе кинотеатра не появляется мама Фейт в красном дождевике, особенно нелепом оттого, что сейчас нет никакого дождя. Прижимает палец к губам и говорит: «Ш-ш-ш!»

Праздничный ужин на Клемент-стрит, в ресторане «У Эла». Здесь к нам присоединяется папа Фейт, ради этого пораньше ушедший с работы: он красив и лет на десять, не меньше, моложе мамы. Он заказывает стейк и то, что по телевизору называют «что-нибудь покрепче». Мама Фейт заказывает диетическую колу и потягивает ее через соломинку, с которой хотела снять бумажную обертку, но не вполне преуспела. До середины ужина прилипший бумажный клочок висит у нее на губе. Когда она выходит в туалет, папа Фейт заказывает себе еще «покрепче». Каждую из нас о чем-то спрашивает. Все время путает, как зовут меня и Джулию, а вот имя Марии Фабиолы запоминает с первого раза. В последнее время на Марию Фабиолу даже смотреть страшновато — так она расцвела. Тело еще более округлилось, а на лице выражение постоянного удивления, словно она сама не может поверить своему счастью.

После ужина, съев по кусочку торта, мы возвращаемся к Фейт домой. Фейт показывает нам дом — оказывается, Мария Фабиола здесь еще не была.

— Неужели ни разу не заходила? — спрашивает Джулия.

— У меня после школы много занятий, — отвечает Мария Фабиола.

Вообще-то занятий у нее ровно столько же, сколько и у меня. Пару лет назад, когда начало полового созревания сделало нас неуклюжими и пухленькими, мы пошли в Балетную школу Оленской. Преподавательница, мадам Соня, особых надежд не питает: она часто повторяет слова Айседоры Дункан, что американские тела не созданы для балета. Мне танцы и вправду не особенно помогли, а вот телу Марии Фабиолы придали рельефность и гибкость. Кроме балета раз в две недели по средам мы ходим в школу современного танца. Туда ходят все девочки из «Спрэгг» — ведь там можно встретить мальчиков из мужских школ и с ними потанцевать!

Дом у Фейт обставлен в стиле Лоры Эшли: крохотные пастельные цветочки на белых занавесках, на скатертях, везде. Похоже, в Коннектикуте дом у них был поменьше: мебели явно не хватает. В одной комнате стоит только кушетка, в другой — только письменный стол. Я знаю, что, поскольку родители Фейт дома, весь дом Марии Фабиоле посмотреть не удастся. Полный тур включает в себя стопку журналов «Плейбой», которые папа Фейт держит в обувной коробке в шкафу, и там

же револьвер — по словам Фейт, «просто чтобы отпугивать грабителей». И еще дневники, которые ее мама держит под кроватью со своей стороны, — жалкое чтение! На каждой странице перечислено все, что она съела за день, дальше идет подсчет калорий и вердикт: нормально или слишком много. И ничего больше — только летопись потребления пищи, день за днем.

На этот раз у нас нет возможности задержаться в спальне родителей, так что экскурсия длится недолго. Через пять минут мы уже на кухне и начинаем жарить попкорн. Оглядевшись, я вижу вдруг, что Марии Фабиолы с нами нет. Мама Фейт спрашивает, не сбегаем ли мы в магазин на углу за «Вирджинией Слимс». Она часто посылает Фейт за сигаретами, вручив ей деньги и записку, гласящую, что это сигареты для родителей.

— Мам, ну у меня же день рождения! — кричит Фейт.

Ее мама берет сумку — громоздкую, в пятнах и с длинным размочаленным ремешком — и отправляется в магазин сама. Тем временем мы видим, что попкорн сгорел.

Прохладный ветерок с моря влетает в дом; вслед за ним мы выходим через заднюю дверь в сад. Здесь, в сумерках, сидит на длинной белой

скамье папа Фейт со стаканом в руках. На самом деле это не скамья, а качели, вроде тех, что ставят на сцену в пьесах или в мюзиклах, где дело происходит на Юге. Мария Фабиола сидит с ним рядом.

— Пошли покатаемся на лифте! — зовет Фейт.

— Фейт, мы с твоей подругой разговариваем, — отвечает ее отец.

— Ну и ладно, там все равно больше троих не помещается! — замечает Фейт, бросив на Марию Фабиолу обвиняющий взгляд.

Следом за Фейт мы с Джулией входим в лифт. Стены его изнутри затянуты, от пола до потолка, длинными лентами цветов мороженого: земляничный, фисташковый, банановый, мандариновый — все оттенки «Баскин Роббинс».

— Это все осталось от прежних хозяев, — объясняет Фейт, хотя это и так понятно: разноцветные трепещущие ленты воплощают в себе легкомыслие, противное самому существу ее матери. Может быть, поэтому мы не решаемся пойти покататься на лифте, пока мама Фейт дома.

Мы ездим с первого этажа на четвертый и обратно, вверх-вниз, вверх-вниз, пока мне не становится нехорошо. Выходим — навстречу нам идет из сада Мария Фабиола с каким-то странным, непонятным мне выражением лица.

— Ну как, хорошо покатались? — снисходительно спрашивает она.

— Если честно, — отвечаю я, глядя на нее, — меня тошнит.

Возвращается мама Фейт, и мы, четыре девчонки, запираемся в комнате Фейт, где тоже везде мелкие цветочки и пастельные тона. Книги (их немного, и все детские) слишком аккуратно расставлены на белой деревянной полочке, между двумя книгодержателями, которые задумывались как совы, но вышли похожими скорее на два расплывшихся месяца. На полу круглый пушистый коврик; мы валяемся на нем и проводим пальцами по длинным волокнам цвета облаков, словно гладим стебли небесной травы.

Фейт показывает фотоальбомы из своей прежней школы в Дариене, штат Коннектикут. Особенно внимательно мы разглядываем мальчишек — ее одноклассников и тех, что на класс старше, — и оцениваем по шкале от одной до четырех звезд. О самых симпатичных расспрашиваем Фейт: как они, нормальные ребята? Что слушают? А в лакросс играют? — с таким видом, словно по ответам будем судить о том, стоит ли иметь с ними дело. Так устроена жизнь для девочек из женской школы в Си-Клиффе: все, кто нас

привлекает, спроецированы на киноэкран или заперты в четырехугольных рамках школьных фотографий. Целый час мы листаем альбомы, при виде симпатичного мальчика наперебой кричим: «Это мой!» — пока наконец Фейт не захлопывает альбом и не ставит его на полку, рядом с унылой бесформенной совой.

Мама Фейт говорит, что пора в постель, и мы переодеваемся в ночное. Фейт достает из шкафа ночнушку, тоже всю в мелкий цветочек, а потом сама залезает в шкаф, чтобы переодеваться не у нас на глазах. Джулия, повернувшись к нам спиной, натягивает футболку-конькобежку с серебряными блестками на лопатках. Спит она в лифчике — считает, что от этого грудь, когда подрастет, будет лучше стоять. Я, отвернувшись в другой угол, снимаю кремовый лифчик, натягиваю синие пижамные штаны и футболку «Хелло Китти», очень надеясь, что никто не примет ее всерьез. Повернувшись к подругам, вижу, как Мария Фабиола стаскивает через голову рубашку. Прятать свое тело она нужды не видит. За лето у нее выросла настоящая грудь: два белоснежных холма, словно две большие горки мороженого. Я замечаю, что Джулия изо всех сил старается не пялиться. Как и я. А Мария Фабиола натягивает

облегающую полупрозрачную маечку густо-розового цвета. На майке пара ангелов, блондин и брюнет, оба в темных очках. «На майку-то, наверное, смотреть можно!» — думаю я и продолжаю разглядывать ее грудь, одновременно разбирая надпись курсивом под лицами ангелов: «Фиоруччи».

Мы расстилаем на полу спальные мешки: каждая старается лечь поближе к Марии Фабиоле. Долго еще не спим — болтаем о «Клубе «Завтрак», о том, с кем из героев фильма хотели бы встречаться. Отец Фейт кричит из своей комнаты: «Кончайте болтать!» — и мы приглушенно хихикаем. Шепотом повторяем друг другу: «Только не забывай меня!» — а потом, словно свечи, задутые по очереди, одна за другой погружаемся в сон.

Среди ночи меня будит пронзительный крик. Кричат, кажется, над самым ухом, и в первый миг кажется: это кто-то из моих подруг. Но, сев, я понимаю, что вопли доносятся из соседней спальни. Кричит мать Фейт. Фейт вскакивает, включает свет и бежит к родителям. Мы с Марией Фабиолой и Джулией непонимающе смотрим друг на друга. А потом раздается новый крик — это Фейт.

Ее отец застрелился. Приезжает «Скорая», двое молчаливых санитаров быстро, аккуратно и

как-то бездушно выносят его на носилках из дому. Спускаясь по лестнице, ударяют носилки об стену: настенная лампа падает, разбивается на мелкие осколки, и мать Фейт выкрикивает ругательство. Фейт натягивает штаны и свитер, берет из шкафа в прихожей мамину куртку. Мы шепчем друг дружке, что здесь только всем мешаем, и скрываемся в комнате Фейт.

Бухает входная дверь — так, что трясется весь дом, — и тяжелые шаги санитаров стихают. Выглянув за дверь, мы скоро понимаем, что Фейт тоже уехала с ними. Сирены «Скорой» затихают вдали; мы, три девчонки, сидим, дрожа, в опустевшей комнате своей подруги, и спальные мешки валяются на полу безжизненно, словно сброшенные коконы. Мария Фабиола начинает плакать, поначалу беззвучно, но содрогаясь всем телом. Потом разражается короткими всхлипами, словно ее тело — насос, ритмично набирающий воду из невидимого колодца. Всхлипы становятся все дольше, все громче. Все невыносимее. Мы с Джулией звоним своим родителям, а потом родителям Марии Фабиолы.

Мой папа приезжает в костюме — он вел у себя в галерее аукцион. Мама Джулии — в спортивном костюме с молнией и воротником под

горло, с надписью на груди «Королева льда», мама Марии Фабиолы — в шелковом халате. Никто не знает, что делать. Уйти? Захлопнуть дверь? А если у мамы Фейт нет ключа? А если Фейт вернется и мы ей понадобимся? Так что мы рассаживаемся вокруг кухонного стола и сидим, словно за карточной партией. Матери дружно поворачиваются к моему отцу. Он предлагает помолиться, чтобы успокоиться, — от моего папы предложение неожиданное. Все мы беремся за руки и прикрываем глаза. Но я подглядываю — и вижу, что у папы глаза плотно закрыты, а вот мама Марии Фабиолы и мама Джулии смотрят на него с тревогой и надеждой.

5

После похорон (узнаваемый местный политик во втором ряду, бутерброды с вялыми огурцами после церемонии) мы четверо становимся неразлучны, словно бумажные куколки в хороводе. В школе играем в спидбол или еще в какие-нибудь игры, где можно поделиться двое на двое. В свою компанию никого не приглашаем, и учителя не настаивают — заботятся о Фейт.

Дома у Фейт нескончаемый поток гостей с Восточного берега с соболезнованиями и предложениями помощи. Все приносят с собой какие-нибудь угощения, но мать Фейт сразу их выбрасывает. Дома у Джулии родители продали сначала один «Мерседес», потом другой. Дома у Марии Фабиолы поставили новую сигнализацию после того, как видеокамера засекла позади дома какую-то «подозрительную личность». Что эта личность там делала и чем была подозрительна, отец Марии Фабиолы детям не сказал.

А у нас дома все как обычно. Мама рано утром уезжает в больницу: она трудится в утреннюю смену, с шести утра, чтобы вторую половину дня проводить со мной и Свеей. Папа собирает нас в

школу и варит нам овсянку. Свея за едой черкает в тетрадке — проектирует очередную пожарную станцию. Она говорит, что, когда вырастет, хочет стать архитектором, и постоянно сидит над своими чертежами с линейкой и синим карандашом.

В одно ничем не примечательное утро в дверь звонит подруга Свеи, пухлая и вечно хмурая. Они со Свеей вместе ходят в школу, прямой дорогой по Эль-Камино-дель-Мар. А несколько минут спустя на наше крыльцо взбегает Мария Фабиола. Я прощаюсь с папой, прижимающим к щеке салфетку — он порезался во время бритья. Мне хотелось бы убрать эту салфетку и обнять его на прощание, но подруга стоит рядом и смотрит. Ждет меня. Мы с Марией Фабиолой выходим на улицу и идем дальше, чтобы подхватить Джулию.

Когда мама Джулии открывает дверь, я сразу чувствую: у них что-то подгорело. Мама Джулии замечает, что я принюхиваюсь.

— Джентл купила какие-то новые благовония, — объясняет она и улыбается сначала мне, потом Марии Фабиоле. Выходит Джулия, и ее мама говорит: — Девочки, у меня идея! Давайте-ка я вас сфотографирую!

Она выносит камеру, и мы втроем выстраиваемся шеренгой, Мария Фабиола в середине.

Щелкает затвор. Мы с Джулией смотрим друг на друга — все понятно без слов: чудесное преображение, произошедшее с Марией Фабиолой за последние месяцы, требует запечатлеть его на пленке.

— Девочки, вы чудесно выглядите! — говорит мама Джулии, не глядя на меня.

— Пока, мам, — говорит Джулия и закрывает дверь.

С облегчением выйдя на свежий воздух, мы отправляемся к дому Фейт. Она живет в полутора кварталах от школы, но все равно мы заходим за ней каждое утро. Ради Фейт мы на все готовы.

— Как думаете, мама Фейт когда-нибудь выйдет замуж второй раз? — спрашивает Мария Фабиола, перекидывая рюкзак с одного плеча на другое, и тоненький звон браслетов вторит ее словам.

— Мои родители говорят: вряд ли она еще кого-то себе найдет, уж слишком невзрачная, — самым обыденным тоном замечает Джулия. — А ведь мама у папы уже вторая жена, так что они в этом разбираются!

— Может быть, ей просто еще рано с кем-то встречаться, — говорю я так твердо, словно что-то в этом понимаю.

— А что, если мы ей поможем подобрать одежду

получше? — предлагает Джулия. — Ей определенно надо сменить стиль!

— Это уж точно! — соглашается Мария Фабиола. — Кстати, вы заметили, что учителя теперь Фейт совсем не спрашивают?

— Конечно, — отвечаю я. — Так и должно быть.

— Моя кузина рассказывала, — говорит Джулия, — у них в колледже есть такое правило: если у тебя умерла соседка по комнате — тебе автоматически ставят все пятерки за семестр.

— Не слишком-то умно придумано, — замечает Мария Фабиола. — А если кто-нибудь начнет доводить соседей до самоубийства, чтобы стать круглым отличником?

Мы переходим улицу и проходим мимо старомодного белого автомобиля, припаркованного на перекрестке. Внутри сидит мужчина, старше нас, но определенно моложе наших родителей. Он опускает окно и спрашивает у нас, сколько времени.

Я смотрю на часы «Свотч» — почему они так громко тикают? — и говорю: две минуты девятого.

— Спасибо, — говорит он. — Надо же, я думал, уже позже.

И мы идем дальше.

— Видели? — спрашивает Мария Фабиола.

Джулия нерешительно смотрит на нее.

— Да… — отвечает она. И, немного подумав: — Видела!

— Что видела? — спрашиваю я.

— Он себя трогал, — сообщает Мария Фабиола.

Джулия несколько секунд смотрит на нее, а потом поддакивает:

— Точно! Так и было!

— Да что такое? — спрашиваю я.

— Он все время себя гладил, — объясняет Мария Фабиола.

— Что гладил?

— Свой ЧЛЕН, вот что! И сказал, что позже нас найдет!

— Да-да, он сказал «позже», он точно сказал «позже»! — торопливо подхватывает Джулия.

Мы доходим до дома Фейт, в двух кварталах от припаркованного автомобиля, и Мария Фабиола и Джулия излагают ей свою версию происшедшего. Мария Фабиола расцвечивает рассказ новыми деталями, а Джулия повторяет за ней. Фейт визжит от ужаса и восторга.

— Это может быть серьезно! — веско сообщает Мария Фабиола.

— Честное слово, я ничего странного не замети-

ла! — настаиваю я.

— Ничего странного? Ты, наверное, каждый день видишь мужиков, которые, сидя в машине, теребят свой член? — парирует Джулия, и Мария Фабиола звонко смеется.

Я продолжаю твердить, что ничего не видела и не слышала. Некоторое время подруги меня высмеивают, потом начинают игнорировать. Даже Фейт, которой там вообще не было, и та оскорблена моим упрямством. В негодовании они ускоряют шаг и отрываются от меня.

Я уныло тащусь за ними, потом останавливаюсь. Такое чувство, словно я в накренившейся лодке; все перебежали на один борт, и кому-то нужно остаться на другом, чтобы лодка не пошла ко дну. Мария Фабиола просто все выдумала! Джулия как попугай повторяет все, что она ни скажет. А теперь и Фейт этому поверила… Последние полквартала до школы я прохожу одна.

Вскоре, после того как я вхожу в класс, наша классная говорит, что меня вызывают в кабинет к мистеру Мейкпису. Мистер Мейкпис (это настоящая фамилия) — наш директор, он из Англии. Его английский акцент и кембриджский диплом в рамочке безотказно действуют на родителей. У него в кабинете я никогда раньше не была.

Дорога в кабинет директора ведет через все школьное здание, мимо классов, в которых я училась в разные годы. Я прохожу мимо памятника мисс Спрэгг, богатой женщины, в честь которой названа наша школа. Если верить памятнику, мисс Спрэгг была хороша собой — и ее красота не остается незамеченной: правая рука и грудь бронзовой статуи вытерты до серебристого блеска множеством прикосновений.

Я прохожу через внутренний дворик, мимо зарослей кустов, где порхают бабочки. Иногда мы их ловим, сажаем на пару минут в стакан, прикрыв ладонью, а потом отпускаем. А порой случается — убираем ладонь слишком поздно, и бабочка задыхается в стакане. Мы помним имена тех, кто нечаянно убивал бабочек, и не представляем, что с этим знанием делать.

Учусь я хорошо, однако не все гладко с поведением — уж не знаю, много ли известно об этом мистеру Мейкпису. Знает ли он, что иногда я подсчитываю, сколько раз наш новый учитель физкультуры, австралиец мистер Робинсон, скажет: «Понятно?», объясняя правила игры. А когда он заканчивает и спрашивает, есть ли у кого вопросы, я поднимаю руку и говорю: «Вы заметили, что повторили «понятно?» ровно тридцать один

раз?» Тут он взрывается и принимается меня распекать перед всем классом: в такие минуты особенно заметен его австралийский акцент. «Не смей считать мои слова, понятно?» — кричит он. Весь класс смеется, а он злится еще пуще.

Секретарша мистера Мейкписа мисс Патель — она из Индии, и две ее дочки учатся в нашей школе, они у нас единственные цветные — встает, когда я вхожу в приемную, и говорит:

— Доброе утро, Юлаби.

Обычно она называет меня «Юла» или «Би», но сегодня держится официально. Сухо просит присесть и подождать своей очереди.

Из кабинета мистера Мейкписа выплывает Мария Фабиола: сияет, словно оперная певица, которой только что устроили стоячую овацию. Успевает наклониться ко мне и шепнуть на ухо: «Говори все как я!» — прежде чем мисс Патель велит ей возвращаться в класс.

Затем мисс Патель вводит меня в кабинет директора. На стене здесь большая фотография в рамке, на ней трое сыновей мистера Мейкписа в британской школьной форме. Противно пахнет сигарами, хоть я никогда не видела, чтобы мистер Мейкпис курил. На двух стульях, где обычно сидят родители — либо пришедшие устраивать

дочку в «Спрэгг», либо вынужденные услышать, что их дочери будет лучше в какой-нибудь другой школе, — сейчас неловко ерзают двое полицейских.

Мисс Патель представляет меня им, и они просят описать то, что произошло сегодня утром. Я говорю: ничего особенного. Мы шли в школу, как всегда. Рассказываю, где именно была припаркована машина. Один полицейский делает какие-то пометки в блокноте. Они спрашивают: а что у вас было с тем человеком в машине?

— Он спросил, сколько времени, — отвечаю я.

— И что дальше?

— Я сказала ему, сколько времени. Было две минуты девятого.

— А он что ответил?

— Сказал: он думал, что уже позже.

— Он думал, что уже позже? Так он сказал?

— Да.

— А не говорил, что найдет позже тебя или твоих подруг?

— Нет.

— А не делал ли он чего-нибудь неприличного?

— Я ничего неприличного не видела.

— Ничего?

— Ничего.

— Что у него была за машина?

— Белая, какая-то старая модель. Окно опущено.

— А дверь была открыта?

— Нет, закрыта.

— Значит, ты сказала ему, сколько времени — и что потом?

— Мы повернулись и пошли дальше.

— И все?

— Потом мои подруги начали говорить, что что-то видели. Но я не знала, что сказать.

— Почему?

— Потому что я ничего не видела.

Директор меня благодарит, и полицейские тоже. Не могу понять, с облегчением или с разочарованием.

Я выхожу из кабинета; теперь и у меня волосы воняют сигарами. В приемной ждет своей очереди Джулия. Я не встречаюсь с ней глазами, вместо этого упорно смотрю на ее белые теннисные туфли.

Тем же вечером меня спрашивают об этой истории родители. Им, разумеется, позвонили из школы. Мистер Мейкпис сказал, что полиция решила ничего не предпринимать. И полицейские,

и он сам приняли мою версию случившегося.

Поверили *мне.*

6

В этот вечер мама пропускает аэробику. Я знаю: если уж она не пошла на аэробику, значит, дело серьезное. Несколько раз я бывала с ней там, в гимнастическом зале средней школы на Аргуэлло, и поражалась тому, сколько женщин там собирается. Мускулистая тренерша с закрепленным на груди микрофоном энергично танцевала на сцене — и почти сотня женщин всех размеров смотрели на нее и повторяли ее движения. На них были леотары поверх легинсов; в конце занятия они опускались на пыльный пол и начинали задирать ноги. Между ног у них я видела темные влажные пятна — и умирала от неловкости, от стыда за них, за себя, оттого, как стыдно быть женщиной.

Но сегодня, вместо того чтобы идти на аэробику, мама натирает до блеска и без того чистый пол в столовой.

— Ты ведь понимаешь, с чего все это началось, верно? — спрашивает она.

— С того человека в машине, — отвечаю я.

Я сижу за столом. Это непривычно: в столовой мы едим только по праздникам или когда при-

ходят гости.

— Нет, — отвечает она и опускает тряпку в белое четырехугольное пластмассовое ведро, в котором иногда парит ноги после долгой смены в больнице.

Она стоит на четвереньках, мокрую тряпку держит в руках, а еще одну, сухую, подложила себе под колени. Полы у нас деревянные, твердые, просто так на коленях не постоишь — для этого нужна еще одна старая тряпка, плотная и комковатая, словно зернистый творог. Почти у всех, кого я знаю, родители нанимают кого-нибудь для уборки. Когда тебе принадлежит дом в нашем районе, естественно, ты не станешь сам мыть полы! Это верно для всех, кроме моих родителей. Они считают, что все надо делать самим. Особенно убирать грязь в собственном доме. Да и кто с этим справится лучше мамы?

Мама сдвигает тряпку-подстилку вправо, становится коленями на нее и продолжает мыть пол.

— Все из-за тех лекций для родителей, — говорит она, — что читали у вас в школе прошлой весной. Первой выступала женщина из Стэнфорда.

И мама пальцем приподнимает кверху кончик носа: это значит, что «женщина из Стэнфорда»

многовато о себе воображает. Кто-нибудь мог бы подумать, что этот жест означает свиной пятачок, но это не так: мама выросла в деревне, она никогда не оскорбляет животных.

— Эта женщина из Стэнфорда, — мама произносит «Стэн-фьорд», — сказала, что поделится с нами секретом, как вырастить из дочери успешную женщину.

— Правда? — Как и все тринадцатилетние девочки, я навостряю уши при слове «секрет».

— Вот что она сказала: «Никогда не говорите дочерям, что они красивы!» На ее взгляд, ничего хуже и быть не может. И, разумеется, все послушались — она же профессор из… — Мама даже не произносит названия университета, вместо этого снова приподнимает ладонью кончик носа. — Но я вижу, как с того времени все вы, девочки, начали искать внимания. Постоянно вертитесь перед зеркалом, хотите убедиться, что вы хорошенькие. А когда я росла, у нас даже не было зеркал. Кто хотел на себя посмотреть — шел и смотрелся в озеро.

С этими словами она встает, выходит на кухню, возвращается оттуда с бутылкой «Виндекса» и начинает брызгать на стекло антикварного зеркала в позолоченной раме. Это зеркало из папиной

галереи. У нас весь дом как антикварная лавка, и порой я спрашиваю себя: если бы у папы с мамой родился мальчик, наверное, они бы обставили дом по-другому? Ведь только с девочками можно не опасаться за сохранность хрупких предметов.

Сосредоточиться на домашней работе мне в тот вечер не удается. Я звоню подругам, оставляю им сообщения. Но никто не перезванивает.

* * *

На следующий день в школу я иду одна — других девочек подвозят родители. Прохожу мимо места, где стояла машина. Теперь там пусто. Я долго смотрю на него, словно на место, где была какая-то древняя достопримечательность. Потом поворачиваюсь и в одиночку иду дальше.

У себя в шкафчике нахожу сложенную записку, адресованную Бенедикту Арнольду; но его имя перечеркнуто и сверху надписано мое. В записке всего одно слово: «Придательница!» С орфографией у Марии Фабиолы всегда были нелады.

В классе мне кажется, что даже учительница мисс Ливси смотрит на меня как-то странно. Мисс Ливси живет в Беркли — можно сказать, в иной вселенной. Мы довольно много о ней знаем: она из тех немногих учителей, что рассказывают нам

о своей жизни за пределами школы. Она рисует обнаженных женщин, прикрывая им интимные места артишоками, гуавами или авокадо, и иногда показывает нам слайды своих работ «в процессе». А в прошлом году приводила в класс своего сына, отслужившего в армии, чтобы он нам рассказал о службе в Миротворческом корпусе. Ее черные волосы всегда растрепаны: не настолько, чтобы нарваться на жалобы родителей, но настолько, чтобы вызвать у нас подозрения, не провела ли она ночь где-нибудь в лесах. Мы обсуждаем между собой, бреет ли она подмышки. Ведь, кажется, в Беркли принято не брить? Порой она приходит с брызгами краски на туфлях, и мы понимаем, что перед школой она работала над своими холстами. Нас привлекает и завораживает, что у нее своя жизнь, свои увлечения, с нами не связанные. А в ее сына, двадцатилетнего красавчика, все мы немного влюблены.

Во время контрольных ко мне часто подсаживаются, чтобы списать, — но сегодня я за партой одна. Мисс Ливси раздает нам откссеренные таблички с девятью ячейками. Это опросник: он должен помочь нам решить, что о себе мы готовы рассказать незнакомцу, что — другу, что — члену семьи. Определенно не случайно совпало, что

сегодня нам придется отвечать именно на такие вопросы! Опросник явно предназначен для аудитории постарше: в центральную ячейку нужно записать «то, что не станешь рассказывать даже самому себе». Эту ячейку мисс Ливси перечеркнула крест-накрест — но от этого, разумеется, стало только интереснее. В чем же таком даже самой себе признаваться нельзя?

Следующий урок — биология. Уже третий день идет блок «сексуальное образование». В первый день учительница рассказывала о прокладках и тампонах, и еще сказала, что спринцеваться нельзя — это нарушает естественную экосистему организма. Во второй день мы смотрели учебный видеофильм о родах без анестезии. Роженица была белая, молоденькая и хорошенькая — вполне могла бы учиться в нашей школе. Мы все закрывали глаза ладонями и клялись, что никогда, ни за что не станем заводить детей!

Учительницу биологии, мисс Макгилли, мы зовем «мисс Мак», хотя ей это не особенно нравится. Как и мы сами. Она костлявая, волосы прямые, рыжие с сединой; у нее сын — наш ровесник и две дочери помладше. Девочек, говорит мисс Макгилли, она ни за что не отправит в «Спрэгг». Мы понимаем: долго она здесь не задержится.

Пойдет путем учительницы музыки, научившей нас песне «Дома-коробочки». Учительница музыки нам нравилась. Она разрешала называть ее по имени — Джейн. Носила ковбойские пояса и прямо в классе расчесывала свои русые волосы, пока они не начинали блестеть. (А мисс Мак говорит, что неприлично причесываться на глазах у людей.) И однажды сказала: «Что, не понимаете? Вы, девочки, в этих ваших форменных юбочках и матросках — точь-в-точь дома-коробочки из песни. Все одинаковые. Нужно сорвать с себя все это, чтобы вернуть себе свое «я»!» Больше мы ее не видели. И еще долго думали: Джейн выгнали за то, что она призывала нас сорвать юбки.

Сегодня мисс Мак рассказывает о средствах контрацепции. Сперва презерватив: все решают, что пахнет он просто ужасно! Потом спермицид с аппликатором — аппликатор так забавно скользит вверх-вниз. Спираль — розовая, похожая на игрушку для хомячка. И наконец, противозачаточные таблетки. Аккуратно лежат в блистере, четыре ряда, по семь таблеток в каждом: это напоминает мне слова Джейн о том, что все мы одинаковые. Я вытаскиваю три таблетки и прячу в карман шорт. Сегодня все мы пришли в шортах под синими юбками: последний урок

— физкультура.

Перемену я провожу в библиотеке, на обед в кафетерий иду одна с выбранной в библиотеке книгой. Я ее уже читала, но знакомый сюжет придает уверенности. Жду, что кто-нибудь присядет ко мне за прямоугольный столик или заговорит со мной, проходя мимо, — но нет, ничего. В другом углу кафетерия — Мария Фабиола: она звонко смеется, и я не слышу отсюда, но знаю, как звенят в такт смеху, скользя по ее загорелой руке, серебряные браслеты.

Обед в одиночестве тянется долго. Я часто посматриваю на часы, в какой-то момент решаю даже, что они остановились — хоть часы и тикают оглушительно, словно стучит сердце преступника. Сквозь юбку нащупываю в кармане шорт таблетки. Сама не знаю, зачем я их взяла. Быть может, затем же, зачем собираю пасхальные яйца. В этом ведь нет никакого смысла: только показать другим, сколько ты собрала, а дальше о них забыть, и пусть тухнут.

В конце обеденного перерыва у меня назначена встреча с мистером Лондоном, нашим учителем литературы, — мы с ним обсуждаем данный им список для внеклассного чтения. Мистер Лондон пришел в «Спрэгг» вскоре после колледжа; для

преподавания в восьмом классе он, возможно, слишком молод — слишком мала возрастная дистанция. В начале учебного года он объявил, что мы будем читать Джека Лондона, и кто-то спросил, не родственники ли они. Мистер Лондон принял важный вид и ответил уклончиво. Меня это не обмануло, но другие в нашей школе любят выдумывать связи между вещами, не имеющие отношения к реальности.

Мы встречаемся в мужской учительской — в сущности, в его личном кабинете, поскольку других учителей-мужчин у нас нет, если не считать физкультурника мистера Робинсона, который свою берлогу обустроил в кладовой для спортинвентаря. Даже австралийский флаг повесил на дверь, чтобы показать, что это его территория. Женская учительская вечно полным-полна, в ней стоит запах, напоминающий о застоявшихся в неглубокой вазе цветах. В мужской учительской всегда пахнет жженым кофе — должно быть, думаю я, это и называется запахом тестостерона.

Сегодня мы с мистером Лондоном должны обсудить «Фрэнни и Зуи». Он сидит за столом, откинувшись на спинку кресла, и поглаживает чисто выбритый подбородок. Позади него на трех книжных полках виден Хемингуэй («И восходит

солнце», «Праздник, который всегда с тобой»), Фицджеральд («Ночь нежна») и Роберт Луис Стивенсон («Похищенный»). Есть здесь и целая полка, посвященная Джеку Лондону: должно быть, таким способом мистер Лондон ненавязчиво поддерживает миф о своем родстве с великим писателем.

— Ну-с, что ты думаешь об этой книге? — спрашивает мистер Лондон.

— Что? — отвечаю я, все еще разглядывая книги на полках.

— «Фрэнни и Зуи».

— А, — говорю я. — Мне не понравилось.

— Что значит не понравилось? — спрашивает мистер Лондон.

— Ну, «Над пропастью во ржи» понравилась, а «Фрэнни и Зуи»… по-моему, так себе книжка.

— Так себе? — повторяет он. — Сэлинджер — это, по-твоему, так себе?

— Да, — отвечаю я. — На четверку с минусом.

— Тогда, боюсь, придется четверку с минусом тебе и поставить, — сообщает мистер Лондон.

— За внеклассное чтение?

— Разве ты не знаешь, что Сэлинджер гений? Наше национальное достояние? — восклицает он.

— Это не значит, что мне должны нравиться все его книги, — упрямлюсь я.

— Именно это и значит! — отвечает мистер Лондон, выпячивая челюсть. Сейчас становится очень заметно, как он еще молод.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что это шедевр! — говорит мистер Лондон и встает из-за стола.

— А мне было скучно, — отвечаю я. — Хоть это и книга для подростков, мне она вообще не понравилась. Я бы никому ее не посоветовала.

— Ты бы никому ее не посоветовала!.. — рычит мистер Лондон и принимается мерить шагами тесную учительскую.

Я знаю, что сейчас будет. Он бросится наутек. У мистера Лондона официально засвидетельствованная проблема с самоконтролем. Засвидетельствованная мною, если точно. Всякий раз, когда он срывается на уроке, я рассказываю об этом мисс Кейтениз, директрисе старших классов. Когда-то она была красавицей и сейчас носит короткие юбки, подчеркивающие стройные ноги, и блузки с высоким воротничком, — и всякий раз с чрезвычайным интересом меня выслушивает. Вряд ли мистер Лондон в курсе, что я на него жалуюсь. Скорее всего, я и не одна такая. Впро-

чем, когда мисс Кейтениз говорит, что другие тоже страдают от его темперамента — возможно, имеет в виду себя. У нас ходят слухи, что она была в него влюблена — ну а он, как в конце концов оказалось, нет.

Наконец мистер Лондон делает то же, что и всегда: вылетает за дверь. Именно так поступает он и в классе, когда разъярен и не хочет, чтобы мы это видели. Он знает, что у него проблемы с самообладанием, и так с этим справляется — просто уходит. Когда он выбегает из класса, все мы сидим на своих местах и громко считаем до ста двадцати: знаем, что он отсчитает две минуты и вернется. Кто-то его этому научил: когда чувствуешь, что готов взорваться, выйди, передохни две минуты, успокойся и снова войди.

Мистер Лондон вылетел из учительской, и на две минуты я осталась одна. И тут я делаю то, что вовсе не собиралась. Извлекаю из кармана шорт три противозачаточные таблетки, которые стянула на уроке сексуального образования, давлю в ладони. Затем подхожу к его столу и высыпаю раскрошенные таблетки в кружку с кофе. Беру из раковины грязную ложку и размешиваю. Никаких следов! Я сажусь на свое место и думаю: теперь здесь чуть меньше пахнет тестостероном.

И, может быть, чуть больше — тем запахом, что стоит в гимнастическом зале, когда мама с подругами занимается там аэробикой.

Вернувшись ровно через сто двадцать секунд, мистер Лондон видит, что я смирно сижу на стуле.

— Я пришел к выводу, что ты имеешь право на свое мнение об этой книге, — говорит он и делает большой глоток кофе.

— Спасибо, мистер Лондон, — отвечаю я и встаю, чтобы идти.

7

В пятницу, слава богу, в школе укороченный день. Со мной по-прежнему никто не разговаривает. После обеда родители собираются в галерею: там будет аукцион, а после прием с коктейлями. Петру, дочку бывшей маминой начальницы, просят за мной присмотреть. Не то чтобы я в этом нуждалась, но после всех событий этой недели и учитывая, что после аукциона будет ужин и вернутся они поздно, — пусть, говорят они, Петра составит нам со Свеей компанию. Петре двадцать, у нее роскошная грива, черная как смоль; чаще всего она зачесывает волосы наверх и закалывает вместо шпилек китайскими палочками. Однажды я похвалила ее прическу; с тех пор на каждый день рождения она дарит мне китайские палочки. У меня их уже целая гора на полке в шкафу, рядом с мини-сейфом, где я храню деньги, заработанные присмотром за малышами.

К аукциону папа готовился целую неделю. Ему предстоит объявлять лоты, так что надо разработать голос. Последний аукцион был несколько месяцев назад, и с тех пор, говорит папа, у него «язык малость заржавел». Он сидит один в каби-

нете с молотком, громко называет разные номера, потом объявляет: «Один… два…» А дальше, где бы в доме я ни находилась, слышу грохот молотка и громовой папин возглас: «Продано!»

День выдался жаркий: среди осени в Сан-Франциско наконец явилось лето. Мама приезжает с работы раньше обычного, моет голову, укладывает волосы и красит ногти. Одевается во все белое — и мне приходится признать, что выглядит она великолепно. Папа с этим согласен.

— Ух ты! — говорит он, когда она спускается вниз. И любуется ею издалека, словно произведением искусства.

В 14.30 у задней двери появляется Петра; сегодня у нее в прическе розовые китайские палочки. На ней шорты и футболка с надписью «Твое желание». Мне приятно, что сегодня Петра видит маму в праздничном наряде. Обычно мама появляется перед ней только в домашнем или в рабочей одежде медсестры. Родители объясняют Петре, чем нас кормить (пастой) и когда они вернутся (после одиннадцати), а затем отбывают — в галерею им надо попасть заранее, проверить, все ли готово к вечернему мероприятию. Папа возвращается: он забыл молоток.

— Хорош бы я был, если бы уехал без него! —

говорит он, и Петра улыбается в ответ. Как-то так улыбается, что у меня от этой улыбки всякий раз сжимается в груди, словно я еду в лифте, а он вдруг застревает между этажами.

— Как тебе кажется, моя мама сексапильная? — спрашиваю я.

— Хм… — отвечает Петра, и я немедленно жалею, что спросила. Проходит пять секунд. Пятнадцать. — Она очень хорошо выглядит, но сексапильной я бы ее не назвала.

— А в чем разница? — спрашиваю я.

— Ну, она красивая, но это не сексуальная красота, — отвечает Петра. По тону понятно, что себя-то она считает и красивой, и сексуальной.

Я скрываюсь от нее в гостиной. У всех комнат в нашем доме есть названия: гостиная, библиотека, фойе, нижний этаж (мы никогда не говорим «подвал»). Из окон гостиной видны улица и поток машин, направляющийся на пляж. Еще и трех часов нет — но, похоже, все сегодня ушли с работы пораньше, чтобы насладиться жарой.

— Пойдемте на море! — говорит из-за спины Петра.

И добавляет, что там мы обязательно встретим кого-нибудь из ее однокурсников по Беркли (Калифорнийский университет Беркли она назы-

вает «Кэл»). А мы не хотим кого-нибудь позвать с собой? Свея хочет: она позовет свою хмурую подружку.

— А ты никого не хочешь пригласить? — спрашивает Петра.

— Да ну их, — небрежно отвечаю я. — Надоели.

Петра пристально смотрит на меня.

Знает. Наверняка родители все ей рассказали — о том, что случилось в школе, о том, что со мной теперь никто не разговаривает. А им наверняка позвонили учителя.

Через несколько минут на машине с открытым верхом подъезжают угрюмая подружка Свеи и ее мама. Папы у нее нет, а мама веселая и энергичная, и сейчас, кажется, улыбается еще радостнее обычного — возможно, довольна тем, что хоть на несколько часов избавится от своей хмурой дочки. Может, она собралась на свидание?

— Пока! — кричит она нам и театрально машет рукой, словно с борта отплывающего теплохода.

Я натягиваю шорты и футболку «Эспри» — непривычное одеяние для похода на пляж. В наших краях для прогулок по берегу куда чаще приходится надевать свитера и теплые куртки.

— А купальники надеть не хотите? — спрашивает Петра меня, Свею и угрюмую подружку.

Мы отвечаем, что нет, не хотим.

— Ну а мой уже на мне! — сообщает Петра.

Это меня радует: значит, футболку с надписью «Твое желание» она на пляже снимет. А то представляю, какие эта футболка может вызвать комментарии!

Но когда мы приходим на пляж и Петра стаскивает футболку и шорты, я очень об этом жалею. Право, шорты могла бы и оставить! Лобковые волосы у нее черные, густые, кустистые, они приподнимают эластичную ткань бикини и распространяются из-под нее по бедрам дюйма на два, не меньше.

Петра замечает своих подруг из колледжа, обнимается со всеми, а потом они начинают перекидываться летающей тарелкой. Петра бегает и прыгает на глазах у загорающих, и мне кажется, что все смотрят на ее волосы на лобке. Я отворачиваюсь — и тут замечаю Марию Фабиолу. Она лезет вверх по утесу: я сразу узнаю ее гибкость и точные движения. За ней, куда более неуклюже, карабкается еще одна фигура, которую я не сразу узнаю. Потом понимаю: Лотта, новенькая из Голландии. Назавтра я приглашена к ней на день рождения с ночевкой — но звала она меня еще на прошлой неделе, до всей этой истории,

так что теперь, скорее всего, приглашение отменилось. В Лотте пять футов семь дюймов, на ней ярко-красные шорты и оранжевая футболка. До сих пор я видела ее только в школьной форме, но в таком одеянии она куда больше похожа на голландку. Она ползет следом за Марией Фабиолой, отставая от нее футов на двадцать. Лотта выросла в равнинной стране, к скалам не привыкла: как же, должно быть, Марии Фабиоле с ней тяжело! Интересно, она по мне скучает?

Людей на пляже сегодня больше сотни — а обычно и троих не бывает. Вот типичный день на пляже: парочка пишет на песке свои имена и обводит их сердечком, да какой-нибудь одиночка, мужчина или женщина, задумчиво смотрит в море, размышляя о прошлом или о будущем. Но сегодня народу полно — и все только и смотрят друг на друга. Мужчины в тесных плавках, девушки в белых купальниках: сквозь ткань просвечивают темные соски. И среди них вьется Петра, картинно ловит в прыжке летающую тарелку и прячет у себя за спиной. Хочет, чтобы кто-нибудь попробовал отнять. Лучше всего — кто-нибудь из ее накачанных длинноволосых друзей-студентов.

Рядом со мной, сидя на полотенце, играют в

карты Свея со своей угрюмой подружкой. На обеих цельные купальники: я смотрю на них, чтобы не смотреть на Петру, и мысленно хвалю их за правильный выбор. Потом прикрываю глаза и растягиваюсь ничком на песке. Солнце выглядывает из-за туч и начинает припекать мне спину.

Я погружаюсь в дремоту минут на десять, может, на пятнадцать. А когда открываю глаза, вижу, что я уже не одна. Рядом сидит, зарыв ноги в песок, Кит с Си-Вью-Террас. Даже сидя, он кажется высоким.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — отвечает он. Глаза у него голубые, как два глобуса. — Проснулась?

Я сажусь. Петры нигде не видно; Свея и ее угрюмая подружка поднимаются по бетонным ступеням вверх — должно быть, идут в туалет, где вечно воняет тухлой рыбой.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я. Голос со сна звучит хрипловато, соблазнительно. Я не пытаюсь прочистить горло.

— Просто вышел проветриться. Посмотреть, на что похож наш пляж в пляжную погоду.

На нем шорты и белая серферская футболка, выцветшая и вытертая до полупрозрачности. Мягкая, должно быть.

— Я тоже, — говорю я.

Смотрю на его ноги, зарытые в песок по самые лодыжки. Я знаю, почему он прячет ступни. Медленно смахиваю с них песок. Поднимаю глаза, чтобы удостовериться, что он не против. На его длинном, вытянутом лице отражается боль, но он кивает — и я продолжаю раскапывать песок осторожными, нежными движениями, словно археолог, ищущий сокровище.

Никогда прежде я не видела его пальцев с перепонками. Только о них слышала. Из-за этих перепонок друзья — не слишком близкие — зовут его «Человеком-пауком». Близкие друзья так не делают — знают, что для него это не смешно. Я ожидаю увидеть что-то вроде утиных лап — но нет, просто широкие ступни, пальцы на которых наполовину соединены и разделяются примерно там, где начинается ноготь. Не знаю, что на меня находит, но я вдруг наклоняюсь и прохожусь по пальцам его ног губами, одним плавным движением, от второго пальца до мизинца. В рот набивается песок, но я его не выплевываю.

Потом поднимаю взгляд — и вижу, что в уголке одного из его голубых глаз блестит слеза.

— Это от солнца, — говорит он.

— Конечно, — отвечаю я, чтобы его не сму-

щать. — А я забыла солнечные очки, представляешь?

— Не хочешь прогуляться? — спрашивает он.

Я встаю, и он поворачивается налево, но именно там я видела Марию Фабиолу и Лотту, так что показываю направо.

— Давай лучше туда, — говорю я.

По дороге мы натыкаемся на Петру — точнее, она врезается в нас.

— Привет, я Петра! — говорит она Киту.

— Ага, — отвечает он. Должно быть, решил, что это просто чересчур приветливая незнакомка.

— Петра — подруга нашей семьи, — объясняю я. — Она присматривает за моей сестрой.

— А-а! — говорит он. — А я Кит.

Кажется, он украдкой бросает взгляд вниз, на ее волосы, торчащие из-под купальника, и мне становится за нее неловко.

— Куда это вы? — спрашивает она.

— Через пять минут вернемся, — отвечаю я.

— Хм, ну ладно, — говорит она и задирает подбородок, словно хочет сказать: «Могла бы я сказать вам «развлекайтесь, детки», но так уж и быть, удержусь!»

Мы с Китом идем к утесам. На большом камне кто-то написал краской из баллончика: «КРА».

Это тэг одной из местных подростковых банд. КРА означает «китаец, родившийся в Америке». Еще один тэг, который часто можно увидеть в нашем районе, — НИО, что значит «ничто не остановит» — девиз компании скейтбордистов. Для постороннего выглядит так, словно здесь конкурируют какие-то партии или службы новостей. Я показываю Киту, как, выждав миг, когда волна откатывается назад, перелезть через утес на соседний пляж. В нужный момент кричу: «Бежим!» — и мы оказываемся на другой стороне утеса прежде, чем волна разбивается о камни. Мощный вал, брызги белой пены на камнях — это зрелище так и просится на безвкусное масляное полотно. Мы стоим на вершине: не разговариваем, не касаемся друг друга, только шумно дышим в унисон. Потом, когда радостное возбуждение спадает, я показываю Киту, как перебежать обратно.

Вот мы и снова на основном пляже. Поодаль я замечаю Петру. Кит говорит, что ему пора домой.

— Ладно, — говорю я. — Увидимся.

— Увидимся, — отвечает он.

Я возвращаюсь к своему полотенцу, на котором спала, и вижу, что на песке с ним рядом написано слово «шлюха». Оглядываюсь — вокруг никого.

Хочу стереть ругательство ладонью, но потом решаю, что не стоит. Пусть и у меня будет свой тэг.

8

На следующий день мне звонит Лотта и просит не приходить к ней на день рождения.

— Извини, — говорит она, — но я здесь новенькая и хочу завести друзей. А если я тебя позову, никто больше не придет.

— Понимаю, — отвечаю я. И в самом деле понимаю.

В результате я иду вместе с родителями на вечеринку к нашим соседям, а сестра отправляется с ночевкой к подруге. Это те соседи, что сколотили состояние во время золотой лихорадки, а вечеринка в честь их старшего сына. У них часто бывают деловые ужины и приемы, но туда моих родителей не зовут — они ведь не банкиры. Однако сегодня семейный праздник, и на него приглашены все соседи. Старший сын Уэс решил жениться, и его родители празднуют помолвку. Уэса я почти не знаю: пять лет назад он уехал из дома, сначала учиться в Дартмур, а получив диплом, переехал в Бостон.

Мы входим в дом через парадную дверь: для меня это впервые — до сих пор я попадала сюда только через окно. В холле сумрачно: темные

полы, зашторенные окна с матовыми стеклами. У меня дома светло и повсюду зеркала. Этот трюк папа и мама усвоили, когда были молоды и бедны и хотели, чтобы их скромная квартирка казалась больше, чем она есть. Но и разбогатев и поселившись в большом доме, они не расстались с зеркалами.

У дверей нас встречают господин финансист и его жена. Она очень худая: тяжелое бриллиантовое ожерелье лежит неровно и притягивает взгляд к ее торчащим ключицам. На ней изумрудно-зеленое платье, белокурые волосы зачесаны назад и уложены в узел на затылке. На шаг позади хозяев стоит престарелая горничная-ирландка в форме. В руках у нее серебряный поднос и на нем бокалы с шампанским. Эту горничную я раньше видела только на расстоянии, когда она вывешивала постиранные вещи из окна, выходящего на наш сад. Как видно, никто ее не предупредил, что в нашем районе не принято вешать белье сушиться на окнах.

Вдруг папа и мама разом напрягаются; я понимаю, что их натянутые улыбки и едва заметно прищуренные глаза как-то связаны со мной. Обернувшись, вижу родителей Марии Фабиолы. Они держатся за руки, как молодожены.

— А где Мария Фабиола? — спрашивает папа у ее отца, моложавого и щеголеватого. Мы стоим вместе, но поодаль друг от друга, какой-то ломаной пентаграммой.

— Ночует у своей новой подруги. У той девочки из Голландии.

— Ты ее знаешь? — спрашивает меня папа.

— Мы в одном классе.

Мама заводит с матерью Марии Фабиолы светскую беседу о Хеллоуине и о том, много ли они закупили конфет. Хеллоуин в Си-Клиффе — важный праздник. Местные жители обожают раздавать долларовые бумажки или большие батончики «Херши», так что в праздничный день задолго до семи все наши дома осаждают искатели лакомств. Родители привозят в Си-Клифф детей из других частей города — знают, что здесь добыча будет богаче, чем в любом другом месте.

К разговору присоединяется еще одна пара: эти муж и жена переехали в наш район совсем недавно.

— Я слышала, на праздник наш район хотят закрыть от посторонних, — говорит женщина; выговор у нее не местный, но мне не удается его распознать.

— И правильно сделают, если так, — подхва-

тывает ее муж. — С какой стати нам тратить такие деньги на детишек, которые даже здесь не живут?

Я, извинившись, отправляюсь в туалет.

Туалет здесь очень большой, с деревянной скульптурой писающего мальчика. Вымыв руки, вытираю их маленьким полотенцем, которое, как понимаю, потом нужно бросить в специальную корзину. Из-за двери доносится голос:

— Ждете очереди?

И ответ:

— Нет, просто сбежала сюда, чтобы не разговаривать с неприятными людьми. Знаете, как это бывает?

Этот голос я узнаю: это мать Марии Фабиолы. Срываю с крючка еще одно полотенце, вытираю руки еще раз, бросаю в корзину. Потом беру третье и, даже не использовав, тоже бросаю в корзину — просто так.

Выйдя из туалета, одариваю мать Марии Фабиолы фальшивой улыбкой. Быстро оглядываю комнату в поисках родителей — сейчас я не хочу к ним возвращаться. Замечаю на столике оставленный кем-то бокал шампанского. Украдкой его беру, выпиваю до дна, а затем отправляюсь в ту часть дома, что мне лучше всего известна, — в

комнату с телевизором. Может быть, думается мне, там сидит младший сын хозяев со своими приятелями, смотрит телик: пусть они все увидят, что в глянцево-блестящем черном платье я выгляжу совсем взрослой!

Я вхожу в комнату с телевизором — но свет здесь почти не горит, телеэкран темен и пуст. Подхожу к окну, чтобы взглянуть, как выглядит отсюда наш дом. Как самый обычный дом. На окне моей комнаты — выцветший стикер, предупреждающий пожарных, что это детская спальня. Стикер наклеили много лет назад, я о нем и не вспоминала. Теперь обещаю себе его снять.

— Ты дочка наших соседей, верно? — спрашивает кто-то из-за спины.

Я оборачиваюсь. Это Уэс, старший брат. Жених. Сидит здесь один в темноте.

Я киваю, а потом, сообразив, что в темноте он вряд ли увидит кивок, отвечаю:

— Ага.

Оба мы молчим, прислушиваясь к звукам вечеринки в другой части дома.

— Разве вы не должны быть там? — спрашиваю я. — Это ведь ваш праздник.

— Ну, теоретически мой. Но на самом деле предки это для себя устроили.

Я снова киваю. Уэс белокурый, в смокинге. Выглядит как жених в кино, и от этого кажется красивее, чем он есть. Точно красивее своего младшего брата.

— У меня башка трещит, так что отсиживаюсь здесь, — говорит он.

Я слышала, что в Дартмуре, играя в хоккей, он упал на льду и сильно разбил себе голову. Приехал на несколько недель домой, поправлялся здесь. Каждое утро горничная вывешивала из окна прачечной его вещи. А потом белье на окне исчезло — так я узнала, что ему стало лучше и он вернулся в Дартмур.

— А часто болит голова? — спрашиваю я.

— Всякий раз, когда злюсь.

— А почему вы сейчас злитесь?

— Да все из-за этой свадьбы, — отвечает он.

Язык у него заметно заплетается, не знаю, из-за травмы или потому, что он выпил. Я все стою перед выключенным телевизором, переминаясь с ноги на ногу. Сегодня на мне черные туфли на невысоком каблуке. Я к ним не привыкла, их хочется снять — но снимать, конечно, не стану: ведь это сразу покажет, что обычно я такие туфли не ношу.

— Слышала про эксперимент с лягушками? —

спрашивает он.

— М-м… это какой? — отвечаю я, задумчиво взявшись за подбородок, словно припоминаю все известные мне эксперименты с участием лягушек.

— Где лягушек варили в кипятке.

— Кажется, да, — вру я.

— Провели исследование, и оказалось, что, если бросить лягушку в кипящую воду, она просто сразу выпрыгнет.

— Логично, — говорю я.

— Тогда они стали делать так. Сажают лягушку, допустим, в слегка тепловатую воду, а дальше начинают медленно подогревать. Все сильнее и сильнее, пока вода не закипит. И тогда лягушка не выпрыгивает.

— Не выпрыгивает?

— Не-а. Ей кажется, что пока все нормально. Беспокоиться не о чем. И знаешь, чем это для нее кончается?

— Чем?

— Дохнет, — отвечает он. — Это научный факт.

Он откидывается на спинку кожаной кушетки и отпивает из бокала. Я раздумываю над его словами. Прихожу к выводу, что он имеет в виду свою будущую свадьбу.

— И лягушка — это вы? — спрашиваю я наконец.

— Ква-ква, — отвечает он.

Мне хочется уйти, но я не уверена, что это будет вежливо — так и стою перед тусклым пустым экраном, а он смотрит на меня, словно на телешоу.

— Ты когда-нибудь танцевала лэп-дэнс? — спрашивает он вдруг.

— М-м… кажется, нет, — отвечаю я.

— «Кажется, нет!» — повторяет он и смеется.

Выпитое шампанское вдруг подступает мне к горлу и просится наружу, пузырьки щекочут глотку, но миг спустя все успокаивается.

— Иди-ка сюда! — говорит он вполголоса, ласково и настойчиво.

В комнате все темнее; я чувствую вдруг, как устала от этого сумрака. Я подхожу, и он жестом просит меня повернуться; так я и делаю. Он сажает меня к себе на колени, спиной к себе. Пышная юбка моего платья задирается. Он кладет руки мне на бедра и начинает двигать меня на себе, плавными круговыми движениями, словно рисуя восьмерку. Я смотрю вперед, на темный пустой экран. Кажется, в нем видны наши отражения: девочка извивается на коленях у молодого чело-

века, тот запрокидывает голову… хотя нет, это только кажется. Может быть, после той травмы у него неладно с головой? — думаю я. В этот миг он стонет, а затем я чувствую под собой прилив жара и расплывающуюся влагу.

— О-о! — стонет он и прижимает меня к себе, вдавливает спиной в себя.

Это неудобно, и я не знаю, долго ли должна так сидеть. Считаю до десяти, затем встаю и выхожу, не оборачиваясь. Не хочу смущать Уэса своим взглядом.

Я знаю: завтра утром на окне прачечной появятся его трусы. «Бедная горничная», — вот все, о чем я думаю, когда поправляю платье, чтобы не топорщилось. Бедная горничная: ей уже за восемьдесят, и завтра ей придется отстирывать с его трусов сперму.

9

Пальмовые листья не меняют свой цвет, но по всему ясно, что наступил октябрь. Чайна-Бич опустел, если не считать рыбаков, каждое утро терпеливо сидящих на обрывистом берегу с удочками. Иногда они спускаются вниз и бродят в своих высоких сапогах по воде, невзирая на предостерегающие таблички: «Осторожно! Купаться и ходить по дну опасно!» Это предупреждение повторяется на китайском, русском и испанском языках.

Осень дает эксгибиционистам — любителям прогуляться мимо «Спрэгг» — законное основание носить длинные пальто. Окна в старших классах выходят на общественное поле для гольфа, прилегающее к школьной территории, — и не так уж редко, в рассеянности или от скуки выглянув в окно, нам случается заметить внизу мужчину, который распахивает пальто и демонстрирует нам себя.

— Просто не обращайте на него внимания, смотрите только на меня, — говорит мисс Ливси всякий раз, когда под окном появляется такой субчик.

А папа говорит, что на эксгибициониста надо показать пальцем и громко засмеяться. Совсем разные подходы. Все, что советуют нам разные взрослые, противоречит друг другу.

Вечером тридцатого октября родители вдруг понимают, что у меня нет костюма на Хеллоуин. Я отвечаю: ничего, все в порядке — и прошу у мамы шарф. Снимаю колесо со старого велосипеда, беру его в руки, один конец шарфа наматываю себе на шею, а другой продеваю сквозь спицы колеса.

— И кто ты? — спрашивает Свея.

— Айседора Дункан, — отвечаю я.

— А кто это?

— Известная танцовщица. Она погибла, когда ехала на автомобиле, и конец шарфа выбился, намотался на колесо и ее задушил.

— Ужас какой! — говорит Свея.

Я пожимаю плечами:

— Вот как опасно бегать за модой!

* * *

Мария Фабиола, Джулия, Фейт и Лотта приходят в школу на Хеллоуин, одетые как группа «Go-Go's» на обложке альбома «Beauty and the Beat». Все они в белых банных халатах (девушки на обложке обернуты в белые полотенца, но, должно

быть, родители решили, что это уж слишком). Лица густо намазаны чем-то белым, засохшим и потрескавшимся на щеках. На фоне этих белых масок зубы кажутся желтыми. Идея была моя — я предложила так одеться на Хеллоуин в сентябре, целую вечность назад. Лотта, девочка из Голландии, вообще не знала, кто такие «Go-Go's», пока не приехала в Америку. В группе пять девушек, но на Хеллоуине в «Спрэгг» всего четыре.

Учителя голосуют и выдают мне приз за лучший костюм. Решение ужасное. Всем ясно: меня назначили победительницей, потому что я стала изгоем, никто в классе теперь со мной не разговаривает. Но неужели они не понимают, что первый приз за «костюм», не стоивший никакого труда, который я придумала накануне вечером, — еще унизительнее?

После школы мы со Свеей и ее угрюмой подружкой отправляемся за конфетами. Потом возвращаемся домой и принимаемся раздавать конфеты страждущим, пока большой черный котелок не пустеет.

— Конфеты кончились! — кричу я родителям, которые сидят на кухне.

— Значит, надо сделать вид, что нас нет дома! — кричит папа в ответ. — Иначе дом яйцами

забросают!

— Выключаем свет! — командует мама.

И мы входим в режим боевой готовности. Выключаем свет, задуваем все свечи, кроме тыквенных фонарей, подсвечивающих крыльцо. Потом на всякий случай заносим в дом и резные тыквы. Теперь в доме темно, как будто никого нет. Сидеть у окон кажется слишком рискованным, так что мы все выходим в фойе и садимся на ковер в середине комнаты.

— Прямо как Анна Франк, когда пряталась от нацистов! — говорит угрюмая подружка моей сестры.

И в полутьме я вижу у нее на лице то, чего никогда прежде там не видела, — улыбку.

10

Моя мама состоит в шведском клубе шитья и вязания. Точнее, изначально это был клуб под названием «Шитье и вязание»: но уже, должно быть, с год или больше его участницы забросили свои выкройки и даже не приносят их на ежемесячные заседания клуба. Прошлой зимой мама саркастически предложила переименовать клуб в «Нытье и стенания» — мол, ничем другим он уже не занимается, — но участницам эта идея так понравилась, что они объявили «Нытье и стенания» своим официальным девизом, а корзинки с шитьем принялись оставлять дома.

На этот раз заседание клуба «Нытье и стенания» пройдет у нас. Вечер сегодня особенный: по телевизору покажут ту серию детектива, что снимали у нас в «Джозеф & Джозеф». Я кладу в шкафчики Марии Фабиоле, Джулии и Фейт записки с напоминанием, что сериал начинается в семь. И втайне надеюсь, что это напомнит им о нашей былой дружбе.

Мама влетает в дом гораздо раньше обычного: ясно, что всю дорогу домой она только и думала о том, что приготовить и как накрыть на стол.

Просит Свею помочь ей на кухне с фрикадельками и лютефиском[1]. По не вполне понятным для меня причинам мне мама на кухне не доверяет — к готовке привлекает только младшую сестру.

— А мне чем помочь? — спрашиваю я, надеясь, что на кухню позовут и меня. И в компании, за молчаливой совместной работой мне станет легче.

— М-м… ну, например, напиши табличку для гостей, чтобы они не перепутали, куда идти, — предлагает мама. — И повесь на парадную дверь.

— Но твои подруги ходят и через заднюю дверь! — возражаю я. Мне хочется помогать на кухне, а не возиться с идиотскими табличками.

— Значит, повесь на заднюю дверь табличку, что просим входить через переднюю, — подсказывает Свея.

— Хорошая мысль! — поддерживает мама.

Я достаю из ящика для рисования два листа бумаги и цветные карандаши. Оранжевым карандашом, задействуя все свои скромные каллиграфические навыки, вывожу на одном: «Добро пожаловать в клуб «Нытье и стенания»!» И на другом: «Дорогие нытики, вход в клуб «Нытье и

---

[1] Примечания: 1

Вымоченная в щелочи рыба, традиционное скандинавское блюдо. *(Прим. ред.)*

стенания» через парадную дверь!»

Папа, возвращаясь с работы, застает меня за приклеиванием к задней двери второго плаката.

— Отлично придумано, — говорит он. — Так они точно не перепутают!

— Как ты думаешь, почему они все время ноют? — говорю я. — Вот все им в Америке не нравится, вообще все! И то плохо, и это нехорошо! Слушаю их, и иногда хочется заорать: «Да валите обратно в свою Швецию!»

— А мне каково все это слушать? — отвечает папа. — Для них слово «американский» — это ругательство!

— Мне они говорят, что из-за карих глаз я совсем не похожа на шведку, — добавляю я. — И, по-моему, считают, что меня это должно огорчать!

И мы хором вздыхаем. На самом деле «Клуб нытиков» не так уж нас раздражает. А если и раздражает, то можно потерпеть: ведь это мамины подруги.

Ноябрьский вечер, холодный и пасмурный. К шести вечера, когда звонят в дверь, вся наша семья уже на позициях и готова принимать гостей. Мама открывает дверь, папа предлагает гостьям выпить, Свея обносит их подносом с фрикадельками: в каждую воткнута зубочистка, и на

каждой зубочистке крошечный шведский флаг. Моя задача в том, чтобы где-то между открыванием двери и фрикаделькой принять у гостьи пальто и повесить в гардероб.

В клубе «Нытье и стенания» дюжина женщин, и многих зовут одинаково, так что у каждой есть свое прозвище. Мия-большая, Мия-маленькая, Улла-толстая, Улла-тощая (в калифорнийских водительских правах это имя пишется как «Ууулала»), Лиза-шумная и Лиза-тихая. Они в самом деле друг дружку так называют! Все усложнилось, когда Улла-толстая села на диету из соков и начала носить платья на пару размеров меньше, а Улла-тощая во время менопаузы набрала вес; но никто не позаботился сменить им прозвища — даже сами Толстая и Тощая Уллы. Только у моей мамы прозвища нет: она здесь единственная Грета.

Все они блондинки, и все приходят вовремя. Одно за другим я отправляю в гардероб одинаковые шерстяные пальто, легкие и хрусткие, с запахом, напоминающим только что запечатанные письма. Последней приходит Мия-большая, и ее пальто не похоже на другие — оно розовое. Мия однажды ходила к стилисту, и он сказал, что ее цветовая гамма — «летняя». После этого она

выбросила из гардероба всю одежду, кроме розовой и оранжевой. И помада, и лак на ногтях у нее всегда только этих двух цветов. Сегодня на ней ржаво-рыжие брюки и такая же блузка: в таком наряде она похожа на огромный осенний лист, упавший с дерева. Мия-большая присаживается на кушетку в стиле Людовика Четырнадцатого, без спинки и с цилиндрическими шишечками из слоновой кости.

Я сажусь рядом, надеясь, что она меня подбодрит: Мия-большая это умеет. Всегда говорит что-нибудь приятное — например, что у меня отличное чувство стиля или что я напоминаю ей Соню Хени, норвежскую фигуристку. О Соне Хени она впервые упомянула, когда увидела меня в костюме для фигурного катания: в тот день она была у нас дома, когда я вернулась с катка, где мы катались по случаю дня рождения Джулии. Так что, скорее всего, эта похвала связана не с моей внешностью, а просто с тем, что я запомнилась ей с коньками. Но сегодня Мия-большая какая-то сама не своя, и я тщетно жду от нее слов ободрения.

— На мужчин полагаться нельзя, — говорит Мия-большая. — Мальчишки? Красавчики из школы танцев? Забудь о них! Даже не думай! Мой

Стив вон тоже красавчик — и что? От него одни неприятности!

Стив — это мужчина, с которым встречается Мия, и он женат. На собраниях «Нытья и стенаний» его частенько обсуждают. Все согласны, что Мие давно пора с ним порвать. Речь не о морали — просто от таких отношений одни неприятности. Кажется, связь с женатым «нытики» воспринимают примерно так же, как восприняли бы желание завести щенка. Боже правый, да зачем тебе это? Ведь пока его приучишь проситься на улицу, замучаешься лужи вытирать! Вот и здесь так же. Зачем тебе этот женатик? — ведь рано или поздно придется сойтись на узкой дорожке с его женой! Как видите, эти женщины мыслят сугубо практически.

— Я готова с моста прыгнуть! — сообщает мне Мия.

В первый миг я смотрю на нее непонимающе. Затем, проследив за ее взглядом, понимаю, что она смотрит в окно, на Золотые Ворота.

— А если вы разобьетесь? — спрашиваю я первое, что приходит мне на ум.

— Тогда Стив наконец поймет, как мне плохо из-за него!

Оглядевшись вокруг, я понимаю, почему сижу

рядом с Мией одна. «Нытики» свое мнение ей высказали, предупредили, что интрижка с женатым плохо кончится, — и не хотят больше об этом говорить. Теперь выслушивать и утешать Мию — мое дело. Я чувствую себя не слишком уверенно, но в целом не возражаю. Как правило, с тринадцатилетними взрослые не делятся своими любовными драмами, и я горжусь, что удостоилась такой откровенности. Облокотившись на бортик из слоновой кости, я слушаю рассказ Мии о Стиве и планах самоубийства так, как могла бы слушать сказку на ночь. Она вставляет в свою речь все больше шведских слов, а в какой-то момент переходит на чистый шведский. Говорит быстро, энергично, и я с трудом ее понимаю. Но слушаю звук ее речи, смотрю, как двигаются губы, и понимаю: говорит она что-то страшное, отчаянное, скорее всего, вовсе не подходящее для моих ушей.

— Ладно, — говорит мама, громко хлопнув в ладоши. — А теперь идем в гостиную смотреть сериал!

Все мы собираемся в гостиной. Свея, родители и я садимся на ковер, чтобы освободить места для гостей. Телевизор включаем за пять минут до начала фильма — не хотим пропустить общий

план.

Кто-то просит меня принести воды, но я делаю вид, что не слышу. Начинается сериал. Во вступительных кадрах — быстрая панорама здания «Джозеф & Джозеф» снаружи. Следующая сцена происходит уже внутри галереи.

— А где же общий план? — спрашиваю я.

— Ш-ш-ш! — громко шикают на меня несколько «нытиков».

— Наверное, покажут позже, — говорит папа.

Но серия движется к концу, а общего плана нет — и наконец становится ясно, что Марию Фабиолу, Фейт, Джулию, Свею и меня просто вырезали. Я смотрю на Свею — та пожимает плечами. Ей невдомек, как важно было мне появиться на телеэкране. Невдомек, как я надеялась, что мои подруги увидят эту сцену и все между нами станет как прежде.

По экрану ползут титры; гости разражаются аплодисментами. Я извиняюсь, говорю, что очень устала и мне еще готовиться к контрольной, так что лучше пойду. Проходя мимо Мии-большой, решаю ее обнять. Выходит неуклюже — я стою, а она сидит; но это эллиптическое объятие дает мне шанс прошептать ей на ухо:

— Когда поедете домой, не сворачивайте на

мост!

— С чего бы? — отвечает она, не понижая голоса. — Я ведь живу совсем в другой стороне!

Сверху, из своей комнаты, я слышу женские голоса и звон столового серебра. Гости переместились в столовую, где мама угощает их лютефиском. Слышны охи и ахи, смех, невнятные восклицания: интересно, что за историю там рассказывают и о ком?

Я вспоминаю другие фильмы и сериалы. Думаю, что, наверное, любая кинозвезда огорчится, если сцену с ней вырежут. Недавно я смотрела «Из Африки»: мама взяла меня с собой в кино, потому что хотела посмотреть этот фильм, а мне нечем было заняться. С тех пор я часто вспоминаю сцену, где Роберт Редфорд моет голову Мерил Стрип. Вот это настоящая любовь! — думаю я. А какая у Мерил Стрип кожа — прямо светится!

Я встаю и иду к зеркалу в ванной взглянуть на собственную кожу. Всего четыре прыща — не так уж плохо. У некоторых моих одноклассниц все намного хуже. Вот, скажем, у Энджи… бедняга! Я мажусь клерасилом, возвращаюсь в комнату и делаю двадцать приседаний. Потом ложусь в кровать — и слушаю взрывы смеха, и шум отодвигаемых стульев, и журчание голосов, и

хлопанье входной двери. Моя комната прямо над кухней; отсюда хорошо слышно, как мама прибирается и моет посуду после гостей. Представляю, как она надевает кухонные перчатки и ставит грязные тарелки в раковину. Когда-то в этой раковине она мыла мне голову. Застилала кухонную стойку полотенцами, я облокачивалась на них, вытягивала шею над раковиной, а мама мылила мне голову шампунем и рассказывала, как у нее прошел день. Теперь я слушаю, как она включает воду, и этот звук успокаивает. Я раскладываю волосы по подушке, словно Медуза горгона — или Мерил Стрип, — и представляю себе, что мама моет мне голову, как когда я была маленькой, много лет назад.

11

13 декабря в Швеции праздник. День святой Люции. В этот день совершается особый ритуал. Старшая девушка в доме играет роль святой Люции: одетая в белое, с короной из горящих свечей на голове, она будит родных пением и угощает шафрановыми булочками с изюмом.

Радиобудильник у кровати звонит очень рано. Я лежу и слушаю песню «Police» до конца, а потом вылезаю из кровати. Надеваю белую, отглаженную до хруста ночную рубашку, висящую на дверной ручке. Ее выгладила и повесила мама, пока я спала.

Тихонько спускаюсь на кухню, достаю из духовки несколько шафрановых булочек и кладу на серебряный поднос. В ящике нахожу спички. Задумчиво разглядываю венчик с закрепленными на нем свечами. Это самая сложная часть задачи: подняться по лестнице со свечами на голове так, чтобы ни одна не погасла! Приходится следить за равновесием, а это нелегко, особенно когда горячий воск капает тебе на голову. Я решаю сначала отнести все на второй этаж. Уже там зажигаю свечи и пристраиваю корону на голову.

Затем беру поднос с булочками и иду в комнату родителей. Дверь в их спальню широко открыта — они готовы к исполнению ежегодного ритуала. Я начинаю петь песню святой Люции о том, как темна ночь, и папа с мамой сразу садятся в постели. Ну, разумеется, они не спят и ждут меня! Закончив первый куплет, я ставлю поднос на столик у кровати.

Затем все так же, в одних носках, иду в комнату Свеи. Сестра всегда спит как убитая, разбудить ее тяжело. Я пою во весь голос; одна свеча кренится и обильно поливает меня воском. Наконец, бросив на полуслове шведский гимн, я кричу по-английски:

— Да просыпайся уже!

Свея садится в кровати. Я приседаю, и она помогает мне погасить свечи.

— Руками давай! — командую я, и она задувает каждую свечу, прикрыв ее сложенными ладонями.

По дороге в школу я все еще выбираю из волос застывший воск.

Я уже бросила ходить мимо домов Джулии и Фейт — вместо этого хожу в школу другой дорогой, вместе со Свеей и ее мрачной подружкой: сегодня она еще мрачнее обычного, потому что

мы опаздываем. Ритуал святой Люции заставил нас задержаться. Мы идем мимо «замка» с башенкой, мимо дома, где жил Великий Картер, мимо розового особняка, где живет та дама, что однажды поехала на выходные в Палм-Спрингс и там импульсивно сделала себе подтяжку живота. «Представляете, просто захотела и сделала!» — рассказывала моим родителям какая-то другая женщина, словно больше всего ее поразило, что подтянуть себе живот можно просто так, по желанию. Вдалеке ревут береговые сирены; ближе к нам их заглушают листодувки, с воем втягивающие в себя опавшие листья. Улицы, как обычно, пусты. Но у входа в школу собралась толпа; подойдя ближе, мы видим и причину этого столпотворения — три полицейские машины.

Никто никогда не видел, чтобы секретарша директора выходила из его кабинета; но сейчас она стоит, словно аршин проглотила, у двери. Завидев меня, вздыхает с облегчением, затем снова напрягается и просит зайти на минутку.

Я захожу в кабинет. Она ждет, пока я закрою за собой дверь, а потом говорит:

— Мария Фабиола пропала. Вчера не вернулась из школы домой. С тобой хотят поговорить детективы.

12

Мистер Мейкпис и детективы ждут меня в комнате для совещаний позади директорского кабинета. Может быть, потому, что здесь больше места. Детективов, желающих со мной побеседовать, трое: один в широких штанах, другой в штанах в обтяжку, а третья — сюрприз! — женщина. У нее крашеные белокурые волосы, стянутые в тугой хвост на затылке, и очень тонкие губы. Именно с ней я встречаюсь взглядом, едва вхожу.

— Я детектив Андерсон, — представляется она. — А ты Юлаби, верно?

Я признаюсь, что да, так меня зовут.

— Красивое имя, — говорит она. — Откуда такое?

Очевидно, они заранее решили, что она возьмет на себя роль «доброго следователя», постарается меня разговорить и все из меня вытянуть.

— Это в честь картины, — отвечаю я. — Моему папе очень нравится одна картина художницы по имени Юлаби Дикс.

— Интересно, — без всякого интереса замечает детектив Андерсон. Она уже опустила глаза

вниз, на свою папку со скрепленными чистыми листами, и обдумывает следующий вопрос. — Ты знаешь, почему мы захотели с тобой поговорить?

Я бросаю взгляд на мистера Мейкписа. Он кивает, и голубая «бабочка» прыгает вверх-вниз.

— Мистер Мейкпис вам сказал, что лучше всего поговорить со мной, — отвечаю я, кивнув в его сторону.

— И почему он так сказал, как ты думаешь? — спрашивает детектив Андерсон.

— Потому что мы с Марией Фабиолой были лучшими подругами.

— Были? — переспрашивает детектив Андерсон. Вот теперь, похоже, она заинтересовалась по-настоящему. Откладывает ручку, как бы показывая, что разговор пошел серьезный, подается ко мне. — А почему «были»? Что случилось, дорогая моя?

Это «дорогая» вылетает из ее рта так ненатурально, что я едва удерживаюсь от смеха.

— Мы поссорились.

— Почему?

Я молчу.

— Из-за мальчика? — спрашивает она заговорщическим тоном, словно хочет сказать: «Ну, это

всем нам знакомо!»

— Нет, — отвечаю я.

— А-а, — говорит она, явно разочарованная тем, что не докопалась до корня проблемы с первого раза. Затем оглядывается на других детективов.

— Но еще пару месяцев назад вы были подругами.

— Все меняется, — отвечаю я.

— Мне ли не знать! — говорит она. — Полгода назад я еще была замужем! — И смеется — точнее, пытается беззаботно рассмеяться, но для моих ушей этот смех звучит как стон.

Мистер Мейкпис искоса на меня поглядывает, словно ему тоже интересно, из-за чего разошлись мы с Марией Фабиолой. Впрочем, может быть, его просто расстраивает, что здесь нельзя достать сигару. На дверях комнаты для совещаний висит табличка «Не курить», обращенная лично к нему: никто больше в администрации не курит.

— Но раньше вы ходили в школу вместе, так? — спрашивает детектив в штанах в обтяжку.

— Да, но потом… у нас возникло разногласие о том, что произошло однажды утром. — Никогда еще мне не случалось произносить слова: «возникло разногласие» — и мне очень нравится, как это звучит.

— А из-за чего разногласие? — спрашивает детектив в широких штанах.

— Она утверждала, что по дороге в школу с нами произошел неприятный случай, а я настаивала, что это просто фантазия, — отвечаю я.

Все трое смотрят на меня, явно недоумевая, где я навострилась так литературно изъясняться. Потом переводят взгляды на мистера Мейкписа. Тот скромно пожимает плечами, словно говоря: «А чего еще вы ждали от воспитанницы такого учебного заведения, как наше?»

— Значит, вчера, когда Мария Фабиола возвращалась из школы домой, тебя с ней не было, — говорит детектив Андерсон.

— Не было.

— А ты знаешь, какой дорогой она обычно ходит?

— Могу предположить, — отвечаю я. — Раньше мы всегда ходили из школы вместе. Скорее всего, она пошла к океану, а потом по Эль-Камино-дель-Мар к своему дому.

— Как ты думаешь, она могла куда-нибудь свернуть? Например, пойти к утесам? — спрашивает третий детектив.

— Не знаю, — отвечаю я. — Меня с ней не было.

— У нее есть мальчик? — спрашивает детектив Андерсон. Похоже, они заранее договорились, что все вопросы о мальчиках или об отношениях будет задавать она.

— Не знаю, — повторяю я.

Детектив Андерсон наклоняет голову, подпирает лоб большим и указательным пальцами правой руки, словно у нее болит голова. Блондинистый хвостик свешивается на сторону, словно хвост у лошади, собравшейся помочиться. Когда детектив поднимает голову, в глазах у нее ярость.

— Ты понимаешь, что произошло? Твоя лучшая подруга пропала без вести!

Мне хочется напомнить, что мы с Марией Фабиолой больше не лучшие подруги, но я чувствую: это только сильнее ее разозлит.

— Понимаю, — отвечаю я.

— И ты совсем о ней не беспокоишься?

— Беспокоюсь, — говорю я.

Хотя куда больше беспокоюсь о том, как легко мне в последнее время удается злить людей: сначала мистера Лондона, теперь вот ее. Похоже, моя способность воспламенять чужой гнев не знает половых различий.

— Можно я спрошу? — говорит детектив в шта-

нах в обтяжку.

— Да ты уже спрашиваешь! — отрезает детектив Андерсон.

Похоже, они друг друга терпеть не могут. А может, выйдя отсюда, поедут трахаться. Не знаю. У меня в голове много разных и противоречивых представлений о том, как соблазняют друг друга взрослые.

— Не знаешь ли ты, не было ли каких-нибудь причин, по которым Мария Фабиола могла… сбежать из дома? В последние месяцы она не чувствовала себя… ну, одиноко, не на своем месте? Ты сказала, вы поссорились. Она поссорилась только с тобой? У нее есть другие подруги?

— Полно подруг, — отвечаю я. — Это меня теперь все третируют.

Трое полицейских синхронно поднимают на меня глаза, а затем опускают головы и принимаются черкать в блокнотах. Тот, что в широких штанах, заглядывает в блокнот к детективу Андерсон, а она диктует ему вполголоса:

— ТрЕ-ти-ру-ют! — Затем поворачивается ко мне: — Скажи, бывало ли, что кто-нибудь заговаривал с тобой и с Марией Фабиолой… м-м… недолжным образом?

Мне вспоминаются эксгибиционисты в парке.

И тот взрослый мужчина, что подошел ко мне в очереди в «Уолгринс». Под мышкой у меня был новый альбом «Kinks», только что купленный в магазине грампластинок в Хайт, и он предложил выпить с ним кофе и обсудить эту группу. «Я еще не пью кофе», — ответила я и ушла.

— Честно говоря, не понимаю, о чем вы говорите, — отвечаю я сейчас.

— С кем-нибудь тебе бывало неприятно, неловко?

— Мне со всеми неловко, — отвечаю я. — С вами сейчас тоже.

Мужчины в комнате разом откидываются на спинки стульев, демонстрируя, что в беседе не участвуют. Теперь вопросы задает только детектив Андерсон.

— Твоя подруга исчезла, — говорит она. — Ее родители… ну, они просто с ума сходят. Плачут навзрыд. Представляешь, что бы почувствовали твои родители, если бы ты пропала неизвестно куда?

Я киваю, хотя представить такого не могу. Мама никогда не плачет.

— И сама Мария Фабиола — мы не знаем, где она и что с ней, но, может быть, она напугана до смерти. А ты, возможно, можешь нам помочь.

Можешь помочь ей. Понимаю, вы больше не дружите: но, знаешь, в масштабе всей жизни несколько месяцев — это очень немного. Может быть, сейчас тебе кажется, что это очень важно: но, милая, станешь старше — и эти три месяца в ссоре будут вспоминаться тебе как одно мгновение: вот так! — И она прищелкивает языком, показывая, как пролетает мгновение.

Я смотрю на нее и молчу.

— Может быть, ты знаешь каких-то мужчин, да вообще кого угодно, кто проявлял к Марии Фабиоле интерес, выходящий за рамки нормального?

— Выходящий за рамки нормального? — повторяю я.

— Да. Например, какой-нибудь мужчина, который стремился постоянно быть с ней рядом. — Помолчав, она добавляет: — Или женщина.

Я думаю об отце Фейт. Думаю о мальчишках с Си-Вью-Террас. И о себе. Кто же не хочет постоянно быть рядом с Марией Фабиолой? И как не хотеть, когда она смотрит на тебя своими неземными глазами? Даже когда на нее не глядишь — особенно если глядишь в другую сторону, — все равно чувствуешь, что она, не мигая, смотрит прямо на тебя.

Проходит минута, может быть, две. Нет, про

мальчишек говорить не стоит, думаю я. Это несправедливо. Если уж на то пошло, мы ими интересуемся больше, чем они нами. Но чувствую, что должна что-то ответить.

— Может быть, вы, когда ходите в школу и из школы, постоянно кого-то встречаете? — спрашивает детектив Штаны-В-Обтяжку.

— Есть пара садовников, которые к нам пристают, — отвечаю я.

— Кто-кто? — хором спрашивают детективы, и все разом подаются вперед, словно хор на высокой ноте.

— Ну, есть несколько. Не знаю, как их зовут. Они все с тележками и ходят в белых майках без рукавов. Вечно что-то говорят о том, как мы выглядим.

— А что они говорят о том, как вы выглядите? — медленно, тщательно подбирая слова, спрашивает детектив Андерсон. Видно, как она старается держаться спокойно.

— Когда мы начали носить лифчики, они это заметили. Сквозь эти белые блузки все видно.

Я чувствую, как все в комнате выпрямляются и подбираются, словно рыбаки, у которых клюет.

— Что значит «заметили»? В чем выразилось, что они это заметили?

— Ну, отпускают разные шуточки. Гоняются за нами.

Не столько гоняются, сколько прогоняют, когда мы их достаем, — но об этом я умалчиваю. Иногда, заскучав на улицах Си-Клиффа, когда никого из соседских мальчишек не видно, мы находим кого-нибудь из этих садовников, дразним или затеваем с ним перепалку. А он нас прогоняет.

Полицейских очень радует мой ответ.

— Ну вот, первая ниточка есть! — говорит детектив Штаны-В-Обтяжку.

А детектив Андерсон протягивает мне визитную карточку.

— Если припомнишь что-нибудь, позвони мне.

Первый раз я держу в руках визитку — и не понимаю, что с ней делать. Задираю юбку — детективы-мужчины дружно отворачиваются. Они не знают, что под форменными юбками мы носим шорты для физкультуры. Я сую визитку в карман шорт.

На биологию я прихожу в середине урока. В классе полумрак, на доске светится спроецированное изображение полового члена с пояснительными надписями.

На перемене школа гудит. Ко входу подъезжают, один за другим, фургоны с эмблемами

новостных каналов на борту. Нас не выпускают из класса, и это еще больше нас взвинчивает. Когда в полдень принимается завывать сирена воздушной тревоги, мы визжим с ней в унисон — и продолжаем визжать, когда сирена уже смолкла. Знаем, что тревога учебная, но не можем удержаться. Даже учителя выглядят растерянными, словно не понимают, что делать в школе без Марии Фабиолы. На каждом уроке ее пустой стол притягивает к себе взгляды — и, кажется, блестит как-то по-особенному.

К концу уроков все мы накручены донельзя. К школе подъезжают все новые фургоны: Эй-Би-Си, Эн-Би-Си, Кей-Пи-Ай-Экс. У ворот, спиной к нам, стоят корреспондентки в перманенте и с жемчужными ожерельями и дают комментарии. Не сомневаюсь, слова «частная», «элитная» и «богатые» они произносят так часто, как только могут. Всем родителям звонят и просят забрать детей из школы. Из всех мам работает только моя, так что я звоню ей в больницу. Ее номер я знаю наизусть, потому что с ним связана одна шутка. Как-то раз мама за ужином повеселила гостей, рассказав, какими глазами смотрели на нее на работе, когда она надиктовала свой рабочий номер на автоответчик подруге-шведке. Попросила перезвонить

ей на работу и назвала номер по-шведски: 666–77–77 — звучит как: «Секс! Секс! Секс! Кто? Кто? Кто? Кто?»

Теперь я набираю этот номер.

— Она в операционной, — говорит миссис Марксон, старшая сестра в больнице и мама Петры. Спрашивает: что-нибудь передать?

— Не надо, — отвечаю я.

Она поздравляет меня с третьим местом в детском архитектурном конкурсе, который проводила больница. Я проектировала новую раздевалку для медсестер. Свея тоже участвовала и выиграла первый приз — четыреста долларов. А мне досталась подписка на журнал для подростков, который я не читаю.

После школы на стоянке в форме подковы выстраиваются машины. Забирают дочерей медленно — тем более что все мамаши стремятся обсудить друг с другом исчезновение Марии Фабиолы. Вся сцена напоминает рекламу «Вольво». Я вижу, как мама мрачной подружки Свеи забирает свою дочь и мою сестру. Теперь она машет им так, словно вернулась из круиза: «Привет! Я так скучала! Посмотрите, что я вам привезла!»

Родители выстраиваются у ворот, а я выскальзываю через заднюю калитку и иду прочь. Не

домой, нет. Вместо этого забираю из гаража свой велосипед и еду туда, где, по моим соображениям, может прятаться Мария Фабиола.

13

Я слезаю с велосипеда возле магазина комиксов, напротив Школы балета Сони Оленской. Окна балетной студии, от пола до потолка, сейчас задернуты. Я поднимаю взгляд на окна квартиры над студией, где живет мадам Соня. Она часто жалуется, что даже теперь, по завершении менопаузы, страдает приливами, поэтому окна старается всегда держать открытыми. Но сейчас окна закрыты — верный знак, что ее нет дома.

Я запираю велосипедный замок, перехожу улицу и по узкой тропинке между домами иду к мадам Соне на задний двор. Я никогда раньше там не была; но однажды после занятий мадам Соня пригласила нас с Марией Фабиолой к себе в залу — так она называет гостиную. Сказала, в нас есть что-то, что напоминает ее саму в молодости. И вот что она хочет нам сказать: если когда-нибудь мы попадем в беду («Не стану спрашивать, в какую беду — никогда об этом не спрошу!»), то всегда можем прийти к ней и пожить во флигеле на заднем дворе. «Это надежное пристанище», — сказала она, показав на окно. «Пристанище?» — повторила Мария Фабиола, и мадам Соня объяснила,

что значит это слово, а потом сказала нам код от замка. Никаких особых драм в нашей жизни не было, и я задумалась о том, что могло бы заставить меня сбежать из дома и укрыться во флигеле у мадам Сони. Должно быть, тем же вопросом задавалась и Мария Фабиола. Обе мы благодарно улыбнулись.

На задний двор ведет растрескавшаяся асфальтированная дорожка. Вот шланг, свитый кольцами, словно забытое лассо; вот и деревянная дверь с кодовым замком. Мадам Соня объяснила: код от замка — 1938 — это год ее величайшего успеха в балете. В преждевременном завершении своей карьеры она винит Вторую мировую войну.

На заднем дворе что-то растет, но садом его не назовешь. Большую часть этого клочка земли занимает флигель, а вокруг него буйно разрослись сорняки, высокие, местами колючие. Я тихо подкрадываюсь к двери — солидной, словно у настоящего дома, — внезапно поворачиваю ручку и распахиваю дверь. Хочу застать Марию Фабиолу врасплох.

Но ее здесь нет.

Горит свет. Я оглядываюсь вокруг: комната кажется очень знакомой. Но где я могла ее видеть? Потом вспоминаю: на стенах нашей балетной

студии висят фотографии, изображающие парижскую театральную уборную мадам Сони. Здесь, во флигеле, вся ее обстановка воспроизведена в точности. Я знаю год, которому посвящено это неофициальное святилище, — тысяча девятьсот тридцать восьмой.

На каждом столе в комнате стоят в вазах букеты сухих роз, перевязанные пожелтелыми, хрупкими от старости лентами. С крючков на вешалке, словно чулки на Рождество, длинным рядом свисают пуанты. В центре комнаты розовый плюшевый диван, застеленный белым меховым покрывалом. Я запускаю пальцы в мех. Шерстинки слиплись и затвердели, словно на покрывало что-то пролили много десятков лет назад.

На стене большой плакат в рамке. Картина, на ней плот посреди моря; два десятка человек, живых и мертвых — должно быть, потерпевших кораблекрушение. В правом углу картины мальчик машет красным флагом — подает сигнал проходящему мимо кораблю. Подпись под картиной гласит:

ПЛОТ «МЕДУЗЫ»
ТЕОДОР ЖЕРИКО
ЛУВРСКИЙ МУЗЕЙ

Окон здесь нет — от этого флигель еще больше напоминает святилище, посвященное прошлому. Прошлой весной мы проходили с мистером Лондоном «Большие надежды», и гардеробная мадам Сони напоминает мне ветхий особняк мисс Хэвишем, хранящий воспоминания о свадьбе, которой не было.

Я берусь двумя пальцами за слипшийся мех покрывала. Под покрывалом какие-то бугры, довольно крупные — что, если там спрятан труп? Отдергиваю его стремительным движением, словно фокусник на арене. Но под ним только потертая пыльная подушка. За дверью в стене туалет и раковина — значит, здесь можно долго жить, не выходя.

Я перехожу на другую сторону улицы, иду в ресторан, где подают *пирожки.* Пожилые русские посетительницы с ярко-красными волосами смотрят на меня неодобрительно: должно быть, им не нравится, что я ем пирожки руками, как буррито. Но я не обращаю внимания. Свея говорит, что пирожки пахнут собачьим кормом. А, по-моему, они пахнут как любовь. Теплые, мягкие, пышные, с удивительно нежным фаршем внутри. Я сижу у окна, наблюдаю за домом, жду — не покажется ли Мария Фабиола.

Наконец шторы от пола до потолка раздвигаются; я вижу, как мадам Соня в студии занимается с пятилетками. Справа, на возвышении, аккомпанирует ей пианист. Он совсем седой и сутулится, как будто всю жизнь провел, склонившись над роялем, то и дело прикладывая ухо к клавиатуре, чтобы понять, верно ли настроен инструмент. Мадам Соня поворачивается к нему и делает знак рукой, чтобы начинал играть. И вдруг меня поражает мысль: да ведь они любовники! Почему я раньше этого не понимала? Быть может, потому, что только сейчас, глядя на них, ем пирожки со вкусом любви? И это внезапное понимание, что они пара, порождает целый каскад вопросов: чего еще я не вижу? Что еще упускаю?

* * *

Я еду на велосипеде на пляж. Уже темнеет; море неспокойно, и волны с громким стаккато разбиваются о берег. Подхожу к мысу между двумя пляжами, думая, не перебежать ли на ту сторону, рассчитав время так, чтобы оказаться на соседнем пляже, прежде чем меня смоет или поглотит волна. Но вдруг мне становится страшно. Что, если Мария Фабиола действительно исчезла? Решаю не бежать, а перелезть через утес поверху.

Поднимаюсь на вершину и, прежде чем спускаться на Бейкер-Бич, смотрю вниз. Сверху мне видна овальная темная тень: похоже на человека, присевшего на корточки.

— Мария Фабиола! — громко кричу я.

В ответ волны с грохотом бьются о камень.

Я торопливо спускаюсь вниз, на песок.

Здесь никого нет. То, что я приняла за человека, всего лишь большой валун.

Воздух на берегу влажный, соленый. По всему Бейкер-Бич горят костры — беспорядочно разбросанные огоньки, одни ярче, другие тусклее.

Вдруг перед глазами, словно комета, проносится белая вспышка. Лишь минуту спустя понимаю, что это мечется между кострами пьяная девушка в чем-то вроде белой ночной рубашки. Одеяло на плечах волочится за ней, как мантия свергнутой королевы. Она хватает чью-то бутылку, делает большой глоток, но компания у костра отгоняет ее, словно бродячую собачонку.

Холодный ветер бьет мне в лицо, влажный воздух заполняет ноздри. Вечер на пляже пахнет чем-то странно древесным, словно в густом лесу.

Девушка бежит, и одеяло развевается у нее за плечами, будто ковер-самолет. То и дело она оборачивается, как будто надеется, что одеяло

вот-вот поднимет ее в воздух. Должно быть, думаю я, она мечтает сесть на ковер-самолет и улететь отсюда подальше.

Она бежит, спотыкаясь и теряя направление, оступается и падает на песок. Перекатывается на спину. Сперва мне кажется, что она смеется, но, когда подхожу ближе, понимаю: нет, плачет навзрыд.

Волосы, как водоросли, почти закрыли ей лицо. Сквозь волосы-водоросли смотрит на меня один огромный глаз. Она похожа на умирающую лошадь.

— Ю-ла-би… — говорит она. — Э-то-ты… — И смеется.

Это Джентл, сводная сестра Джулии.

— Давай помогу тебе встать, — говорю я. — Ты замерзла. Тебе надо пойти куда-нибудь в тепло и протрезветь. — И представляю, как она пьет кофе, а я хожу вокруг нее кругами.

— Я… не… про-па… про-пащ… — бормочет она.

Поднимается, натягивает одеяло на голову и, спотыкаясь, бредет по пляжу прочь — зигзагами, словно китайский дракон.

С пляжа я отправляюсь домой к Джулии. Надо сказать ее маме, что я видела на пляже Джентл и что она напилась.

Звоню в дверь — вижу, как отодвигается занавеска на окне, из-за нее выглядывает Джулия. Звоню еще раз. Наконец Кейт, мама Джулии, открывает дверь.

— Юлаби! — ласково говорит Кейт. — Что-то тебя давно не видно!

Я выдавливаю улыбку. Неужели она и вправду ничего не слышала?

— Ага, — говорю я. — Просто хотела вам сказать: я сейчас была на Бейкер-Бич и видела там Джентл.

Улыбка стирается с ее лица.

— Что? — говорит она. — Быть такого не может! Джентл нездоровится. Она сегодня отпросилась из школы и сейчас отдыхает у себя в комнате… — Я знаю, что комната Джентл на чердаке.

— Ну… — говорю я. — Не знаю, просто… я ее видела.

Кейт смотрит на меня, и глаза ее расширяются от ужаса.

— Подожди здесь, — приказывает она и легко взлетает вверх по лестнице.

Заглянув на кухню, я вижу, что Джулия ест мороженое прямо из упаковки.

— Как удобно! — говорит она. — Когда надо, со зрением у тебя все в порядке!

— Я подумала, что твоей маме лучше об этом знать, — говорю я.

— Кларк! — кричит сверху Кейт. — Кларк! Джентл сбежала! Ушла на этот чертов пляж!

— Спасибо, что испортила нам вечер, — говорит Джулия. — А теперь, может быть, пойдешь?

Я выхожу из дома и жду на тротуаре на случай, если Кейт и Кларк захотят что-то у меня узнать. Наконец открываются боковые ворота, оба выходят и садятся в темно-зеленую машину, припаркованную на улице. Мама Джулии опускает окно.

— Можешь идти домой, Юлаби, — говорит она. Я медлю, и она добавляет нетерпеливо: — Ну же, иди домой!

14

В кухонную дверь я проскальзываю уже после семи. Папа расхаживает взад-вперед, мама прибирается, у Свеи на лице лукавая улыбочка, означающая: «Ох, сейчас ей влетит!» Однако родители так рады, что я наконец появилась, что почти не сердятся, и это расстраивает Свею. Когда папа и мама обнимают меня, она бежит наверх, к себе, и хлопает дверью.

— Мы так волновались! — говорит папа.

Я жду, что мама его поправит — мол, вовсе не волновались, лишь слегка беспокоились; но она молчит.

За ужином — салат «айсберг» и спагетти — мы не говорим о Марии Фабиоле, словно боимся, что нас подслушает Судьба. Папа и мама не хотят обсуждать это при Свее, которая сидит с круглыми глазами. Ей не терпится завтра поделиться с подругами. Все они знают Марию Фабиолу, иногда ночуют там же, где ночевала она, — а теперь она пропала!

Затем драма переносится с кухни в кабинет, где папа после ужина включает новости.

— Грета! — зовет он маму, которая моет посуду

вручную. Прежде чем поставить тарелки в посудомойку, тщательно смывает с них все остатки еды. — Грета!

Она не отвечает, но я бегу в кабинет. В новостях рассказывают про Марию Фабиолу. Камера показывает школу «Спрэгг» под таким углом, с какого я никогда ее не видела, — «с вертолета», поясняет папа. Затем на экране появляется крупным планом коробка сахара-рафинада, и на секунду мне кажется, что это рекламная пауза. Но нет, снова появляется дикторша и сообщает, что пропавшая девочка — наследница большого состояния, сделанного на производстве сахара. Ее прадед основал сахарный завод, и теперь ходят слухи, что ее могли похитить ради выкупа.

В голове у меня взрываются два вопроса. Марию Фабиолу похитили?! И второй: как же так, мы с ней дружили восемь лет, и я не знала, что ее семья так богата?

— Ты это знал? — спрашиваю я папу. — Что она богатая наследница?

— Конечно, — отвечает он, не отрывая взгляда от телеэкрана. — Это все знают. — И снова кричит во весь голос: — Грета!

Но когда появляется мама, в новостях уже рассказывают о другом, и папа злится, что она все

пропустила.

— Чем ты там занималась? — спрашивает он.

— Прибиралась после ужина. — И с громким чавкающим звуком она снимает с рук розовые перчатки.

Папа начинает пересказывать все, что услышал в новостях. Хороший урок для мамы, думаю я. В следующий раз, услышав, что ее зовут, бегом побежит. Папа рассказывает очень долго, утомительно подробно, во всех деталях — не упускает даже то, как была одета и как причесана теледикторша. Мой отец никогда не упускает случая восхититься красотой.

— А ты знала, что Мария Фабиола наследница большого состояния? — спрашиваю я у мамы.

На маму не так-то легко произвести впечатление внешностью или деньгами: в сущности, к деньгам она относится скептически, так что мне кажется вполне вероятным, что эта новость от нее ускользнула. Иначе с чего бы она позволила мне столько лет дружить с девочкой из, судя по всему, сказочно богатой семьи?

— Разумеется, — отвечает она. — Мать у нее из старой семьи с Восточного побережья.

— Выходит, это мама у нее богатая? — уточняю я, не веря своим ушам.

— Да, — отвечает мама. — Кажется, ее предки приплыли на «Мэйфлауэре».

Я представляю себе маму Марии Фабиолы, в огромных темных очках и принтах «Лилли Пулитцер», которые она носила, когда возила нас с Марией Фабиолой в бассейн в Марине. Мне казалось, люди с деньгами так не одеваются. Украшений на ней немного, и они не слишком заметны — да что там, даже сумочек из натуральной кожи у нее нет! Вместо них повсюду носит с собой большую матерчатую сумку «Эл-Эл-Бин». И Марии Фабиоле для школы купила такую же. После этого все мы подписались на каталог «Эл-Эл-Бин».

Обычно после ужина я говорю «спокойной ночи» и поднимаюсь к себе одна, чтобы доделать домашку; но сегодня родители идут в спальню вместе со мной. Я переодеваюсь в старенькую, в катышках, ночную рубашку, ложусь, и они оба подтыкают мне одеяло. Такого лет с девяти не бывало! Вообще не припомню, когда папа последний раз заходил ко мне в спальню — он и оглядывается здесь так, словно оказался в новом для себя месте.

— Ты поможешь мне снять с окна стикер? — спрашиваю я у него. — На котором написано для

пожарных, что в комнате ребенок.

Я указываю на окно, и папа отодвигает штору. На стекле темнеет овальный стикер; что на нем написано, с этой стороны не разглядеть.

— Конечно, — отвечает он. — Завтра.

Мама ладонью откидывает мне волосы со лба. Несмотря на пристрастие к розовым резиновым перчаткам, кончики пальцев у нее загрубелые, сморщенные от горячей воды. Мама рассказывала мне, что у них в клинике проводят гименопластику — ушивают вагину женщинам, в основном приезжим; такое делается, если женщина не хочет, чтобы будущий муж знал, что она не девственница. Мама ассистирует на этих операциях. Вот этими самыми руками, думаю я. Эти руки зашивают чьи-то вагины.

— Как думаешь, стоит тебе идти завтра в школу? — спрашивает папа. — Если не хочешь…

— Разумеется, она завтра пойдет в школу, — прерывает его мама, не дав закончить вопрос. В школе «Спрэгг» я еще ни единого дня не пропустила. Так всегда бывает, когда ходишь в дорогую частную школу, а деньги на твое обучение родители заработали тяжелым трудом. Слишком хорошо они помнят, сколько стоит им каждый учебный день.

— Все нормально, пойду, — подтверждаю я.

Не хочется в этом признаваться, но мысль о телекамерах вокруг школы вызывает у меня радостное волнение. Как, наверное, и у всех. В классах у нас камер не было, но даже кое-кто из учителей начал держаться театрально, словно его снимают. Особенно мистер Лондон.

— Мы тебя любим, — говорит папа, и мама кивает. Свою любовь она проявляет всеми возможными способами, кроме слов. Мы с папой не раз говорили о том, почему так; должно быть, думаем мы, потому, что слишком многих, кому говорила «люблю», она потеряла. Половины ее семьи нет в живых.

— И я вас обоих люблю, — отвечаю я.

Они уходят, а я лежу и смотрю вверх, в покосившийся полог, обдумывая эту поразительную новость: Мария Фабиола — наследница состояния, сколоченного на производстве сахара. Вспоминаю ее кладовку при кухне, куда мы устраивали набеги после школы или во время ночевок у нее дома. Сахар там, конечно, был — но не больше, чем в любом другом доме.

На следующее утро я просыпаюсь, когда мама уже ушла на работу. Папа настаивает, что сегодня отвезет в школу мою сестру. Хочет отвезти

и меня, но я напоминаю, что сегодня начинаю работать. Соседка, что живет выше по улице, уехала из города, а меня наняла на время, пока ее не будет, забирать у нее с крыльца газету, чтобы возможные грабители не догадались, что ее нет. И это очень кстати! Мне не терпится узнать, что пишут в газетах про Марию Фабиолу, — но мы газет не выписываем и не покупаем, если только «Кроникл» (утренняя газета) или «Экзаминер» (вечерняя) не предлагают бесплатную подписку на шесть недель. У газет и журналов регулярно проходят такие акции. Редакция надеется, что люди привыкнут их читать и не станут отказываться от платной подписки. Но мои родители никогда не забывают отказаться.

— Почему она просто не приостановила подписку, пока не вернется? — спрашивает папа. — Зачем платить за газету, которую не читаешь? Да и тебе могла бы не платить, коль уж на то пошло.

— Она не доверяет газетчикам. Думает, они могут сообщить грабителям, что она уезжает.

— У всех свои безумные теории! — говорит папа, качая головой, и берет с вешалки блестящий черный рожок для обуви, чтобы надеть ботинки. По его реакции мне думается, что какие-то безумные теории есть и у него.

Я выхожу через парадную дверь за несколько минут до того, как папа и сестра покидают дом через черный ход. Наша улица, Эль-Камино-дель-Мар, сегодня кажется длиннее, подъем от океана круче. Дом у соседки самый обыкновенный. Насколько мне известно, ни фокусники, ни музыканты здесь не жили. Просто ничем не примечательный дом в Си-Клиффе. На мощеной дорожке, ведущей к крыльцу, лежит «Кроникл», перехваченный тонкой красно-розовой резинкой. Она пересекает фотографию Марии Фабиолы.

Резинку я снимаю и цепляю себе на запястье, а затем разворачиваю газету. Фото Марии Фабиолы мне знакомо. Это на прошлом ее дне рождения, когда мы ходили на роликовый каток, тот, где везде плакаты с Брук Шилдс в джинсах от Кельвина Кляйна. Фотографировались вместе, я стояла справа — но меня, разумеется, вырезали. Заголовок гласит: «Загадочное исчезновение наследницы». Начинается история с ожидаемых эпитетов: «элитная» школа, «фешенебельный» район. Но дальше выбор прилагательных становится интереснее. Марию Фабиолу журналист характеризует как «лучшую ученицу в классе», «увлеченную балетом». Вряд ли Мария Фабиола

согласилась бы считаться «лучшей ученицей» — а вот «увлеченность балетом» ей бы понравилась.

За спиной автомобильный гудок. В первый миг мне приходит мысль, что это приехал за мной тот человек в винтажной белой машине. Но это папа. На заднем сиденье — Свея со своей мрачной подружкой, а он жестом приглашает меня на переднее. Я сую газету в рюкзак и запрыгиваю в машину.

— Подумал, что и тебе сегодня не помешают услуги водителя, — говорит папа.

Когда мы подъезжаем к школе, становится ясно, что всех сегодня привезли сюда родители. Некоторых — личный родительский шофер. Но никого не отпустили в школу пешком или на автобусе.

Вся школа гудит, все взбудоражены и держатся как на сцене. Учителя спрашивают меня: «Как ты? Держишься?» — и не слушают ответа. Я оттягиваю резинку и щелкаю себя по запястью: это напоминает мне, что надо сохранять серьезный, даже скорбный вид. На самом деле я ни на секунду не верю, что с Марией Фабиолой случилось что-то плохое. Все это спектакль, чтобы привлечь внимание.

В обеденный перерыв я иду в кабинет мистера

Лондона. Дверь приоткрыта и подперта большим словарем, но я все равно стучу.

— Входите! — кричит мистер Лондон. Он сидит за столом и читает, кажется, чье-то сочинение.

— А, это ты, — говорит, увидев меня, и вид у него разочарованный. Может быть, надеялся, что это журналисты.

— Вы проверяете работы? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он и театрально откладывает бумаги в сторону. — Это сочинение Марии Фабиолы по «1984». Я его просматривал, пытался найти какое-то… какой-то ключ к разгадке.

В самом деле ждал журналистов. Быть может, уже несколько часов сидит тут, притворяясь, что читает сочинение, в надежде, что кто-нибудь его за этим застанет и поразится.

Он отодвигает бумагу, и я вижу сверху листа оценку: «5+». В жизни своей Мария Фабиола не получала выше четверки с плюсом, и то по физкультуре.

— Я хотела попросить у вас еще какую-нибудь книгу для внеклассного чтения, — говорю я.

— Что, вернулась за Сэлинджером?

— Нет, — отвечаю я. — Если можно, что-нибудь зарубежное. Надоела Америка.

Мистер Лондон поворачивается к книжной

полке. На ней пустое место, зияющее, словно недостающий палец на руке. Интересно, что за книга там стояла? Мистер Лондон пробегает пальцами по корешкам.

— Вот, — говорит он. — Новый роман какого-то чешского писателя. Я сам еще не читал.

И протягивает мне книгу в твердой обложке: «Невыносимая легкость бытия», автор Милан Кундера. На обложке только название и имя автора большими буквами, никаких иллюстраций. Я открываю книгу и проглядываю аннотацию на клапане суперобложки, чтобы узнать, о чем это. Ух ты! Стараюсь не показывать своего удивления. Похоже, мистер Лондон и аннотацию не читал!

— Отлично, — говорю я быстро, чтобы он не успел передумать. — Прямо сейчас и начну.

— Юлаби! — окликает он, когда я уже иду к дверям. Я оборачиваюсь. Мистер Лондон снова сел за стол и пододвинул к себе сочинение Марии Фабиолы. — Я знаю, что вы с Марией Фабиолой близкие подруги. И представляю, как тебе сейчас тяжело. — Он драматически качает головой. — Если захочешь о чем-то поговорить, моя дверь для тебя всегда открыта. Буквально. Видишь, я не закрываю дверь!

— Спасибо, — отвечаю я, прижав книгу к гру-

ди.

— И ты не закрывай! — добавляет он мне вслед.

После школы я иду домой одна. Подходя к дому, вижу в окне гостиной чьи-то силуэты. Люди в гостиной могут означать лишь одно: у нас гости. Разглядывая через окно чужие затылки, я понимаю: на кушетке, спиной к окну, сидят родители Марии Фабиолы. На миг я застываю, затем принимаю решение — и прохожу мимо, словно живу не здесь, а в каком-то совсем другом доме в Си-Клиффе.

15

Я пробираюсь на задворки балетной школы Оленской, чтобы проверить флигель. Набираю код и вхожу. Изнутри флигель сегодня выглядит как-то по-другому. На полу песок, в мусорной корзине конфетная обертка от «Фан Дип» — явно не из тридцать восьмого года! Сейчас, очевидно, в комнате никого — здесь просто негде спрятаться, — и все же я громко зову:

— Мария Фабиола!

Имя, которое я произносила тысячи раз, теперь горчит на языке как чужое.

Я закрываю дверь и запираю замок, тщательно возвращая цифры в прежнее положение.

Иду по узкой тропинке назад, и вдруг передо мной возникает страшная старуха. Я отшатываюсь, невольно взвизгнув.

— Юлаби! — окликает старуха.

У меня колотится сердце. Эта старая ведьма в белой ночной сорочке, с длинными, спутанными седыми волосами похожа на призрак покойницы, которую я когда-то знала.

— Что ты здесь делаешь?

В реальность меня возвращает акцент. Это же

мадам Соня! Никогда не видела ее с распущенными волосами, только с пучком. И не подозревала, что волосы у нее такие длинные! И на занятиях она всегда в черном леотаре — а сейчас в ночнушке, хоть уже четыре часа дня.

— Я искала вас, — отвечаю я, сама поражаясь тому, как бойко и уверенно вылетает изо рта эта ложь.

— Почему же не пошла прямо в студию? — спрашивает она.

— Пошла, — новая ложь, — но там было заперто.

В руках у нее бумажный пакет с ручками. Вот и доказательство: несет для Марии Фабиолы еду!

— Заперто? Быть такого не может! — отвечает она. Из-за русского акцента кажется, что сердится, кому-то делает выговор — то ли мне, то ли не вовремя запертой двери.

Мы все еще стоим лицом к лицу на узкой тропе. Одна моя нога в петле шланга: вот-вот он, словно лассо, дернется и обовьет.

— Вы слышали о Марии Фабиоле? — спрашиваю я.

— Конечно, в новостях все время о ней говорят! — отвечает она. — И ко мне приезжали из газеты. Я сказала, что она была очень талантлива

как балерина.

Я молча смотрю на нее в упор. Обе мы знаем, что это вранье.

— Как вы думаете, что произошло? — спрашиваю я.

— Скорее всего, она сбежала со своим парнем, — как ни в чем не бывало отвечает мадам Соня.

— Каким? — недоуменно переспрашиваю я. Вот сейчас она назовет имя — и все встанет на свои места!

— Не знаю. Но разве у нее не было парня?

Я молчу и жду, что она скажет что-нибудь еще.

— Дай-ка мне выбросить мусор, — говорит мадам Соня.

Мусор? Так в этом бумажном пакете просто мусор! Я смотрю, как она несет пакет к серому мусорному баку в конце тропинки. Опускает туда, потом поворачивается ко мне, на миг взметнув за плечами седую массу волос.

Я думаю: может быть, пригласит меня выпить чаю? Но она, не подходя ближе, окидывает меня взглядом с головы до пят. Мама меня учила, что неприлично так разглядывать людей: но, может быть, если перед тобой девчонка, а ты старая русская балерина, то можно?

— Что-то ты, кажется, похудела, — говорит

она. — Плохо ешь?

Я мотаю головой.

— Судя по весам, нет.

— Весы! — говорит она с таким отвращением, какое обычно приберегает для нацистов, погубивших, как считает мадам Соня, ее карьеру. — Нечего смотреть на весы! Они никогда правду не показывают. Я уже много лет не взвешивалась.

«Ты такая худенькая» — обычно с этого начинают люди, когда что-то от меня хотят. Но чего она хочет?

— Нам в классе тебя не хватает, — говорит она. — Очень жаль, что такое случилось с твоей подругой.

Мадам Соня проходит по узкой тропке мимо меня. Я вжимаюсь в забор, чтобы ее пропустить, и чувствую, как острая щепка колет лодыжку.

Дойдя до конца дорожки, она снова оборачивается. Заходящее солнце просвечивает сквозь сорочку, и через тонкую ткань я вижу тонкие бледные ноги.

— Ты ведь знаешь, что на каникулах у нас занятий нет? — спрашивает она.

Что же, она действительно думает, что я за этим пришла в студию? Что хочу возобновить

занятия балетом?

— Ах да, — послушно откликаюсь я, пятясь от нее, словно от грабителя в немом фильме. — В самом деле. Я забыла.

В магазине комиксов через дорогу какое-то непривычное оживление, и я заглядываю внутрь. Что, если Мария Фабиола там? Если прячется во флигеле, наверняка ей там скучно и хочется что-нибудь почитать! Внутри дюжина ребят, все делают вид, что листают комиксы. Лишь минуту спустя я понимаю, куда они все смотрят на самом деле. Здесь парень из «Морка и Минди»! Стоит у прилавка, листает комикс и смеется. И покупатели, и продавщица — девушка из тех, каких обожают задроты — любители комиксов, с крашеными пурпурными волосами и впечатляющими сиськами, затянутыми в черный топик, — все молчат и пялятся. Слышен только смех актера. Неужели его совсем не смущает, что все бросили свои дела и уставились на него? Похоже, нет. Должно быть, он привык к такому вниманию. Должно быть, ему нравится. Быть может, когда на него смотрят, он чувствует себя особенно живым.

Интересно, а я?

16

Рождественские каникулы. В последний, укороченный день у школы выстраиваются в ряд «Вольво». Хотя на улице и холодно, все окна в машинах открыты: матери рассказывают друг другу, куда собираются на праздники. На следующее утро все они улетят: одни — к родне на Восточное побережье, другие — в Аспен или в Тахо кататься на лыжах, третьи — на Мауи или на Ланаи нырять и загорать. Свея проведет первую неделю каникул со своей мрачной подружкой, ее мамой и новым маминым приятелем. Они едут кататься на лыжах в Маммот. Я никуда не лечу.

Предрождественские дни я провожу в папиной галерее. Помогаю Арлене сортировать бумаги, а в перерывах иду к шкафчику для специй, открываю один за другим его ящички и вдыхаю запахи.

По вечерам хожу мимо дома Марии Фабиолы и стараюсь заглянуть в окно. Во всех окнах горит свет, все занавески задернуты. Как будто ее родители живут в абажуре ночника: видны лишь их тени на белом.

Я быстро привыкаю к новому расписанию: встаю рано утром, иду вверх по улице, чтобы

забрать газету, смотрю, нет ли новостей о Марии Фабиоле — но новостей нет, — завтракаю вместе с папой, днем помогаю в галерее, вечером отправляюсь на одинокую прогулку по нашему кварталу и непременно прохожу мимо дома Марии Фабиолы.

На пятый день каникул, войдя в галерею, я сразу замечаю: что-то изменилось. Шкафчик для пряностей — где он? Он стоял здесь, сколько себя помню; никогда мне и в голову не приходило, что он может исчезнуть!

— А где шкафчик? — с сильно бьющимся сердцем спрашиваю я у Арлены.

— Кто-то купил, — отвечает она. — Забрали вчера вечером, уже после того, как ты ушла.

Отвечает недовольно: сейчас я ее раздражаю. У нее снова эти дни.

* * *

Свея возвращается из Маммота с белой шеей и густым загаром, начинающимся с подбородка. На вопрос, как все прошло, отвечает: было хорошо, вот только ее подружка вечно всем недовольна и ходит мрачная. Я едва не спрашиваю, как она умудрялась до сих пор не замечать эту основополагающую черту характера своей подруги, но

вовремя прикусываю язык, вспомнив, сколько до недавнего времени не знала о Марии Фабиоле.

Вечером я сажусь перед телевизором вместе с папой. О Марии Фабиоле сегодня едва упоминают. На экране появляется все то же фото. А затем дикторша переходит к более интересной теме — суете на рождественских базарах.

* * *

Рождество мы празднуем на шведский манер, в Сочельник. Весь день разрывается телефон: это мамины друзья и родственники из Швеции. Мы едим ветчину, потом мама подогревает глинтвейн и даже позволяет нам со Свеей съесть пропитавшиеся вином ягодки со дна стакана. В восемь отправляемся в церковь на вечернюю службу. Там повсюду свечи и рождественские гимны. Темноволосая девушка в белом играет на арфе. Когда настает время произнести имена людей из нашей общины, нуждающихся в особенной молитвенной поддержке, многие называют имя Марии Фабиолы, а мои папа и мама — еще и имена ее родителей.

Потом мы идем домой и садимся в гостиной, за стол с соломенными фигурками коз, которые шведы выставляют на Рождество. Не совсем по-

нимаю эту традицию; к тому же, на мой взгляд, соломенные козы куда больше походят на лошадей. Но сейчас не время задавать вопросы — мне не терпится извлечь из-под елки и развернуть подарки. Надо сказать, Рождество мы празднуем не только по-шведски, но очень-очень экономно. Еще не развернув свертки, по их мягкости я понимаю, что там снова трусы и носки. С камина свисает мой рождественский чулок с именем, написанным с ошибкой: «Йулаби». Его подарил мне несколько лет назад друг семьи. Несмотря на ошибку, заставившую меня сильно разочароваться в американской системе образования, мы им пользуемся: в конце концов, это просто декоративная вещица. Завтра набью этот чулок карандашами.

— А у меня сюрприз! — говорит папа. — Он большой, под елкой не поместился!

И достает из-за фортепиано прямоугольный предмет размером с картину. Разворачивает — в самом деле картина. Дети играют на пляже.

— Как красиво, Джо! — говорит мама.

— Это для всей семьи, — гордо объявляет папа.

— А кто художник? — спрашиваю я.

— Некая Ванесса Белл, — отвечает папа. — А вот кто она — не знаю, надо бы поискать инфор-

мацию.

— Ванесса Белл… — говорю я. — Это мне что-то напоминает![2] — Вообще-то я не люблю таких шуток, но папа обожает каламбуры, и я думаю: пусть этот дурацкий каламбур станет ему рождественским подарком.

— О чем это ты? — спрашивает он.

— Я писала о ней работу для мистера Лондона, — говорю я.

— Кстати, мы так и не выяснили, он не родня Джеку Лондону? — спрашивает мама.

— Не родня, — говорю я.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает мама. — Когда мы с ним разговаривали, он прямо ничего не говорил, но намекал…

— Естественно, — отвечаю я. — Отсюда и знаю.

— Грета, извини, пожалуйста, — говорит папа и снова поворачивается ко мне: — Что значит, ты о ней писала?

— Писала о группе «Блумсбери», а Ванесса Белл принадлежала к ней.

Наградой мне становятся непонимающие взгляды со всех сторон.

— Сейчас покажу!

---

[2] Примечания: 2

В оригинале игра слов: «Vanessa Bell — it rings a bell!» *(Здесь и далее — прим. пер.)*

Я бегу к себе в комнату. Когда возвращаюсь, вижу, что вся семья собралась вокруг картины и с восхищенным вниманием ее разглядывает. Сейчас они напоминают людей на картине — три фигуры вокруг замка из песка.

Я отдаю папе свое сочинение, он читает. Тем временем мы с мамой и сестрой собираем оберточную бумагу и решаем, что большую ее часть придется выбросить. Слишком измятая, кое-где порвана: другой подарок в нее не завернешь.

— Как тебе моя работа? — спрашиваю я у папы.

— Очень интересно, — говорит он. — Пожалуй, поищу и другие ее картины.

Мама и сестра раскладывают под елкой угощение для Санты (овсянку) и его оленей (морковку), а мы с папой сидим и смотрим на огонь. Неужели Свея все еще верит в Санту? — думаю я. Но сейчас неподходящий момент, чтобы об этом спрашивать.

— У меня такое чувство, — говорит папа, — что эта картина может стоить целое состояние.

— И у меня, — отвечаю я.

Мама улыбается снисходительно и устало: она уже много раз такое слышала.

— Ладно, мечтатели, — говорит она, — а теперь давайте-ка в постель!

* * *

В рождественское утро мама, Свея и я натягиваем шерстяные шапки и отправляемся на прогулку по Краю Света.

— Только подумайте, сейчас все еще сидят под елкой и разворачивают подарки! — говорит мама так радостно, словно смысл Рождества в том, чтобы выйти на улицу раньше всех остальных.

Возвращаясь домой, видим, что папа ждет нас на крыльце. «Кто-то умер», — думаю я и пугаюсь. Вдруг кто-то из шведских тетушек? Я их обожаю.

— Мария Фабиола в новостях! — кричит папа издалека. — Нашлась!

Мама громко благодарит по-шведски Бога и Иисуса.

Не сняв ботинок, мы бежим в комнату с телевизором. В новостях по первой программе бегущая строка: «Рождественское чудо: пропавшая наследница вернулась живой». Все то же фото Марии Фабиолы на весь экран. Сегодня утром ее, завернутую в одеяло, нашли на крыльце ее родного дома в Си-Клиффе. Никаких деталей о похитителях полиция пока не раскрывает, продолжает дикторша. Лицо у нее серьезное — в конце концов, тема требует серьезности, — но

глаза оживленно блестят. Диктор, обычно работающий с ней вместе, уехал на Рождество, так что вся история досталась ей!

— Надо пойти к ее дому, — говорит мама. — Поздравить и порадоваться за нее.

Я так потрясена, что безропотно плетусь следом за мамой. Идет она быстро, почти бежит. Папа и Свея тоже идут с нами. Подходя к дому Марии Фабиолы, издалека видим толпу человек в пятьдесят или шестьдесят. Толпятся вокруг, словно дом — это сцена, а они пришли послушать выступление.

Соседи и незнакомцы обнимаются прямо на улице. Некоторые в красных колпаках Санты, другие в свитерах с оленями — и вряд ли это ирония. Появляются все новые люди, кто на машинах, кто на велосипедах. Все мы чего-то ждем, хоть и не знаем чего. Наконец раздвигаются занавески в гостиной. Мария Фабиола и ее родители подходят к окну. Вокруг меня раздаются охи и ахи, а за ними — оглушительное молчание. Мария Фабиола смотрит на нас. Толпа взрывается радостными криками, слышно что-то про рождественское чудо.

Отец Марии Фабиолы открывает окно. Толпа в восторге аплодирует. Мария Фабиола машет всем

жестом мисс Америки — рукой от локтя. Скользит глазами по лицам в толпе — несомненно, замечает и запоминает, кто пришел поздравить ее с возвращением домой. Скоро мы с ней встречаемся глазами. Взгляд ее на миг застывает, твердеет — а затем скользит дальше, к лицам, на которых не прочесть ничего, кроме радости.

17

Пока Марии Фабиолы не было, все только и ждали вестей о том, что же с ней стряслось и где она. Теперь она вернулась — и все только и ждут, когда же она расскажет, что с ней стряслось и где пропадала.

За минуту до шестичасовых новостей вся наша семья рассаживается перед телевизором. Но об исчезновении Марии Фабиолы не говорят почти ничего нового, кроме того, что ее будто бы похищали русские. Бедная мадам Соня, думаю я. Предложила Марии Фабиоле стол и кров — и этим навлекла беду на своих соотечественников. Вернулся мужчина-диктор — должно быть, ради истории с похищением преждевременно вышел из отпуска. Но и диктор, и дикторша словно извиняются за то, что у них так мало информации. Диктор зачитывает всего один абзац, примерно такой:

— Наследница сахарного состояния вернулась домой после похищения, совершенного, как нам сообщили, русскими. Сейчас она восстанавливает силы вместе с семьей в своем доме в Си-Клиффе. Как только появятся новые сведения, мы о них

сообщим, но сейчас семья просит уважать ее частную жизнь.

В следующие несколько вечеров на лице диктора читается напряжение. Должно быть, он думает: и ради этого я прервал свой отпуск? Вернулся домой, чтобы каждый вечер зачитывать, с небольшими вариациями, один и тот же абзац?

На седьмой вечер декламации все того же абзаца «дом в Си-Клиффе» превращается в «особняк в Си-Клиффе». «Она восстанавливает силы вместе с семьей в своем особняке в Си-Клиффе», — сообщает диктор, и теперь в его глазах чудится откровенное отвращение.

— В особняке? — спрашиваю я папу. — Это что, предпродажная реклама?

Но папа не дает втянуть себя в дискуссию о продаже недвижимости. Вместо этого спрашивает:

— А ты не хочешь ей позвонить?

— Не хочу, — отвечаю я.

Но в тот же вечер, немного позже, набираю номер, который выучила наизусть в восемь лет. Слышится гудок, потом отец Марии Фабиолы снимает трубку.

— Здравствуйте, это Юлаби.

— Привет, Юлаби, — говорит ее отец.

— Просто хочу сказать, как я рада и… и счаст-

лива, что Мария Фабиола вернулась домой.

— Мы тоже.

— Конечно, — говорю я. — Я хотела…

— Юлаби, Мария Фабиола сейчас ни с кем не разговаривает, — говорит он. Голос у него всегда был мягкий, вкрадчивый, словно у гипнотизера. — Но я обязательно ей передам, что ты думаешь о ней. Для Грейс тоже будет очень важно, что ты позвонила.

Не сразу я соображаю, что Грейс — это мать Марии Фабиолы. А ей-то почему важно? Мария Фабиола что-то говорила ей обо мне?

— Хорошо, — говорю я. — Что ж, пожалуйста, передайте привет и Грейс тоже. С Новым годом! — И вешаю трубку, чувствуя себя дурой.

* * *

В первую неделю января возобновляются занятия. В первый день я иду в школу, как обычно, одна. Вижу, как впереди шагают Джулия и Фейт. Марии Фабиолы с ними нет. Может быть, появится позже, думаю я. Она ведь теперь знаменитость.

Но, войдя в аудиторию, где проходит утреннее собрание, я вижу Марию Фабиолу в первом ряду: слева ее мать, справа мистер Мейкпис. Собрание

начинается, и мисс Кейтениз, завуч старших классов, объявляет: «в свете недавних событий» мисс Росс, школьный психотерапевт, будет работать почти полный день. Мисс Росс в очках и в платье с лимонами поднимается на сцену, говорит: «Просто хочу, чтобы вы знали: мне можно доверить любые ваши секреты», — кажется, хочет сказать что-то еще, но, помолчав, уходит.

В течение всего собрания мои одноклассницы украдкой посматривают на Марию Фабиолу, а она смотрит в окно. Мне вспоминаются внешкольные занятия, на которых одна девочка вот так же, не отрываясь, смотрела в окно; в это время разводились ее родители. И вдруг я вспоминаю: эти занятия проходили в доме у Марии Фабиолы.

Мисс Мак сейчас болеет, так что биологией мы все занимаемся в одном классе и с незнакомой учительницей. Мария Фабиола по-прежнему смотрит в окно. Где-то в середине урока учительница подходит к Марии Фабиоле, становится между ней и окном.

— Сколько хромосом содержит в норме каждая клетка человеческого организма?

— Я не обязана отвечать, — говорит Мария Фабиола.

— Прошу прощения?

— Полиция говорит, я не обязана отвечать на вопросы, от которых мне становится не по себе.

Учительница хмурится, щурит глаза, и вдруг… бам! С точностью до мгновения я вижу, как она узнает Марию Фабиолу — ту девочку, что видела в новостях. Глаза ее расширяются, она выпрямляется.

— Разумеется, — говорит она. — Конечно, ты не обязана отвечать.

И задает тот же вопрос Стефани, которая живет на Пресидио-Террас, по соседству с Дайаной Фейнстейн.

— Очень хорошо, — говорит она, хотя Стефани ответила неверно. Учительница не сводит глаз с Марии Фабиолы — и, как и все вокруг, ничего и никого, кроме нее, не замечает.

Особенно меня.

* * *

После возвращения Марии Фабиолы проходит несколько недель, но Си-Клифф не покидает сдержанное, молчаливое оживление. Садовники подстригают кусты и живые изгороди куда более рьяно, точно рассчитанными движениями; хозяева собак гуляют с ними дольше и на более длинных поводках; почтальон разносит письма

и посылки с новой энергией, часто насвистывая при этом какой-то старомодный мотивчик.

Каждый день я иду из школы прямо домой, чтобы перехватить почтальона прежде, чем вернется с работы мама. Он появляется перед нашим домом в 15:15, а мама обычно оставляет свой велосипед в саду в 15:25. Осознав, что в «Спрэгг» обречена на одиночество, я написала в несколько школ-интернатов, интересуясь, что требуется, чтобы туда поступить. Родителям пока ничего не говорила: не хочу, чтобы заранее знали, что я хочу уехать. Сначала посмотрю, где готовы меня принять, а потом постараюсь их убедить, что здесь моя жизнь стала невыносимой. Однако договариваться о переходе в другую школу надо до конца учебного года, так что мне приходится действовать быстро.

Однажды, вскоре после Нового года, почтальон, с этой новообретенной энергией взбежав по ступеням, протягивает мне кремовый конверт, на котором каллиграфическим почерком надписано мое имя. В конверте приглашение на праздник «в честь благополучного возвращения Марии Фабиолы». Вечеринку устраивает ее крестная, состоится она в пятницу вечером. Никогда еще я не получала таких приглашений — с моим именем,

написанным от руки, и с вложенной в конверт открыткой для ответа. Я оставляю приглашение на мраморном столике в прихожей — там, куда кладу всю корреспонденцию, которую хочу донести до мамы, но не хочу передавать ей из рук в руки. Например, оценку за сочинение по Сэлинджеру.

— Что ж, это мило, — говорит мама.

Она стоит на пороге моей спальни с приглашением в руке. Я на кровати, читаю Кундеру.

— Странная идея для вечеринки, тебе не кажется? — спрашиваю я.

— Так ведь и обстоятельства необычные, — отвечает мама.

— Да, наверное, ты права. Когда в магазине смотришь на стойку с открытками, там есть разделы «день рождения», «юбилей» и так далее, а вот раздела «возвращение тех, кто пропадал без вести и считался погибшим» нет…

И я улыбаюсь, надеясь, что мама рассмеется в ответ. Но она, наклонив голову, серьезно смотрит на меня.

— Я хочу пойти, — говорю я. — Просто не знаю, хочет ли она меня видеть.

— Разумеется, хочет!

Я упираюсь взглядом в стол так, словно заме-

тила там невесть что интересное. Родители не знают, что Мария Фабиола после возвращения ни разу со мной не разговаривала. Впрочем, до возвращения тоже. Всего три с половиной месяца молчания.

— Мне кажется, это ее мама решила меня пригласить, — говорю я.

— Значит, сходи ради ее мамы. Мы, к сожалению, не сможем выбраться, — добавляет она, — у твоего папы в этот вечер серьезный аукцион. В галерею придет Дэнни Гловер!

— По-моему, вас и так не приглашают. Ведь приглашение адресовано мне.

— Хм, — говорит мама. — Ну что ж, почему бы тебе не ответить прямо сейчас, пока не успела передумать?

— Ладно, — говорю я.

Не могу понять, откуда она это знает: что сейчас я хочу пойти, но боюсь, что завтра передумаю?

— И вот еще что, Юлаби, — говорит она. — Я тут подумала: балетом ты больше не занимаешься, в школу танцев тоже не ходишь — может быть, тебе заняться чем-нибудь еще?

Я опускаю глаза на книгу, которую читаю, и говорю:

— Я хочу выучить чешский язык.

— Чешский? — переспрашивает она.

— Угу, — говорю я.

Мама смотрит на меня так, словно хочет что-то сказать, но решает промолчать. Просто кивает и выходит из комнаты.

— Открыть или закрыть? — спрашивает она про дверь.

— Закрыть, — отвечаю я, просто чтобы еще раз испытать новообретенную власть над родителями, которые теперь очень стараются меня не расстраивать.

Я читаю еще минут десять, а потом сажусь за открытку с ответом. Очень, очень аккуратно вписываю свое имя. Ответ: «Да, я обязательно приду!» уже впечатан, и напротив него квадратик. Этот квадратик я старательно закрашиваю, словно выбираю правильный ответ на контрольной.

Выйдя, чтобы бросить открытку в почтовый ящик, вижу Кита. Едет по Лейк-стрит на скейтборде, один.

— Привет, Кит! — зову я, но он не отвечает.

Черт, думаю я. И он против меня! Но тут он поворачивается, и я замечаю у него на поясе ярко-желтую коробочку «Уокмена». Так он в наушниках! Подхожу ближе: он смотрит на меня и машет рукой, а потом сдвигает наушники и

вешает на шею.

— Привет, — говорит он. — Куда идешь?

— Письмо отправить, — отвечаю я.

— Это насчет вечеринки в честь Марии Фабиолы? — спрашивает он, кивнув на открытку у меня в руке.

— Ну да, а ты идешь? — Очень надеюсь, что голос у меня не дрожит от радости.

— Не знаю. Спрошу у родителей, когда они вернутся. Вроде мы в эти выходные должны ехать на свадьбу.

— Куда?

— В Йосемити.

— Зимой?

— Ну да. Мы же не в палатке будем жить. Остановимся в том отеле, в «Авани».

— «Авани»? Это где снимали «Сияние»?

Я жду, что он, как большинство мальчишек на его месте, ответит: «Ага, круто, правда?» — но вместо этого он разделяет мои чувства.

— Немножко жутковато от этого, верно? — говорит он.

Я киваю.

— А тебе не кажется, что это странная идея — устраивать такую вечеринку? — спрашивает он. — То есть я, конечно, рад, что похитители ее

вернули, но просто… что там должно быть, на такой вечеринке? Какие подарки дарить гостям?

— Может, подарят повязки на глаза, — отвечаю я.

Секунду он молча смотрит на меня. М-да, чувство юмора у меня определенно не для всех. Но затем Кит улыбается.

— Или чемоданы наличных!

— А за нее просили выкуп? — спрашиваю я. — И ее родители заплатили?

— Не знаю, — отвечает он. — Но почему еще она вдруг вернулась домой?

— Как ты думаешь, сколько они заплатили? — спрашиваю я. — Сколько это может стоить?

— За наследницу-то? Порядочно.

Мне хочется поделиться своей теорией, что Марию Фабиолу никто не похищал, что она «исчезла» нарочно, но я решаю, что сейчас не время. У меня слишком мало доказательств; точнее, никаких доказательств нет. И потом, надоело, что все разговоры вокруг только о Марии Фабиоле. И так уже несколько месяцев. Даже когда кажется, что говорят о чем-то другом — на самом деле это о ней. И когда родители спрашивают, во сколько я вернусь домой, и когда учителя желают нам «безопасных выходных» — все это о ней, все

из-за нее.

— А что ты слушаешь? — спрашиваю я.

— «The Furs», — отвечает он. — Любишь их?

Несколько месяцев назад я бы соврала — ответила бы «еще как люблю», хотя даже не знаю эту группу. Но теперь я хочу вести себя по-другому. Хочу быть другой.

— Я их не знаю, — отвечаю я.

И жду, что он нахмурится, скажет: «Как не знаешь?!» Но вместо этого он снимает с шеи наушники и пристраивает мне на голову. Нажимает на «Уокмене» кнопку «Play» — и я слышу хрипловатый голос с британским акцентом, поющий о том, что пора проглотить слезы и снова начать улыбаться.

Я молча снимаю наушники и протягиваю ему.

— Не понравилось?

— Нет, понравилось. Очень. — Я не могу признаться в том, почему поскорее сняла наушники; эта песня так внезапно и сильно меня тронула, что я побоялась прямо тут, на месте, разрыдаться.

— Отличная группа! — говорит он.

— Ага, — соглашаюсь я. И, боясь, что сейчас все испорчу, добавляю торопливо: — Ладно, я лучше пойду.

* * *

В тот вечер я до ночи читаю «Невыносимую легкость бытия». Сцену с котелком — ту, где Сабина соблазняет Томаша в своей пражской квартире, обнаженная, в одной только шляпе-котелке. Интересно, как выглядит котелок? Надо будет поискать такую шляпу в следующий раз, когда попаду в секонд-хенд в Хайте. Точнее, когда попаду туда *одна.* Мне становится жаль себя, а потом еще сильнее — оттого, что понимаю, что жалею себя. «Жалея себя, достигаешь нового дна», думаю я — и, сев за стол, немедленно записываю эту фразу в дневник. И решаю, что читать Милана Кундеру оказалось очень полезно. Он будит мысль.

Уже после одиннадцати вечера кто-то звонит в парадную дверь, и я сажусь в кровати. Кто бы это мог быть? В парадную дверь нам звонят очень редко, чаще всего коммивояжеры. Почти все наши друзья заходят в дом черным ходом.

Я выхожу на лестничную площадку и, свесившись через перила, смотрю вниз. Мама разговаривает по-шведски с какой-то блондинкой. Мне видны только их белокурые макушки; стоят голова к голове, но говорят громко. Похоже, что-то случилось. Я достаточно общалась с мамиными

подругами и отметила достаточно дней святой Люции, чтобы кое-что понимать по-шведски, однако бегло на этом языке не говорю. Сейчас до меня снова и снова доносится «мьолк», что означает «молоко» — но совсем непонятно, почему молоко вызвало такую бурную дискуссию. И при чем здесь пара чемоданов у дверей.

Спускаюсь вниз и выхожу в прихожую, театрально протирая глаза, словно только что проснулась. Быть может, говорю себе, я прирожденная актриса.

— О господи, мы тебя разбудили? — говорит папа.

— Все нормально, — успокаиваю его я.

А затем поднимаю глаза на белокурую гостью так, словно только что заметила ее присутствие.

— Здравствуйте, — говорю я. — Кто вы?

— Я Ева, — отвечает она. — Пишется с двойным «в», но произносится как с одним.

— А я Юлаби, — отвечаю я. — И еще не придумала, как представляться, чтобы мое имя сразу запомнили.

— Не беда, придумаем вместе! — отвечает она.

По-английски она говорит бегло, с легким британским акцентом. Значит, училась в хорошей школе. И она гораздо моложе, чем показалось мне

сначала. Сверху Ева выглядела пухлой и немолодой, но теперь, стоя напротив, я понимаю, что ей лет двадцать с небольшим. Должно быть, она…

— Ева здесь по обмену, — объясняет мама. Я уже это поняла.

– *Была* по обмену, — уточняет Ева.

Одна из неофициальных маминых обязанностей в шведской общине — помогать шведкам, приезжающим сюда по обмену. На случай, если произойдет какая-нибудь неприятность, им дают мамин телефон. А с Евой явно случилась неприятность! Только никак не могу понять какая — они продолжают оживленный разговор по-шведски.

Папа в шлепанцах переминается с ноги на ногу, прочищает горло.

— Прошу прощения. Может быть, выпьем чаю? — предлагает он.

Папа говорит только по-английски, и присутствие в доме иностранцев (в нашем случае это всегда шведы) подсознательно пробуждает в нем британский акцент и пристрастие к чаю.

— А он без кофеина? — спрашивает Ева.

Родители смотрят друг на друга. Как видно, им никогда не приходило в голову проверять, есть ли в чае, который они пьют поздно ночью, кофеин.

— Я проверю, — говорит наконец папа и уходит

на кухню.

В присутствии красивых женщин он часто начинает хлопотать по хозяйству. Еву, пожалуй, красивой в полном смысле не назовешь, но она определенно останавливает на себе внимание. У нее широкое круглое лицо, неожиданный (для зимнего Сан-Франциско) загар. Она пухлая, с заметными округлостями. В белых брюках, какие любят все шведки. Американки с таким типом фигуры обычно белые брюки не носят. Может быть, это уловка, думаю я; может быть, глядя на белые брюки, люди должны думать: «И вовсе она не полная!» У нее яркие синие глаза и вьющиеся волосы до плеч. Должно быть, перманент, думаю я. Все мои шведские кузины ходят с перманентом.

Мама с Евой разговаривают еще с минуту; я понимаю только слова «Damernas Värld»[3] — название женского журнала. Он мне знаком: в корзине у нас в ванной лежит толстая стопка старых номеров. Уезжая «домой на каникулы», шведки, живущие в Америке, непременно прихватывают оттуда столько номеров «Damernas Värld», сколько смогут увезти.

---

[3] Примечания: 3
Дамский мир *(швед.).*

— Ах да, с тобой лучше говорить по-английски, — замечает Ева, явно недовольная тем, что я не говорю по-шведски. Шведы вечно этим недовольны.

— Я учу чешский, — сообщаю я.

Возвращается папа с чаем на подносе, и мы идем в гостиную. Из этого можно понять, что родители считают Еву полноценной гостьей — кого попало в гостиную не водят. Сейчас там холодно, из широких окон сквозит.

— Так что вас к нам привело? — спрашиваю я самым светским тоном.

— Пролитое молоко, — отвечает Ева.

— Ева присматривала за детьми по обмену в одном доме на Лейк-стрит, — поясняет мама. — Старшую девочку зовут Максин. Ты ее знаешь?

— А в какую школу она ходит? — спрашиваю я.

— В «Вайнер», — отвечает Ева. — Она в восьмом классе.

«Вайнер» — еще одна женская школа. Мы с девчонками из «Вайнера» иногда соревнуемся в спортивных играх и вечно соперничаем из-за мальчиков, так что о любой из них много можем наговорить!

— Кажется, знаю, — отвечаю я, умолчав о том, что Максин выгнали из школы танцев, да и вооб-

ще репутация у нее еще та.

— Максин немного… трудная девочка, но сердце у нее доброе, — говорит Ева. — А вот ее отец… о нем этого не скажешь. Сегодня он решил перекусить перед сном и пролил на пол целый галлон молока. Моя комната возле кухни: он позвал меня и приказал вытереть молоко.

— А это не ее работа, — поясняет мне мама.

— Да, в мои обязанности это не входит. Если бы молоко пролил кто-то из детей, быть может, я и должна была бы прибрать — но я не обязана прибираться за ним!

— А почему он пил молоко? — спрашиваю я.

— Это не важно, — отвечает она.

— Ладно, — говорю я.

Такой ответ подтверждает мою гипотезу: не молоко он там пил, а что-то покрепче. С какой стати еще отвечать «это не важно»? Да и она, скорее всего, не сидела у себя в комнате, а выпивала с ним вместе. Однако я не в том положении, чтобы излагать здесь свои теории.

— Пожалуй, тебе пора в постель, — говорит мама.

— Ладно, — отвечаю я. — До завтра.

Я лежу без сна в своей кровати с пологом — и час спустя слышу, как папа относит чемоданы

Евы в комнату, соседнюю с моей, ту, что называется «игровой», хотя в ней никто ни во что не играет. Для этого в ней слишком чисто, она слишком официально обставлена. Там стоит складная кожаная кушетка персикового цвета; на ней иногда ночуют гости. Странный выбор для гостевой спальни: ведь эта комната проходная, мне нужно пройти через нее, чтобы попасть в свою. Сейчас я слышу, как Ева устраивается на кушетке. Стонут пружины — и она громко вздыхает им в лад.

Утром я тихонько прокрадываюсь мимо Евы. Она сняла матрас с кушетки на пол и спит лицом вниз, раскинув руки и ноги буквой Х, а на позолоченной дверной ручке висят ее белые брюки.

18

После очередного долгого дня, когда никто в школе меня не замечает, я возвращаюсь домой — и вижу, что в гостевой спальне сидит Ева и нанизывает бусины на проволоку.

— Что это вы делаете? — спрашиваю я.

— Сережки, — отвечает она. — У тебя уши проколоты?

— Да, в правом ухе одна дырка, а в левом две. Вторую я сама сделала!

— Ух ты! — говорит она. — Молодчина!

— У меня свой бизнес по прокалыванию ушей, — сообщаю я. — Прокалываю уши — девочкам, мальчикам, всем, кто попросит. Стерилизую иглу, а потом прикладываю лед.

«Бизнес» — это, конечно, громко сказано. Всего я проколола три уха, по пять долларов каждое. Одним из них было ухо Марии Фабиолы.

— Впечатляет! — говорит Ева. — И очень хорошо, что стерилизуешь иглу.

Так и думала, что ей это понравится. Все шведы помешаны на санитарии и стерилизуют все и вся.

— Может быть, и мне как-нибудь ухо проко-

лешь? Я хотела бы сделать еще одну дырочку. — И Ева, наклонив голову, показывает мне, где хотела бы проколоть мочку.

— Будет красиво, — говорю я.

Смотрю, как Ева продевает проволоку сквозь легкую голубую бусину, и думаю: интересно, что же она будет делать теперь, потеряв работу по обмену?

— Юлаби, у тебя есть парень?

— Сейчас нет.

— А есть кто-то, кто тебе нравится?

— Ага.

— Так сделай его своим парнем!

Я испускаю смешок.

— Как это можно сделать?

— Ну, для начала пригласить его на свидание. Есть у вас что-то общее? Что-то такое, что вы оба любите?

— Мы оба любим музыку. Ту группу, что называется «The Furs».

— А, «The Psychedelic Furs»! — Ева останавливается и поднимает голову.

— Ну да, — отвечаю я, надеясь, что это та же самая группа.

— Знаешь, я недавно видела, что они скоро будут выступать в Сан-Франциско.

— Правда? — спрашиваю я.

— Правда. Так что достань билеты и пригласи его.

— Не знаю, — говорю я. — Мне кажется, это как-то… ну, как-то уж слишком!

— Вот что я сделаю, — говорит она. — Куплю два билета, а ты ему скажешь, что у одной твоей старшей подруги — всегда хорошо иметь старшую подругу, это впечатляет и дает ему понять, что ты и сама уже не маленькая — так вот, у старшей подруги нашлась пара лишних билетов на концерт «The Furs» и она отдала их тебе.

Что-то взмывает в груди и щекочет подошвы, словно я вот-вот взлечу.

— Вот это будет круто! — восклицаю я и смотрю на Еву, фею пролитого молока, с новым для себя восхищением.

* * *

На следующий день после школы нахожу у себя на столе пару билетов, сложенных знаком «победы». Концерт состоится в «Филморе». Я никогда там не была! Сердце колотится о ребра. Теперь — пригласить Кита. Потом убедить родителей, чтобы они меня отпустили. Да, и найти пластинки этой группы, чтобы знать побольше,

чем полпесни.

Я снимаю школьную форму, натягиваю свои лучшие черные джинсы. Вокруг пояса повязываю за рукава черный свитер. Сверху на мне синяя толстовка с большой декоративной пуговицей под горлом. Неплохо! — думаю я, разглядывая себя в зеркале на двери. Слишком внимательно не вглядываюсь — ровно настолько, чтобы удостовериться, что недурно выгляжу. Излишнее внимание к своей внешности, как я уже убедилась, на пользу мне не идет. Наклеиваю на пятки пластырь, а затем влезаю в «мартенсы» — неновые, но еще не разношенные. «Мартенсы» — для вечеров и выходных. В «Спрэгг» в них ходить не разрешают.

Иду на Калифорния-стрит, чтобы оттуда доехать на автобусе с пересадкой до магазина, где обычно покупаю грампластинки. Надеюсь увидеть Кита на скейте, но его нет. Дожидаюсь автобуса и проезжаю четыре квартала, но затем решаю взять у водителя пересадочный талон и выйти. В этом автобусе совсем нет мальчишек. Сжимая талон в руке, жду на остановке четверть часа, пока приезжает следующий — и оказывается, что подождать стоило! В этом автобусе я вижу Акселя Валленберга. Он меня не знает, а вот я

знаю, кто он — тоже швед и наши мамы знакомы. По моему убеждению, Аксель настоящий красавец, да к тому же необычный, глубокий человек.

Красота Акселя заметна сразу, а вот душевная глубина не бросается в глаза. Но я не сомневаюсь, что она есть — ведь мне известна тайна его семьи! В прошлом году, в седьмом классе, я писала сочинение о Рауле Валленберге и с тех пор его обожаю. Во время Второй мировой Рауль Валленберг спас сотни евреев: приехал из Швеции в Венгрию и выдавал евреям фальшивые шведские паспорта. Но потом, в 1945 году, его арестовало русское КГБ. Русские говорят, что его расстреляли в сорок седьмом, но тела так никто и не видел. Многие не верят, что Валленберг умер. И я, пожалуй, тоже. Лично я подозреваю, что Аксель Валленберг, едущий сейчас со мной на первом номере, — его внук.

На Пресидио мы пересаживаемся на сорок третий номер, идущий в Хайт. Аксель с друзьями сидит сзади, я в середине. Держу на коленях «Невыносимую легкость бытия» и не забываю переворачивать страницы, чтобы, если кто-нибудь на меня посмотрит, он не сомневался, что я в самом деле читаю. Но никто не смотрит. Я прислушиваюсь к разговору мальчишек — как

обычно, он крутится вокруг Марии Фабиолы. Но вот что интересно: Аксель говорит, что тоже пойдет на эту ее вечеринку!

— Давай, подсыпь им слабительного в салатики! — говорит один из его друзей.

— Точно, и подлей спиртного в компот! — добавляет другой, у которого волосы подлиннее.

Уже вблизи Хайта, выглянув в окно, я вижу девушку с волосами мышиного цвета, в розовом меховом жакете, клешах и круглых очках. Она разговаривает с двумя мужчинами намного ее старше. У одного ботинки на высоких каблуках, другой в коричневой кожаной куртке и круглой вязаной шапке.

— Глядите-ка! — говорит один из друзей Акселя. — Это та долбанутая, что голой на турнике качалась!

Все выглядывают в окно.

— Наркоша конченая, — говорит второй друг.

— Да, с головой у нее точно непорядок, — говорит Аксель. — Но мне ее жаль. Ее мамаша бросила и умотала в Африку.

«В Индию!» — хочу поправить я, но вовремя останавливаюсь. Незачем им знать, что я слушаю их разговоры.

Доехав до Хейта, все мы выходим. Парни сво-

рачивают налево, к табачным лавкам, где возле парковки продают с рук марихуану. Я поворачиваю направо, к более крупным магазинам. Прохожу мимо нескольких оборванцев с собаками. Похоже, еще недавно они ездили в летние лагеря — у некоторых на запястьях ветхие, пожелтелые скаутские браслеты, — а теперь сидят перед магазинами и просят милостыню.

В магазине грампластинок полно народу, в основном парни лет на пять постарше меня. Девушка только одна, да и она здесь со своим кавалером. Я просматриваю уцененные пластинки, но той, что мне нужна, среди них нет, так что отправляюсь в отдел «Новые записи». Вот они — «The Psychedelic Furs»! Два диска. Нет, даже три! Не знаю, за какой хвататься. Пожалуй, я могу себе позволить только один. В марте день рождения Свеи, и деньги лучше приберечь, чтобы купить ей что-нибудь, что она через неделю сунет поглубже в шкаф и забудет.

Я выбираю самый свежий альбом: на обложке — человек с рыжеватыми волосами и в голубом смокинге. Держу пластинку в руках и смотрю на этого незнакомца нежно, словно в лицо любимому.

Лысеющий мужчина в футболке с «Blondies»

(надеюсь, это ирония?), стоящий за кассой, кивает, когда я протягиваю альбом.

— Классный выбор! — говорит он.

Я не знаю, что ответить: «спасибо» прозвучит как-то глупо. Вместо этого стараюсь взглядом выразить: «Еще бы!» Кладу пластинку в ярко-желтый фирменный пакет и выхожу на улицу, стараясь не размахивать руками, чтобы никого не задеть.

В витрине соседнего магазина стоит манекен, облаченный в черное платье в белый горошек. Повинуясь какому-то импульсу, я вдруг захожу туда.

В магазине работают две девушки, тоненькие и гибкие. У одной алый галстук-бабочка, другая в юбке-карандаше с золотистой молнией спереди, на всю длину.

— У вас в витрине платье… — начинаю я.

— О, на тебе будет смотреться сказочно! — подхватывает та, что с бабочкой.

— У нас такое только одно, — добавляет та, что с молнией. — Сейчас сниму с манекена.

Она подходит к окну, снимает оттуда манекен. На секунду кажется, что кружится с ним в каком-то неловком танце. Затем кладет манекен на пол и начинает расстегивать на нем платье, словно

готовясь делать ему искусственное дыхание. Тут я невольно замечаю, что эта неподвижная кукла на полу очень на меня похожа. Замечает это и продавщица в галстуке.

— Смотри-ка, — говорит она, — этот манекен — точь-в-точь ты!

— Надеюсь, я выгляжу более живой, — отвечаю я.

— Конечно! — говорит она.

— Приятно слышать, — отвечаю я.

Обе внимательно на меня смотрят. Затем та, что возилась с манекеном, наконец снимает с него платье и протягивает мне.

— Примерочная у нас там, — говорит она. — За розовой шторкой.

На стене в примерочной висит бумажная репродукция «Рождения Венеры» Боттичелли, где Венера появляется на свет из раковины. Не знаю, может, дело в картине — но, надев платье и взглянув в зеркало, я, кажется, вижу новую и лучшую версию себя. Себя будущую. «Вот так я буду выглядеть, когда вырасту!» — думаю я, и это очень меня подбадривает. Может, стоит всегда носить платья в горошек?

— Давай-ка посмотрим! — окликает меня одна из продавщиц.

Я выхожу из примерочной, надеясь, что волшебство не рассеется от чужих взглядов.

— Ух ты! — восклицают обе разом.

Нет, не рассеялось!

— Твое тело словно создано для этого платья! — говорит Молния.

— А вырез не слишком глубокий? — спрашиваю я, очень надеясь услышать отрицательный ответ. Самой мне кажется, что вырез открывает слишком много.

— Определенно нет, — отвечает она.

— А чего тебе скрывать? Гордись тем, чем природа наградила! — подхватывает Бабочка, и я смеюсь в ответ. Никогда прежде я об этом не думала — и тем более не гордилась!

— А шляпы-котелка у вас случайно нет? — спрашиваю я.

Продавщицы переглядываются, потом смотрят на меня и согласно качают головами. Однако то, что я спросила о чем-то еще, побуждает их проявить инициативу.

— А туфли тебе не нужны? — спрашивает Бабочка. Сама она в туфлях с очень высокими каблуками.

— Наверное, я пойду в этих, — отвечаю я, посмотрев на свои «мартенсы».

— Нет-нет! — хором восклицают они.

— Какой у тебя размер ноги? — спрашивает Молния.

— Шесть с половиной.

— Отлично. — И она поворачивается к полкам с обувью. — Ну-ка, примерь! Это уцененные.

С этими словами она протягивает мне нежные серебристые туфельки — полную противоположность моим «мартенсам».

Я присаживаюсь на низенькую бархатную кушетку и примеряю туфли. При этом пластыри слетают, но я приклеиваю их на место и встаю, стараясь уверенно держаться на каблуках.

Бабочка присвистывает.

— Хотела бы и я засвистеть! — говорит Молния. — Но это врожденное: либо умеешь, либо нет.

Я смотрюсь в зеркало.

— Ты посмотри, какие у тебя стали красивые ноги! Эти туфли их у-дли-ня-ют! — говорит Бабочка, и само это слово, произнесенное нараспев, удлиняется в ее устах.

— Боюсь спрашивать, сколько все это стоит! — В этот миг я вдруг понимаю, что и правда очень боюсь.

Молния достает калькулятор, нажимает на

кнопки, а потом сообщает мне общую стоимость вместе с налогом — сумма немаленькая, но все же не такая огромная, как я боялась. Денег хватит — при мне все, что я скопила на подарок для Свеи! Если сейчас их потрачу, останется всего три доллара. Но ничего, выполню несколько поручений для старушек по соседству и заработаю еще. Я расплачиваюсь, платье и туфли аккуратно заворачивают в ткань, а затем уже без всякой деликатности кидают в бумажную сумку.

Я благодарю продавщиц и иду к дверям, по дороге обходя неподвижный голый манекен. Меня провожает звон дверного колокольчика.

* * *

Выхожу на одну остановку раньше, чтобы пройти пешком по кварталу Кита. Он здесь, на улице, вместе со своим скейтбордом. И один. Подхожу к нему, старательно делая вид, что это случайная встреча, и держа пакет из магазина грампластинок к нему лицом.

— Привет, — говорит он.

— Привет.

— Что купила?

— «The Furs», — отвечаю я.

— Да ладно!

— Ага, — говорю я. — И знаешь что? У меня есть одна подруга, она старше, и она отдала мне два билета на их концерт!

— Серьезно? Круто!

— Ага, — повторяю я. А потом, помолчав и собравшись с храбростью, перехожу к главному: — А ты не хочешь пойти?

— Прошу прощения? — Вместо «что» он, когда переспрашивает, говорит «прошу прощения», и мне это так нравится! Как будто он с Юга или из прошлого. Или и то, и другое сразу.

— Хочешь пойти со мной? — повторяю я. — У меня два билета.

— Может быть, — отвечает он. — А когда?

Я называю число, и он говорит, что спросит у родителей и мне скажет.

— Классно! — говорю я.

И, страшась что-то испортить, поворачиваюсь к нему спиной и иду прочь. Шагаю по тротуару, с пластинкой, платьем, туфлями и тремя долларами в кармане. Чувствую, что пластырь съехал и слетел с пятки, но не останавливаюсь, чтобы его поправить. Сейчас я богиня — и такие мелочи меня не волнуют.

19

За ужином я завариваю о походе на концерт.

— По-моему, хорошая мысль, — говорит мама.

Я понимаю, что она имеет в виду: «Хорошо, что у тебя появился новый друг твоего возраста!» Она довольна, что мы с Евой так хорошо сошлись, но явно переживает из-за того, что теперь мне никто не звонит.

— Грета, подожди секунду, — говорит папа, откладывает вилку и поворачивается ко мне. — Ты пойдешь на концерт с парнем?

— Да какой же это парень? — говорит мама. — Это сын Бонни и Фреда, знаешь, тех, с Си-Вью.

Мне хочется ее поправить. Разумеется, Кит — парень, и еще какой! Но сейчас, пожалуй, лучше об этом помолчать.

— А что за группа? — спрашивает папа.

— Британская, — отвечаю я.

— Прежде чем я на что-то соглашусь, я хотел бы их послушать, — говорит он.

— Ладно. У меня есть альбом.

После ужина Ева с мамой моют посуду, а папа поднимается следом за мной наверх. В прошлом году он купил мне в «Сирс» проигрыватель. Ло-

готипа «Сирс» я стыдилась и придумала, как его прикрыть. У меня есть особая печатная машинка, позволяющая вытиснить печатные буквы на красной клейкой ленте. Я напечатала на ленте «НАЗВАНИЕ ФИРМЫ» и этим заклеила логотип.

Папа садится на мой вертящийся стул, поворачивается к проигрывателю. Надеюсь, билетов не заметил — вряд ли ему понравится, что это я пригласила Кита на концерт.

Бывать на рок-концертах папе случалось. Однажды, когда ему было немного за двадцать, поехал на другую сторону залива, в Ричмонд, чтобы послушать Литтл Ричарда — и, как говорит, был одним из двух белых в зале. Однако в его карьере любителя рока есть значительные пробелы. Как-то раз, когда я спросила, кто из битлов ему больше нравится, папа ответил: «Знаешь, боюсь, этот тренд я пропустил». «Пропустил этот тренд! — подумала я тогда. — «Битлз» — это для него «модный тренд»!» Так что не знаю, что он подумает о «The Psychedelic Furs».

Пластинка уже стоит на вертушке; я аккуратно опускаю иглу на песню «Милашка в розовом». Название звучит невинно; может быть, послушав, папа убедится, что эта группа вполне

подходит для моего возраста?[4]

Папа слушает, прикрыв глаза. А потом говорит:

— Юлаби!

— Да? — откликаюсь я.

— Отличная группа, — говорит он.

— Ага, — говорю я. — Значит…

— Можешь пойти на концерт, — говорит он, хотя явно сам не верит, что произносит эти слова. — Мы подумаем, как все организовать. Например, попросим Еву, чтобы она сразу после концерта тебя забрала.

— Конечно, — отвечаю я. — Спасибо!

Но он не говорит, как обычно, «пожалуйста» — просто кивает и встает.

* * *

На желтом родительском «Саабе» Ева везет нас на концерт. Мы с Китом молчим, говорит только она — рассказывает, как популярен сейчас в Швеции хеви-метал. Перед дверями «Филмора» мы выходим из машины. Вокруг полно народу, и почти все старше нас.

---

[4] Примечания: 4

Ирония здесь в том, что в этой песне речь идет о легкодоступной девушке, и содержание песни достаточно «взрослое» и серьезное.

— А она классная, — говорит Кит, когда Ева отъезжает.

— Ага! — отвечаю я, очень довольная тем, что Ева ему понравилась.

Едва мы входим в здание, меня поражает запах влажных прелых листьев.

— Травка, — тоном знатока поясняет Кит.

А… ну да. Понятно. На рок-концерте я была всего один раз, и то на «Duran Duran».

Встаем в середине зала, не зная, что делать с руками. У всех вокруг в руках выпивка. Выходят музыканты, начинают играть, и мы покачиваемся под музыку.

— Совсем без болтовни, — говорит Кит.

— Что? — переспрашиваю я. Наклоняясь к нему, вдыхаю запах «Тайда». Должно быть, его мама не разводит стиральный порошок в воде, как моя.

— Говорю, интересно, что они совсем не болтают. Даже не сказали: «Привет, Сан-Франциско, рады, что мы здесь» — или что-нибудь в таком роде.

— Ага, — говорю я, новенькая в этом мире.

Группа играет «Небеса», и Кит вдруг раскидывает руки и начинает кружиться вокруг своей оси.

— Что это ты делаешь? — спрашиваю я.

— Так Ричард Батлер делает в клипе на эту

песню!

Кто такой Ричард Батлер, я не спрашиваю — только жалею, что не успела посмотреть и выучить, как зовут музыкантов.

— Попробуй! — говорит он.

И я начинаю кружиться, сперва неохотно.

— Давай, вытяни руки! — не отстает Кит.

Так я и делаю.

Мы кружимся навстречу друг другу, так что с каждым оборотом наши руки мягко соприкасаются. Каждый раз, когда мы поворачиваемся друг к другу лицом, я вижу, что Кит подпевает. Сама я полностью отдалась музыке. Я взлетела и парю над миром, и ничто больше меня не волнует — только лицо Кита, снова и снова, на каждом повороте, вместе с легким запахом «Тайда».

— Я так счастлива, что мы сюда пришли! — говорю я.

— Что? — Из-за музыки он меня не слышит.

— Я так счастлива! — кричу я во весь голос.

Спев еще несколько песен, «The Furs» уходят — и у меня падает сердце. Но все кричат, снова вызывая их на сцену — я тоже, особенно я, — и группа возвращается и начинает играть «Милашку в розовом». И снова я прыгаю и кричу вместе со всеми и мысленно молю только об одном —

чтобы эта музыка звучала вечно.

Но концерт все-таки заканчивается, и мы с Китом выходим в холодный туман. Ночной воздух пахнет новыми кожаными куртками. Из тумана выныривают низко посаженные и широко расставленные фары «Сааба», и мы усаживаемся на заднее сиденье.

— Ну как? — спрашивает Ева, отъезжая от клуба.

— Фантастика! — отвечает Кит.

Я чувствую, как его пальцы осторожно пробираются по моей руке, сжимают ладонь. Чувствую, как бьется его пульс.

— Смотрите-ка! — говорит Ева, когда мы сворачиваем на Пайн. — Ни одного красного светофора. Все для нас!

И мы несемся сквозь ночь по бульвару, словно проложенному лишь для нас двоих.

20

Наконец наступает пятница, день вечеринки. Мария Фабиола в школу не приходит. «Может, ее снова похитили?» — думаю я, но понимаю, что вслух этого лучше не говорить. Такое можно сказать только Киту — вот он посмеется! Но Кита нет в городе, он уехал в Йосемити на свадьбу двоюродной сестры.

В школе никто не может сосредоточиться — даже учителя, все из которых, кроме биологички мисс Мак, тоже приглашены на праздник. Все гадают, что же там произойдет. Нам наконец все объяснят? Откроют тайну? Ведь об обстоятельствах таинственного исчезновения Марии Фабиолы и ее чудесного возвращения на Рождество все мы по-прежнему знаем не больше, чем три недели назад.

С последнего урока нас отпускают, даже не дожидаясь звонка. У ворот школы матери вышли из своих «Вольво», стоят кучками и ведут оживленные беседы. Сегодня все они принарядились. Я замечаю не меньше шести тщательно отглаженных юбок-карандашей.

* * *

Вернувшись домой, я прохожу к себе через комнату Евы. Теперь мы называем гостевую комнатой Евы: шведская община не нашла ей новое место, и пока она живет у нас. Надеюсь, проживет подольше.

Я показывала Еве платье в горошек, купленное на Хейт-стрит, но на мне она его еще не видела. Закрыв за собой дверь, я переодеваюсь. Застегивая пуговки на спине, вспоминаю ловкие, изящные руки продавщицы — как она расстегивала эти пуговицы на манекене. Сейчас я не чувствую себя собой, и лучше быть не может: ведь я — это та, кого все бросили.

Скользнув ногами в новые туфли, иду к Еве.

— Бе-зу-пре-чно! — объявляет она, нараспев и с раскатистым «р-р».

А потом, вместо того чтобы попросить повернуться, сама встает и обходит меня кругом, словно статую в музее. Как будто я — произведение искусства.

— А теперь, — говорит она, — у меня для тебя сюрприз!

Идет к швейному шкафчику, и ее широкие ступни оставляют следы-вмятины на белом плю-

шевом ковре. Швейный шкафчик она превратила в свой собственный: мамины пяльцы, спицы, катушки и клубки переехали на нижнюю полку. Это ободряет: похоже, Ева действительно поселилась у нас надолго.

Ева достает круглый кожаный футляр, словно для какого-то музыкального инструмента — бубна? Барабана? Расстегивает молнию с легкостью и уверенностью стюардессы, демонстрирующей спасжилет.

— Та-дам! — говорит она и вручает мне шляпу.

Я не сразу понимаю, что это.

— Котелок? — спрашиваю я. Читая «Невыносимую легкость бытия», я понятия не имела, как выглядит котелок.

– *Ja,* — отвечает Ева.

Шведы обычно не кивают в знак согласия — наоборот, отвечая «ja», вздергивают подбородок.

— Правда? — спрашиваю я и немедленно пристраиваю шляпу на голову, предчувствуя, что, возможно, смотрится она на мне смешно.

— *Ja, ja*! — отвечает она. Похоже, если и смешно смотрится — ей это не важно.

Что ж, надеваю шляпу. Ева и ее подруга Моника, тоже работающая по обмену, везут меня на вечеринку на «Ягуаре» Моникиной «семьи».

Парковка возле дома забита — они паркуются во втором ряду. Я выхожу — и стою, держась за ручку задней двери, пока машина не трогается с места. «Все-все, — говорю я себе, — отпускай, и пошли». В глубине души я надеялась, что они доведут меня до дверей.

Праздник проходит в доме Арабеллы Гшвинд, крестной матери Марии Фабиолы: я никогда ее не видела, но папа говорит, что она известный дизайнер интерьеров. «В этом году она на выставке интерьеров оформляла гостиную», — сказал мне папа, явно этим впечатленный. Арабелла живет в Марине. Точнее, *на* Марине. На набережной, где пришвартованы яхты, куда по выходным вся молодая и спортивная часть города ходит бегать — и делать вид, что живет в Южной Калифорнии. Бульвар Марина в Сан-Франциско известен своими новогодними украшениями. Всего месяц назад, в декабре, мы всей семьей ездили посмотреть на здешнюю иллюминацию, гирлянды на стенах домов, на оленей и Сант во дворах.

— Выбирайте, какой вам больше по вкусу! — сказал папа так, словно готов был купить нам любой понравившийся дом.

— Все это уж слишком, — ответила мама. — Слишком… по-американски. — Но поза ее выдала:

она нагнулась к окну, чтобы получше все разглядеть.

Сегодня на улице ветрено. Поднимаясь на крыльцо, я придерживаю котелок, чтобы не улетел. С облегчением вижу, что звонить не придется: дверь отперта и приоткрыта. Переступаю порог, и тут до меня доходит: это ведь дом Леона, Арабелла — его мама! Леон учился во французско-американской школе, но в прошлом году его родители развелись, и он уехал с отцом в Женеву. А я знаю Леона по школе танцев. Все в школе танцев его знают! В прошлом году, когда мы хотели подшутить над кем-нибудь из одноклассниц, то звонили ей домой, когда знали, что ее нет дома, и на вопрос родителей, что передать, отвечали: «Передайте, что звонил Леон!» Даже по буквам диктовали его имя, чтобы они точно не перепутали. А потом веселились, представляя себе, как эта девчонка возвращается домой, на седьмом небе от восторга перезванивает Леону — а он ее отшивает. Нам казалось, что это очень смешно.

Стены в прихожей увешаны, словно в салоне, фотографиями Леона в разном возрасте. Тут он в спортивных шортах с подтяжками, там в пиджаке и галстуке-бабочке. «Как можно так одевать ребенка?» — думаю я. В другом конце комнаты

вижу женщину в облегающем белом шелковом платье, жакете болеро и туфлях на таких высоких каблуках, что начинаю опасаться за ее лодыжки. Видимо, это и есть виновница стариковского Леонова гардероба. Никогда прежде я не видела женщин с подтяжкой лица, но у нее кожа вокруг глаз и рта так туго натянута, что я сразу думаю: должно быть, это и есть подтяжка!

Она здоровается с каким-то незнакомым мальчиком.

— Я Арабелла! — говорит она и целует его в обе щеки.

Изумленный таким вниманием, он забывает представиться.

— А где у вас туалет? — спрашивает он.

— Дверь в уборную, — поправляет его Арабелла, — справа от Дибенкорна.

И он уходит, делая вид, что ему все понятно.

Я слышу в сердце дома, в гостиной и столовой слева от фойе, шум вечеринки, но не решаюсь присоединиться. Распахивается входная дверь, входят Джулия и Фейт. Я смотрю на них с надеждой — нет, с мольбой. «Ну что же вы? Мы снова вместе, все хорошо, новый год, новая жизнь… все позади…» Но они скользят по мне накрашенными глазами и проходят мимо.

Я смотрю на часы. Без десяти семь. Заберут меня в половине десятого: значит, надо как-то убить два часа сорок минут. Мне вспоминается подработка прошлым летом, три часа на раздаче флаеров. Из фотомагазина, с рекламой акции: три катушки пленки по цене двух. Самые обычные флаеры, черно-белые, с надписью: «АКЦИЯ!» большими красными буквами. Мне велели встать на оживленном месте, в квартале от магазина, и вручать флаер каждому, кто будет проходить мимо. «Кроме бездомных — у них нет фотоаппаратов».

Я стояла на углу и пыталась раздавать флаеры. Женщины по большей части меня игнорировали. Мужчины иногда брали. Но не прошло и часа, как я поняла, что проигрываю эту битву. Я устала, мне было скучно, ныли ноги — а флаеров осталась почти полная пачка. Мне захотелось писать, и я пошла в ближайший отель, «Сент-Фрэнсис», и поднялась на застекленном лифте на последний этаж. Зайдя в уборную и убедившись, что там никого, выкинула пятьдесят флаеров в урну. Можно было тут же избавиться от всех, но мне пришла забавная мысль. Я встала у дверей мужской уборной и стояла минут десять, пока не уверилась, что там точно пусто. Затем проскользнула туда и сунула еще шестьдесят флаеров в тамошний му-

сорный ящик. Какое облегчение! — подумала я. И тихо вышла, гордясь своей изобретательностью.

Что-то похожее я чувствую и сейчас, на вечеринке в честь возвращения Марии Фабиолы, где надо придумать, как распределить и куда девать эти нескончаемые два с половиной часа. Я раздумчиво набираю себе в тарелку салаты и бутерброды, чтобы медленно их съесть, — но не беру слишком много, чтобы потом вернуться к столу и взять себе добавки. Надолго останавливаюсь перед каждой картиной на стене. Полотна здесь явно иной ценовой категории, чем те, что папа продает у себя в галерее. Наверху лестницы я даже замечаю что-то, очень похожее на Шагала. Но подойти ближе и разглядеть не удается: лестница отгорожена пурпурным бархатным шнуром, словно мы в историческом особняке, по которому водят экскурсии.

В первый час на вечеринке Мария Фабиола не появляется. Вокруг мои одноклассницы: одни вежливо кивают мне и отходят, другие притворяются, что меня не заметили. С минуту разговариваю с мисс Ливси, жду, что она похвалит мое платье — но она молчит. Потом к ней подходят Джулия и Фейт и заговаривают так, словно меня здесь нет; и я дрейфую прочь от нее,

к мистеру Лондону, который ест тортильи с гуакамоле. Говорю ему, что роман Милана Кундеры мне очень понравился.

— Больше, чем Сэлинджер? — уточняет он и, взяв еще одну тортилью, макает ее в сальсу.

Не желая углубляться в дискуссию о Сэлинджере, я киваю, извинившись, говорю, что мне надо в туалет, и ухожу. Вижу здесь мальчишек из школы танцев, куда я бросила ходить несколько месяцев назад, — и только Марии Фабиолы не видать. Кружу вокруг гостей — и сама себе напоминаю акулу из аквариума в парке «Золотые Ворота». Кажется, все уже заметили, что я хожу кругами: значит, пора второй раз отправляться за едой. Большинство гостей собрались в большой столовой. Я нахожу себе укрытие в маленьком и безлюдном кабинете по другую сторону фойе.

Присаживаюсь на край кушетки, обитой алым бархатом, из тех, на которых невольно сидишь очень прямо. Стеклянный кофейный столик завален глянцевыми альбомами, посвященными моде: Коко Шанель, Диана фон Фюрстенберг, Каролина Эррера. Свой стакан с газированной водой я осторожно втискиваю между двумя альбомами, надеясь, что вода не расплещется. Еда — ризотто — оказывается вкусной, так что я сосредотачи-

ваюсь на еде.

Прежде чем увидеть, я чувствую его запах. «Поло» от Ральфа Лорена. Это Аксель, он опускается на кушетку рядом со мной. Вместе с ним в кабинет входят еще двое ребят и садятся на стулья по другую сторону кофейного столика. Тарелки, полные еды, ставят прямо на модные альбомы. У одного с тарелки жирный соус капает на альбом о «Баухаусе», но он, кажется, не замечает. Одного из парней я узнаю: он был тогда с Акселем в автобусе. В нем чуть больше пяти футов, загорелый, с красивым тонким лицом. У второго темно-русые волосы, обильно смазанные гелем, и россыпь прыщей на верхней половине лица, а нижняя половина чистая. Возможно, думаю я, это вулканическое извержение на лбу прямо связано с избытком геля: интересно, кто-нибудь ему об этом говорил? Иерархическая лестница понятна сразу: главный здесь — Аксель, за ним — загорелый, и прыщавый — внизу пирамиды.

Со мной они не здороваются, так что я продолжаю есть. Но когда, набрав ризотто вилкой, несу его ко рту, прыщавый вдруг говорит:

— Эй, этот рис как будто в моей малафье!

Другие двое поворачиваются и смотрят на меня. Теперь, конечно, рис уже в рот не возьмешь:

я кладу вилку на тарелку.

— В малафье, серьезно? — говорит загорелый.

— Ну да. Может, здешний повар увидел красотку Фабиолу и обкончал всю кухню!

«Красотка Фабиола, — думаю я. — Вот как они ее называют. Ну, разумеется».

— Ты что, это есть будешь? — интересуется у меня прыщавый.

— Малафью? — отвечаю я. — Нет, спасибо, угощайся сам. А я буду есть ризотто.

Аксель смеется и одобрительно смотрит на меня. По взгляду понятно: он сейчас заметил, что в определенный момент с определенного угла я выгляжу хорошенькой.

— Ты шведка, верно? — говорит он.

Я сейчас ощущаю себя чешкой, а не шведкой, так что не сразу отвечаю:

— Ага.

— Так я и думал! — говорит он гордо, словно разрешил какую-то сложную задачу. — Твоя мать дружит с моей.

— Правда? — отзываюсь я, стараясь говорить безразлично.

О маме Акселя моя мама говорит почти с трепетом: она так богата, так много делает для шведской общины (и все ее благодеяния увекове-

чены гравированными табличками)! Но никогда не скажет, что с ней дружит. Вот что в маме меня восхищает: она никогда и никому не набивается в друзья.

— А разве бывают шведки не с голубыми глазами? — встревает прыщавый.

— Не слушай его, — говорит Аксель. — Кстати, мне нравится твоя шляпа.

Я всматриваюсь в его лицо в поисках сарказма, но не нахожу.

— Спасибо.

Набираю полную вилку ризотто, на этот раз отправляю в рот.

— Ну как? — спрашивает Аксель.

Я не могу ответить — еще жую.

— Ну давай уже, или плюй, или глотай! — «подбадривает» меня загорелый.

— Кончай, чувак, — бросает ему Аксель и поворачивается ко мне. — Напомни, как тебя зовут?

— Юлаби, — говорю я.

— Юла… что? — снова прыщавый.

— Не обращай на них внимания, — твердо говорит Аксель.

Теперь он повернулся ко мне всем телом, наши коленки почти соприкасаются. Я чувствую запах «Поло» от Ральфа Лорена, но кроме одеколона

— что-то еще, сладковатое, вроде кардамона. И вдруг понимаю: это алкоголь. Все трое пьяные — или как минимум выпили.

— Что это ты пьешь? — спрашиваю я.

Аксель улыбается. В этот миг я вдруг понимаю, каким он вырастет. Его улыбка открывает мне будущее. Аксель станет риелтором, будет продавать элитную недвижимость — и его фотография, с таким же лицом, с этой же сияющей улыбкой, будет красоваться в правом верхнем углу глянцевых листовок на плотной бумаге, рекламирующих особняки в Пасифик-Хайтс.

— Дай-ка мне свою чашку, — говорит он.

Я подчиняюсь. Он лезет во внутренний карман пиджака, а затем театрально отворачивается — и через пять секунд поворачивается ко мне снова.

— Та-дам! — и вручает мне чашку.

— М-да, чувак, фокусника из тебя не выйдет! — говорит его прыщавый приятель.

Я закрываю глаза и одним долгим-долгим глотком опрокидываю в себя все содержимое чашки.

— Во дает! — говорит кто-то из парней.

Я снова смотрю на Акселя: теперь он меньше похож на будущего торговца недвижимостью и больше — на Милана Кундеру.

В этот миг по дому разносится чистый, прон-

зительный звон. Такой звук можно изредка услышать в симфониях: это треугольник. Я неохотно отворачиваюсь от Акселя.

В самом деле, треугольник! Арабелла держит его в руке и бьет по нему палочкой, а затем останавливается, чтобы звук разнесся по всему дому. Жакет она сняла, должно быть, для того, чтобы показать подтянутые руки. Белое платье облегает ее фигуру еще плотнее, чем я думала. Белья она не носит.

— Мы собрались сегодня здесь… — начинает она.

— «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»! — громко вставляет загорелый приятель Акселя.

Арабелла по-совиному поворачивает голову к нам. Кажется, хочет устроить выволочку тому, кто ее перебил — но взгляд ее останавливается на Акселе. Судя по всему, она думает, что это он сказал. А Аксель ей явно нравится. На ее губах в оранжевой помаде медленно проступает улыбка, возможно, соблазнительная.

— Безусловно, — говорит она. — Очень здорово, что все мы собрались здесь сегодня, чтобы отпраздновать замечательное событие. Наша чудесная подруга, моя замечательная крестница

наконец-то к нам вернулась!

— Аминь! — вполголоса откликаются некоторые взрослые. Девочки хлопают, а мальчики свистят.

Марии Фабиолы по-прежнему нигде не видно.

— Мы с матерью Марии Фабиолы вместе учились в Вассаре и жили в одной комнате, — продолжает Арабелла. — Это было до того, как…

Тут звонят в дверь, и все оборачиваются, ожидая увидеть Марию Фабиолу. Однако в дверь входит и нерешительно мнется на пороге Лотта, девочка из Голландии. На ней красная фланелевая юбка, канареечный топик и сверху лиловый плащ. Все разочарованы тем, что это не Мария Фабиола, а Арабелла — еще и тем, что эта ее гостья так ужасно одета. Она резко отворачивается, словно хочет стереть из памяти это кошмарное зрелище. Лотта шарит глазами по комнате; взгляд ее встречается с моим. Ясно, что она хочет подойти и сесть рядом. Но алкоголь придал мне уверенности и безжалостности: я вижу в ней предательницу — и демонстративно отвожу взгляд.

Опускаю глаза на свою пустую красную чашку, затем смотрю на Акселя. Он понимает это так, что я хочу еще выпить. На самом деле нет: но мне нравится, что он внимательно на меня смот-

рит и старается угадать значение моего взгляда. Пока Арабелла заканчивает свою речь, Аксель снова выступает в роли неумелого фокусника: отворачивается, тянется правой рукой к левому внутреннему карману пиджака, словно собирается выхватить меч, но вместо этого подливает в чашку спиртное — как мне чудится, из серебряной фляги с гравировкой.

— «Калгон, унеси меня прочь!» — шепчу я ему на ухо.

В этот миг Аксель наклоняется ко мне, и я невольно касаюсь его уха губами. Он отвернулся от меня, но я чувствую, как его тело напрягается от удовольствия.

Остаток речи Арабеллы мы пропустили. Когда Аксель отдает мне чашку и мы поворачиваемся лицом к залу — все уже сидят молча, устремив взгляды на лестницу.

На верхней ступеньке появляется Мария Фабиола.

Все ахают еще до того, как увидели ее целиком, — ахают, едва из-за поворота лестницы показывается край платья и нога в белой шелковой туфельке.

Мария Фабиола в длинном белом платье, как невеста. И выглядит сказочно — как дебютантки

на фотографиях из «Ноб-Хилл Газетт». На вид совсем взрослая. Волосы зачесаны наверх, и вьющиеся пряди обрамляют лицо. До меня вдруг доходит, почему ее сегодня не было в школе: она весь день провела в салоне красоты.

Мария Фабиола медленно спускается по лестнице. Лицо серьезно, затуманенный взгляд неторопливо обводит восхищенную толпу. Должно быть, прикидывает, сколько гостей сюда явилось: сто пятнадцать, сто двадцать? Все молчат, и она, просияв улыбкой, вскидывает руки над головой, словно после блестящего выступления — как будто только что исполнила сложное па или окончила на высокой ноте арию. В ответ гости взрываются аплодисментами.

Когда наконец стихают хлопанье и свист, сверху так же неторопливо спускаются отец и мать Марии Фабиолы, останавливаются по сторонам от нее, на ступеньку выше. Похоже, у них тут каждый шаг продуман и отрепетирован, как на церемонии вручения призов! Папа и мама Марии Фабиолы заранее знали, где им остановиться и как встать. Это впечатляет.

Арабелла снова звенит треугольником, и Мария Фабиола начинает свою речь.

— Хочу поблагодарить вас всех за поддержку

в это трудное для меня время, — говорит она мягко, со сдержанным волнением в голосе. Это волнение она тоже отработала заранее, думаю я. — Знаю, многим из вас не терпится узнать, что же со мной произошло…

Гости смеются, но этот неуместный смех быстро стихает.

— Что ж, я не имею права пока рассказывать все подробности, поскольку обещала эксклюзивное интервью телеканалу Эй-Би-Си. — Говоря все это, она поворачивается направо, прямо, налево и слегка наклоняется, точь-в-точь добрая фея Глинда, беседующая с жевунами. — Но могу сказать, что меня похитили иностранцы. Похитили и увезли на корабле. Поначалу со мной дурно обращались — я едва не умерла взаперти! — но потом один из матросов сжалился надо мной, и дальше со мной стали обращаться лучше. Вблизи от островов корабль потерпел крушение. Мне удалось добраться до ближайшего острова вплавь и бежать.

Гости аплодируют.

У меня кружится голова. Я прикусываю язык — буквально вцепляюсь в него зубами, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Вроде незваного гостя на свадьбе, который посреди церемонии

вдруг выкрикивает что-нибудь ужасное и все портит.

Отец Марии Фабиолы произносит краткую бессодержательную речь о том, как все мы рады видеть ее целой и невредимой. Мать Марии Фабиолы благодарит Арабеллу за то, что та устроила для ее дочери праздник в своем чудесном доме. Та пользуется случаем, чтобы вставить:

— Хоть мой бывший муж и живет теперь в Женеве, но разводились мы вовсе не по-швейцарски. Никакого мира и нейтралитета! Что ж, по крайней мере, этот дом ему отобрать не удалось! — И все смеются.

Снова она ударяет палочкой по треугольнику — видимо, знак, что представление окончено. Мария Фабиола поворачивается и поднимается по лестнице вверх. Тут я вижу, что платье у нее со шлейфом; белоснежный шлейф тянется за ней и мягко опадает, словно океанская волна.

— По-моему, она себе сиськи увеличила, — говорит загорелый.

— Ее похитили, чудик, — отвечает Аксель.

— А может, это похитители ей сделали новые сиськи? — вставляет прыщавый.

— Это платье, — говорю я. — Из-за него грудь кажется больше.

Все понимающе кивают, разглядев во мне эксперта по женским платьям. Желая подтвердить свою новую репутацию, я беру со стола альбом Дианы фон Фюрстенберг и небрежно его перелистываю.

— Хочешь на улицу? — спрашивает меня Аксель. — Тут есть тайный балкон. Леон мне как-то раз показывал.

— Конечно, хочу! — говорю я.

Аксель ведет меня в глубь кабинета. Все взгляды одноклассниц — на нем, на мне, на нас. Я стараюсь не показывать радости, но уголки губ сами собой приподнимаются. Аксель открывает дверь, с виду больше всего похожую на дверь в стенной шкаф, и я спотыкаюсь о порог.

— Под ноги смотри! — запоздало предупреждает Аксель, и мы оба смеемся.

Он помогает мне встать, и я неуклюже поднимаюсь, опираясь на его руку. Никогда еще мне не случалось напиваться, но, должно быть, это и есть опьянение: нетвердо держишься на ногах, тебе тепло и весело. Ты словно в коконе, защищающем от мира. В коконе, где мы с Акселем вдвоем.

Балкон маленький и выходит на залив. Сейчас пейзаж затянут туманом. На белых небесах, словно хвостики нот на нотном стане, проступа-

ют черные мачты кораблей. Солнце уже село, и влажный ночной воздух приятно холодит мне разгоряченное лицо.

— Только не упади вниз! — говорит он.

— Постараюсь! — отвечаю я.

Он снова лезет во внутренний карман пиджака и достает флягу. Только теперь я вижу, что она вовсе не серебряная, да и гравировок на ней нет. Просто пластмассовая бутылочка.

— Это что, из-под шампуня? — говорю я.

Он пожимает плечами и наливает мне в чашку еще немного золотистой жидкости. Я глотаю — и теперь, когда знаю, откуда Аксель наливает спиртное, вдруг ощущаю в нем привкус мыла.

Остаток Аксель наливает себе, а потом закрывает опустевшую бутылочку и прячет во внутренний карман.

— Что думаешь? — спрашиваю я, вглядываясь в туман, в ту сторону, где в ясную погоду обычно виден мост.

— О чем?

— Об этом выступлении на лестнице.

— А-а, — откликается он, словно речь о чем-то маловажном, не имеющем отношения к вечеринке. — Ну, по-моему, как-то уж слишком официально. — И, переступив с ноги на ногу,

интересуется: — А т-ты что думаешь? — похоже, от выпитого у него заплетается язык.

Я хочу ответить: да это же полная чушь, вранье от первого и до последнего слова, Мария Фабиола все это выдумала, чтобы привлечь к себе внимание, а на самом деле пряталась во флигеле на заднем дворе балетной студии… но смотрю на Акселя, который сейчас икает, и понимаю, что с ним об этом лучше молчать. На миг мне хочется, чтобы вместо него рядом был Кит. Вот он бы понял. Кит со мной бы согласился — и, уверена, никому не выдал бы меня с моими подозрениями.

Дует ветер, и я хватаюсь за шляпу. Запах одеколона снаружи, тепло внутри: тепло спускается из горла в желудок, разливается по телу. Я глубоко вдыхаю. Мы снова вдвоем в коконе, надежно огражденные от мира.

— Хочешь еще? — спрашивает он.

Я киваю: не знаю, что он предлагает, но хочу. Хочу от него всего чего угодно, особенно теперь, когда мы вдали от всех и со всех сторон меня окутывает запах его «Поло». Надеюсь, мое платье будет пахнуть этим одеколоном и сегодня, и завтра, и на следующей неделе. Хочу поделиться этим запахом с Евой. Представляю себе, как подношу платье к ее носу, даю вдохнуть и жду

ее вердикта — разумеется, одобрительного. Пожалуй, Ева — лучшее, что случилось со мной за последние месяцы. Не считая сегодняшнего дня. Не считая Акселя, который наклоняется ко мне и ищет мои губы своими. Мы целуемся, и что-то происходит: сперва мне кажется, что кто-то из нас поранил губу, что это кровь. А потом понимаю, что происходит — это он делится со мной виски, изо рта в рот. Я глотаю и отступаю на шаг. Он улыбается — и я в ответ выдавливаю улыбку, хоть и чувствую разочарование. Мне хотелось настоящего поцелуя, а не этого обмена жидкостью.

Я наклоняюсь к нему и накрываю его губы своими. Хочу снова ощутить эту связь, этот кокон. Он кладет обе руки мне на грудь и сжимает. Потом смотрит вниз, на свои руки, и улыбается так, словно гордится тем, что делает.

— Потрогай меня, — говорит он, и я обхватываю его за шею, хоть и понимаю, что он имеет в виду другие прикосновения. — Там, внизу.

Я кладу руку на бугор под его ширинкой. Смотрю вниз, на Бульвар Марина — удостовериться, что нас никто не видит. Но кому увидеть нас здесь? Улица на удивление пустынна. Одинокий прохожий гуляет с собакой на поводке, да еще проходит мимо, прихлебывая пиво из бутылок,

группа французских туристов.

— Merde![5] — громко говорит один.

Аксель кладет ладонь поверх моей руки и начинает двигать моей рукой вверх-вниз — не в том направлении, как хотела я сама: я предпочла бы гладить его слева направо. Мне хочется, чтобы он снова положил руки мне на грудь. Не понимаю, как все это случилось: миг — и мы уже стоим на балконе, вдали от всех, и я держу его за ширинку. Как будто после вступительных титров фильма прокрутили пленку вперед и оказались сразу на середине.

Но так и есть — мы здесь, и Аксель, придерживая мою руку своей рукой, показывает, как гладить его член, когда балконная дверь открывается. Изнутри до нас доносятся взрывы хохота и праздничная музыка. Это Арабелла: она перешагивает порог и входит к нам. Мы с Акселем поспешно и неловко отстраняемся друг от друга.

— О, любовь с первого взгляда! — говорит она.

— Добрый вечер, мэм, — говорит Аксель.

Я впечатлена тем, как быстро он овладел собой и сообразил, что делать — как ни в чем не бывало вести светскую беседу.

---

[5] Примечания: 5
Дерьмо *(фр.)*.

Арабелла внимательно смотрит на него.

— Какой красивый мальчик! — говорит она. С таким выражением, быть может, королева посвящает в рыцари юного пажа. Жакет снова на ней; ни треугольника, ни палочки.

Потом она переводит взгляд на меня — и я машинально улыбаюсь, словно готовлюсь фотографироваться или получать комплимент.

— Тебе не холодно? — спрашивает она, меряя взглядом мои голые руки и вырез платья.

— Нет, у меня горячая кровь! — отвечаю я.

— Да я уж вижу! — говорит она.

Аксель вздрагивает, подавляя смех.

— Зашла сказать вам, что через десять минут подадут десерт.

И, прикрыв за собой дверь, она возвращается в гостиную.

— Прикольно вышло! — говорит Аксель.

— Для тебя — может быть.

— Да она просто разозлилась, потому что хочет, чтобы Мария Фабиола встречалась со мной. Должно быть, для этого меня сегодня и пригласила.

«Что?» — хочется воскликнуть мне. Но я молчу. Не хочу, чтобы и этот миг, как и все остальное, свелся к разговорам о ней. Как я хотела бы все вернуть на несколько секунд назад! Вдруг Аксель

как-то пригибается: на мгновение мне кажется, что он падает, но затем его рука ныряет мне под подол и скользит по бедру вверх.

— Ой! — говорю я.

А дальше не говорю ничего. Холодный ветер обдувает мне ноги; между ног жарко и влажно. Рука Акселя ползет туда, в источник этой жаркой влаги. Его одеколон — запах все сильнее, все слаще; и меня ничего больше не волнует. Разве только то, что, кажется, от выпивки мне стало нехорошо. Аромат одеколона, и спиртное, и известие, что Акселя уже сосватали с Марией Фабиолой, — все смешалось, осело тяжестью в желудке и теперь там ворочается. А Аксель уже просунул в меня палец, кажется, даже два.

— Ух ты! — говорит он. — Тебе действительно нравится!

Не знаю, что ответить, — ведь мне вовсе не нравится. Он вытаскивает руку, и даже в угасающем сумеречном свете я вижу, что его пальцы заляпаны…

— Да это кровь! — говорит он. — Блин, у тебя же кровь идет!

Оба мы уставились на его пальцы. В первый миг мне кажется, что он сделал это со мной, он вызвал это кровотечение.

— Погоди, ты что… у тебя что, месячные? — спрашивает он.

— Не знаю, — отвечаю я. — Может быть. — Может, поэтому меня вдруг затошнило?

— Может быть?! И почему ты не сказала? Что мне теперь делать?

Я молча смотрю на его руку. Потом поднимаю подол платья и протягиваю ему обратной стороной.

— Вот, — говорю я, — вытри этим.

Так он и делает.

— Фу, пакость какая! — говорит он.

— Твоему деду сейчас было бы за тебя стыдно! — кричу я.

— Деду?

— Да, я знаю, что твой дедушка — Рауль Валленберг!

— Кто? Что… — говорит он. — Да ты совсем поехавшая!

Поворачивается ко мне спиной и уходит в гостиную.

Я решаю подождать пятнадцать секунд, чтобы не бросалось в глаза, что на балконе мы были вместе. Желудок сжимается, словно слишком туго перевязанная картонная коробка. Когда наконец выхожу, в гостиной оглушительно орет «Мы по-

бедители» — любимая песня Марии Фабиолы. На столах расставлено тирамису. Марии Фабиолы по-прежнему нет. Туалет занят, и я встаю у двери. Сняв шляпу, небрежно прикрываю ею спереди свой черно-белый горошчатый подол, на случай если протеку и станет заметно. Когда туалет освобождается, тщательно вытираюсь туалетной бумагой. Бросаю ее в унитаз — вода окрашивается розовым. Я спускаю воду, перерываю всю ванную в поисках прокладок, но потом вспоминаю: ведь у Арабеллы нет дочерей.

В 21:20 я выхожу на улицу, чтобы дождаться Еву и ее подругу там. Уже выйдя, вспоминаю, что оставила шляпу в доме, скорее всего, в туалете; но возвращаться уже нет сил. Подъезжают Моника и Ева: на этот раз они не тратят время на парковку, а просто останавливаются перед домом. Я бегом бегу к «Ягуару», запрыгиваю на заднее сиденье, и машина трогается.

— Ну как все прошло? — спрашивает Ева.

Начинаю отвечать — я уже придумала, что соврать, — но что-то сильнее слов выкручивает мне внутренности, вырывается наружу, и я блюю на заднее сиденье «Ягуара».

21

Когда мы возвращаемся домой, Ева усаживает меня за стол на кухне и делает мне кофе с поджаренным хлебом.

— Без кофеина, — уточняет она, словно это сейчас должно меня волновать. Хотя волнует меня только одно: как бы снова не стошнило.

Родители еще на своем аукционе, вернутся не раньше чем через час. Хоть в этом повезло. Понятия не имею, как они отреагируют на известие, что я опозорилась на вечеринке в честь Марии Фабиолы.

Сердце у меня бьется о ребра, ребра стучат о сердце.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Ева.

— Преданной.

— Кем? — спрашивает она.

— Не кем, а чем.

— Хорошо, чем?

— Меня предала моя женственность.

— Хотела бы я сказать тебе что-нибудь мудрое и утешительное, — говорит она, глядя на меня с жалостью. Кажется, она сейчас чувствует себя очень взрослой. Что ж, пусть смотрит.

Взгляд ее проходится по моим волосам, слипшимся от струек рвоты.

— Вот тебе мой самый лучший совет, — говорит она. — Прими-ка душ, хорошенько вымой голову и ложись в постель. А я положу прокладки в шкаф за зеркалом на случай, если они тебе понадобятся.

В зеркале в ванной я вижу девочку, похожую на меня, только бледнее и какую-то опухшую. В мыльнице лежит бритва: ею Ева бреет себе ноги и, возможно, подмышки. А я никогда еще ничего себе не брила. Зеркало у нас в ванной трехстворчатое, а за ним шкафчик с лекарствами. Если расположить створки так, чтобы и правая, и левая смотрели внутрь, получится бесконечный коридор отражений. Я беру бритву и залезаю на сиденье унитаза, чтобы увидеть в зеркалах тысячу маленьких «я».

Волосы на лобке у меня темнее, чем на голове. Густые и кудрявые. Наверное, это называется «буйная растительность». Я беру бритву и начинаю водить ею вправо-влево по выступающему бугорку лобка, нажимая как можно сильнее.

Почти сразу я начинаю кричать. Бритву забивают волосы, снова течет кровь. Сначала мелкими капельками, затем потоком. Боль и жжение ста-

новятся нестерпимыми. Я спрыгиваю с унитаза, больно ударившись большим пальцем об острый край напольных весов, и бегу под душ. Струя горячей воды смягчает боль. Под ногами расплываются розовые круги. Я делаю шаг в сторону и прижимаю к лобку полотенце: от давления становится не так больно.

Вдруг до меня доходит: не надо было так дергать волосы бритвой! А еще бриться надо с мылом и водой: не случайно же бритву часто держат в мыльнице!

Стоя под душем, я начинаю рыдать. Плачу и плачу, пока не остывает вода — и тогда начинаю лить слезы оттого, что замерзла.

Из-за двери слышится крик Евы:

— Открой сейчас же! Или я выломаю дверь!

Я выключаю воду, подползаю к двери и впускаю ее внутрь.

— Прости, — говорю я. — Кажется, я испортила твою бритву.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь от острой боли. Словно в огне горю. Раскалывается голова; но между ног творится такое, что в сравнении с этим головная боль кажется легким неудобством.

У двери в мою комнату Ева оставила аспирин. Я глотаю сразу две таблетки без воды, давясь, словно пытаюсь есть мел.

Спустившись вниз, обнаруживаю, что на столе в столовой лежит лицом вниз папа. Он накрыт простыней, словно покойник, но жив: это ясно из того, что Ева, напевая что-то себе под нос, делает ему массаж. Стол застелен одеялом, что меня радует, хотя за этим столом мы обычно не едим. Зато, как видно, делаем массаж.

— Я как раз говорила твоему папе, — говорит мне Ева, — что, может быть, тебе стоит походить ему по спине. Я для такого тяжеловата, а вот ты как раз подойдешь.

— Хорошо, — говорю я, понимая, что сейчас надо всем в доме уступать и со всем соглашаться.

Звонят в дверь. Может быть, еще одна шведская прислуга в бегах? — думаю я. Открываю — и вижу перед собой Марию Фабиолу. Сейчас, в джинсах вместо платья и на одной высоте со мной, она выглядит совсем не так величественно, как вчера. Но в ней полыхает ярость. Огромная ярость: я ощущаю ее прежде, чем Мария Фабиола открывает рот.

— Ты испортила мне праздник! — шипит она и швыряет на кирпичную дорожку рядом с собой

сумку, словно намерена здесь поселиться.

Я переступаю порог и прикрываю за собой дверь. Не хочу, чтобы папа и Ева это слушали.

— Не знаю, что и чем я тебе испортила, — отвечаю я. Правда, меня стошнило — но уже в «Ягуаре», и этой информацией я делиться не собираюсь.

— Серьезно? Да все только и говорят о том, как ты протекла прямо на Акселя! Он всем рассказал!

— Да зачем тебе этот Аксель? — спрашиваю я.

Вместо ответа она издает короткий гневный вопль. Даже волосы ее, вчера безупречно уложенные и блестящие от лака, теперь торчат восклицательными знаками.

— Не знаю, как тебе это удалось, — говорит она, — но вчера все обсуждали только тебя!

— Я ничего не сделала. У меня просто начались месячные.

— Какая гадость!

— Нет, это не гадость. А знаешь, что гадость на самом деле?

Она молча смотрит на меня. Тут я останавливаюсь: что настоящая гадость, мне надо еще придумать.

— Эта твоя история, — говорю я наконец. — Ду-

маешь, хоть кто-то в самом деле поверит, что тебя похитили?

— Прошу прощения? — говорит она.

— Ты уже записала интервью с Эй-Би-Си?

— Пока снимаем закадровый материал, — отвечает она.

Я киваю так, словно знаю, что это такое.

— Это значит, они сняли, как я с семьей гуляю по пляжу. По-моему, получилось очень неплохо!

— Если будешь врать журналистам, у тебя могут быть большие проблемы, — говорю я. Не знаю, правда ли это, но звучит правдоподобно. — Эта твоя вчерашняя история, знаешь ли, показалась мне очень знакомой.

— О чем это ты? — спрашивает она. Я вижу: она испугалась!

— «Похищенный» Роберта Льюиса Стивенсона.

— Да о чем ты говоришь?

— Боже мой! — восклицаю я. До меня вдруг доходит. Все ясно: картинка сложилась! — В последний раз, когда я была в кабинете у мистера Лондона, там не хватало одной книги. Это был «Похищенный», верно? Ты его взяла!

— О чем ты говоришь? — повторяет она, понизив голос.

— О книге. Ты взяла идею из книги.

— Да я вообще не читаю книг! — отрезает она. — Может, похитители читают — но мне, знаешь ли, в последнее время было не до того!

— Просто даю тебе совет: прежде чем идти на Эй-Би-Си и рассказывать им свою эксклюзивную историю, попробуй изменить в ней кое-какие детали!

— Я ухожу, — говорит она. — Просто заглянула занести то, что ты забыла у нас вчера вечером.

Она достает из сумки мой котелок, бросает его на землю между нами, а потом начинает топтать, словно старается затушить огонь.

— Вот так! — говорит она, поворачивается и идет прочь.

Я поднимаю котелок, пытаюсь вернуть ему форму — но он безнадежно погублен. Я возвращаюсь в дом, прижимая его к груди, словно труп любимого зверька, которого надо похоронить.

22

В воскресенье утром папа заходит ко мне и спрашивает, не хочу ли я пойти в церковь. Я молча натягиваю на голову одеяло.

Родители возвращаются домой, и я узнаю, что на церковном дворе мама встретилась и поговорила с Кейт, матерью Джулии. Они решили, что сегодня после обеда я отправлюсь к Джулии, чтобы вместе с ней делать валентинки.

— Все как в старые добрые времена! — говорит мама. — Ведь вы, девочки, всегда писали валентинки вместе!

Я отвечаю, что это было давным-давно. Может, еще в детском саду.

— Кейт по тебе скучает, — говорит мама.

— А Джулия меня ненавидит.

Мама хочет возразить, открывает рот, снова закрывает и наконец говорит:

— Так или иначе, мы уже обо всем договорились.

Мама печет суфле и украшает сверху алыми вишенками, разравнивая их деревянной лопаткой. Незадолго до трех она идет домой к Джулии вместе со мной и с суфле, завернутым в пищевую

пленку, подклеенную медицинским скотчем, который мама приносит домой из больницы.

Кейт широко открывает дверь — преувеличенный жест, призванный показать, как нам здесь рады.

— Какой же у вас красивый новый дом! — говорит мама, еще не успев оглядеться.

— Спасибо, — отвечает Кейт. Кажется, она действительно благодарна за комплимент.

Она не переоделась после церкви: на ней что-то коротенькое, яркое и блестящее, вроде костюма для фигурного катания, только без блесток на груди и с юбкой чуть подлиннее.

— Я принесла вам суфле, — говорит мама и протягивает Кейт свое угощение.

— О, Грета, спасибо огромное! Вы же знаете, как я люблю ваши десерты! Вот хотя бы то печенье, что вы испекли на распродажу выпечки в прошлом году… как оно называлось?

— Метельчатое, — гордо отвечает мама.

— Да, точно! — говорит Кейт. — А вы правда мешали тесто ручкой от метлы?

— Правда, — отвечает мама. — Но не беспокойтесь, метлу я вымыла!

И обе громко и фальшиво смеются.

Джулии не видно; мы трое стоим посреди ком-

наты, дожидаясь ее, но делая вид, что никого не ждем. У дверей стоят три коробки с надписями «Хитачи», «Тошиба» и «Саньо».

— Новый телевизор? — спрашивает мама.

— О, это долгая история! — отвечает Кейт и драматически вздыхает. Ей явно хочется поделиться долгой историей, но мама не реагирует на прозрачный намек. — Если вкратце, все это на продажу. Не знаете кого-нибудь, кто хотел бы купить телевизор, «бетамакс» и караоке-центр?

— Может быть, — отвечает мама. Теперь она действительно заинтересовалась. — А сколько вы просите за «бетамакс»?

— М-м… давайте я уточню и вам перезвоню, — говорит Кейт.

— Господи, мам! — восклицает, появляясь в комнате, Джулия. — Джентл и так чокнутая, а если ты все это продашь, совсем рехнется!

— Не называй свою сестру чокнутой, — возражает Кейт.

— Привет, Джулия! — говорит моя мама. — Какие у тебя красивые волосы!

Волосы Джулии, обычно русые, сейчас отливают оранжевым. Я знаю, что это результат усердного использования спрея «Сан-Ин». Джулия по нему с ума сходит.

— Спасибо, — отвечает Джулия. — Я втерла в волосы лимон и посидела на солнце.

Врать она совсем не умеет. Какое солнце? Сейчас зима!

— Что ж, это сработало! — отмечает моя мама.

Несколько секунд две матери смотрят друг на друга. Моей пора идти.

— Прослежу, чтобы Юлаби вернулась домой к ужину, — говорит Кейт. — И еще раз спасибо за суфле!

Я прекрасно знаю, что есть она его не будет — Кейт вечно беспокоится о своей фигуре. Мол, всех фигуристок, когда они прекращают тренироваться, страшно разносит сзади.

Мама уходит, и Кейт показывает мне и Джулии «мастерскую валентинок» (так она это называет), которую обустроила для нас в столовой. Цветная бумага, ножницы, блестки, бисер, стикеры и клей — словно нам по девять лет! Есть даже стопка покупных валентинок со Скуби-Ду, оставшаяся с прошлого десятилетия.

— Знаешь, что это за коробки? — спрашивает Джулия, когда мы остаемся одни.

Я мотаю головой, стараясь не показывать облегчения. Очень приятно, что разговор начался с коробок, а не с вечеринки в честь Марии Фа-

биолы.

— Когда мама Джентл ее бросила, то уехала в ашрам.

— Я думала, она поехала в Индию, — удивляюсь я.

— Ну да, ашрам — это в Индии.

Что такое ашрам, я не спрашиваю.

— Там она завела роман с их главным и, в общем, сейчас стала кем-то вроде королевы ашрама.

Я издаю звук, который должен выразить, что я впечатлена.

— Ну да, ну да, понимаю, — говорит Джулия. — Но раз она там королева, угадай, кто принцесса?

— Джентл! — уверенно отвечаю я.

— Именно. И члены этого ашрама обращаются с ней как с принцессой. Собирают деньги и заваливают ее подарками. Всем этим… этими вещами.

— И что, просто присылают подарки сюда?

— Да, нам все время приносят эти коробки. Джентл страшно злится. Твердит, что ей это вовсе не нужно. Что это «меркантильность восьмидесятых»… Ладно, надоело — сколько можно о Джентл?

Мы обе смотрим на стол с валентинками. Я чувствую, что Джулия снова удаляется от меня:

нахлынула как волна — и сейчас отхлынет.

— У меня идея, — говорю я. — Давай разошлем учителям валентинки от других учителей с признаниями в любви! Представляешь, как будет весело?

— Это как? — спрашивает Джулия, слегка подавшись ко мне.

Я начинаю с того, чтобы отправить биологичке мисс Мак валентинку от мистера Мейкписа.

— «Хочу шептать дерзости вам на ушко… со своим дурацким британским акцентом!» — декламирует Джулия.

Я смеюсь, а она записывает. Отлично! — думаю я. Мы снова вместе!

— А от мистера Лондона пошлем открытку мисс Кейтениз, — предлагает она.

— «Люблю вас, как Отелло Дездемону!»

Джулия смеется, а потом останавливается, словно сообразив, что не поняла шутку. Спеша стереть этот неловкий момент, я продолжаю:

— Мисс Росс пусть получит валентинку от того психотерапевта, что замещал ее в прошлом семестре, мистера Ганджи.

— Она лежала в больнице, — говорит Джулия. — Фейт говорит, вроде бы грудь себе уменьшила.

— «Мне не хватает твоих сисек! — декламирую

я. — С любовью, Гандж».

Над этим мы обе фыркаем минуты две.

— И мисс Патель напишем от мистера Мейкписа, — говорю я. — Вообще от мистера Мейкписа надо всем написать.

— Даже мужчинам?

— Мужчинам особенно!

Под мистера Мейкписа мы решаем пустить все валентинки со Скуби-Ду. На каждой пишем: «Р-р-р! Люблю вас!» И добавляем внизу: «С любовью, ваш шеф».

От мистера Робинсона, физкультурника, учительнице шитья: «Хочу убежать с вами далеко-далеко! Только не очень быстро: на мне штаны, сшитые вашими ученицами, и я боюсь в них запутаться!»

От мисс Мак мистеру Робинсону: «Когда я смотрю учебные ролики о размножении человека, всегда думаю о вас».

От мистера Лондона мисс Кейтениз: «Как насчет тройничка? Фрэнни, Зуи и вы? Ах да, еще и я. Тогда выходит четверничок!»

От мисс Питерсон, учительницы математики, мисс Трухильо, учительнице испанского: «Я + вы = Amor». Потом смотрим в карманном испанском словаре слово «секс», замазываем «amor» и ис-

правляем на «sexo».

Мы смеемся над этим целый час; но, решив, что каждый учитель должен получить валентинки не меньше чем от двух других, в конце концов изрядно упахиваемся. Мы использовали уже все, что приготовила мама Джулии: и цветные карандаши, и стикеры с выпученными глазами. Неохваченной осталась только мисс Ливси. Мы согласились без споров, что она на такое не купится.

Закончив, мы складываем валентинки в черный мусорный пакет, на вид никаких подозрений не вызывающий. Я встаю, потягиваюсь, довольная и гордая своей креативностью и умением налаживать отношения, и тут до меня долетает странный запах. Сначала я думаю, что Кейт что-то сожгла: готовит она ужасно.

Но это Джентл. Спускается из своей чердачной комнаты. Пахнет, как я понимаю, ее духами. Волосы у Джентл причесаны на пробор, но в остальном она сегодня совсем не похожа на хиппи. Выглядит почти нормальной — даже жаль.

— Что это вы, девчонки, сидите тут в темноте? — спрашивает она.

— Здесь не темно, — отвечает Джулия и показывает на настольную лампу.

— Хоть занавески откройте, — говорит Джентл и идет к окну.

— Не надо! — говорит Джулия.

— Ну, не видно отсюда моста, и что? — говорит Джентл. — Какая разница?

— Маме разница есть, — отвечает Джулия.

— Она так и собирается делать вид, что мост там? Тотошка, мы уже не в Канзасе!

— Ты, кажется, куда-то шла? — с намеком интересуется Джулия.

— Да, хочу эти коробки отнести в благотворительный фонд, — отвечает Джентл.

— Они вообще-то не пустые, — говорит Джулия. Глаза у нее темнеют, становятся совсем синими: так бывает, когда она волнуется.

— Ну да, поэтому и хочу от них избавиться.

— Кажется, мама собиралась продать эти вещи, — говорит Джулия.

— Но они же мои, — отвечает Джентл.

— А ты не думала, что мама, может быть, *захочет* их продать? — спрашивает Джулия.

О том, что ее мать нуждается в деньгах, Джулия при мне говорить не готова. Она и так стыдится того, что семья впала в относительную бедность.

— Это не ее вещи, как она может их продать? — говорит Джентл и берется за самую большую

коробку. — Открой, пожалуйста, мне дверь, — просит она Джулию.

— Нет, я занята, — отвечает Джулия, приклеивая блестку потемнее к верхней губе, на манер родинки.

Джентл молча ставит коробку, открывает дверь, снова берет коробку и уходит.

Странно, но запах ее духов после этого становится только сильнее.

— Давай-ка заберемся к ней в комнату! — говорит Джулия и вскакивает из-за стола так резко, что под ней дрожит пол.

Чтобы забраться в комнату Джентл, надо подняться по приставной лестнице на чердак.

— Она сама решила здесь жить, — говорит Джулия, пока я лезу за ней следом. — Всякие психи всегда живут на чердаках. По соседству с летучими мышами.

Полукруглые перекладины деревянной лестницы врезаются мне в ладони и в босые ноги. Я поднимаюсь, и резкий запах благовоний все сильнее бьет в нос. Я готовлюсь увидеть наверху страшный беспорядок. Представляю себе разбросанную везде одежду — брюки-клеш и туфли на платформах, свисающие отовсюду бусы и кожаные ремни, и все такое прочее. Однако в комнате

у Джентл на удивление чисто и прибрано — определенно чище, чем у меня.

— У вас есть домработница? — спрашиваю я Джулию, думая, что здесь кто-то прибирается.

— Больше нет, — отвечает она, слегка запыхавшись после подъема по лестнице. Странно, что Джулия так легко задыхается: она ведь занимается спортом, четыре раза в неделю катается на коньках.

На стене висит в рамке плакат «Grateful Dead». На столе несколько чайных чашек в мелкий цветочек — выглядит как-то очень по-английски. Бедняга Джентл, думаю я. Даже хиппи из нее не получается.

— Хочешь, покажу кое-что забавное? — говорит Джулия. Осторожно открывает верхний ящик стола Джентл, достает оттуда тетрадь, раскрывает на разграфленной странице. — Она записывает в столбик все, что в семидесятые годы было лучше, чем в восьмидесятые!

Посередине страницы прочерчена по линейке вертикальная линия. По обе стороны от нее очень аккуратным почерком вписано:

Семидесятые	Восьмидесятые
Подушки на полу	Стулья
Фондю	Пончики
Без часов	Наручные часы
Свободная любовь	Никакой любви
Пластинки	Кассеты
Фенечки	Галстуки

— Прикольно, правда? — говорит Джулия. — Кто вообще составляет такие списки?

— А давай напишем ей валентинку! — предлагаю я.

— От кого?

— Из семидесятых!

— Ха! — говорит Джулия.

Мы спускаемся вниз, возвращаемся за обеденный стол и садимся за работу. На этот раз используем весь оставшийся бисер. «Мы по тебе скучаем! — пишем мы. — С любовью, немытые хиппи».

Близится время ужина, и мне пора уходить. Мы

с Джулией снова подруги; я счастлива и горжусь собой. По дороге домой от Джулии делаю небольшой крюк, чтобы взглянуть на дом Кита. Свет не горит, машины возле дома нет — значит, он еще в Йосемити. После ужина, перед сном, когда папа у себя в кабинете, а мама моет посуду на кухне, потихоньку выскальзываю из дома. На дверях дома Кита все еще висит рождественский венок, и свет теперь горит, но звонить в дверь уже поздно. Я обхожу вокруг дома, надеясь, что Кит увидит меня в окно. Представляю себе как наяву: вот он заметит, как я крадусь по кустам, поймет, как я скучала без него, и сразу меня полюбит. Выйдет, и я расскажу ему, какие смелые и остроумные валентинки сочиняла сегодня вместе с Джулией, с которой мы снова друзья.

23

В понедельник на утреннем собрании одноклассницы смотрят на меня и перешептываются. «Кровь… Аксель… вечеринка… шлюха…» Как быстро все произошло! Миг — и я уже неприкасаемая. Кажется, никто не в силах поверить, что я как ни в чем не бывало явилась в школу после того, как заляпала парня своей кровью на вечеринке в честь Марии Фабиолы! Общее отвращение окутывает меня ядовитым туманом. Джулия проходит мимо, даже не здороваясь.

К концу моих первых месячных вопрос о новой школе встает остро, как никогда. Еще несколько недель назад я разослала заявления и подготовила вступительный взнос. Купюры разгладила утюгом, чтобы выглядели как взрослые деньги. Осталось получить рекомендации учителей — задача не из легких. Мисс Ливси мне не откажет; но две школы, стоящие во главе моего списка, требуют рекомендацию от учителя английского и литературы. В обеденный перерыв я отправляюсь к мистеру Лондону.

Дверь у него сегодня открыта еще шире, чем в прошлый раз. Увидев меня, он делает глубокий

вдох, даже втягивает щеки.

— Хочу рассказать вам о своих планах, — начинаю я, сев на стул напротив его стола. — На следующий год я разослала заявления в несколько школ-интернатов.

— Да, как же, ты упоминала, — отвечает он.

Точно нет — об этом я не «упоминала» никому, даже родителям! Но сейчас не время его поправлять.

— Вот, и эти школы просят рекомендации от моего учителя литературы, так что я подумала… — Я останавливаюсь, надеясь, что продолжать не придется — но он молчит, и я неохотно заканчиваю фразу: — Подумала, что, может быть, вы будете так добры написать мне рекомендацию? Я понимаю, что это не входит в ваши обязанности, и ценю ваше время, но была бы вам очень благодарна.

Он встает и отворачивается к окну, сложив руки за спиной. В такой позе в кино изображают президента, принимающего важное решение на благо страны. Но для решения о том, выдать ли рекомендацию какой-то злосчастной ученице, это определенно стрельба из пушки по воробьям.

Наконец он поворачивается ко мне.

— Что ж, Юлаби, я могу сделать это для тебя.

Могу — но мне это будет нелегко.

— Очень жаль это слышать, — отвечаю я.

— Потому нелегко, что, по моему ощущению, ты не питаешь уважения к тем же книгам, что и я. У нас с тобой разные литературные вкусы.

— Разве это не допустимо? — спрашиваю я.

— Не в моем классе, — отрезает он.

Теперь мой черед глубоко вздохнуть. Я думаю о школе «Тэтчер», где у каждой ученицы есть собственная лошадь. «Давай, ради лошади!» — говорю я себе.

— Уверена, есть книги, в отношении которых наши вкусы сходятся, — говорю я.

— Какие, например?

— Ну… вы еще не прочли роман Милана Кундеры?

— Нет, — отвечает он. — Не было возможности: его взяла почитать одна ученица и до сих пор не отдала.

— Я его верну, — говорю я.

Скольжу взглядом по книжной полке, отыскивая книгу, которую могла бы с ним обсудить. Нет, Джека Лондона точно не стоит!

И вдруг вижу: пустого места больше нет. Там, где на полке зияла дыра, стоит «Похищенный» Роберта Льюиса Стивенсона.

— Как насчет «Похищенного»? — говорю я.

— Эту книгу у меня кто-то взял без спроса, — отвечает он. — А потом вернул.

— Выходит, ее саму похитили! — говорю я, надеясь, что он улыбнется.

Но он не улыбается.

— Нет, просто взяли без спроса.

Я пожимаю плечами — как надеюсь, игриво.

— Тебе никто никогда не говорил, что у тебя… странное чувство юмора? — спрашивает он.

— Никто, — вру я. — Вы первый.

— Это ты брала книгу? — спрашивает мистер Лондон.

— Нет, я ее прочла еще несколько месяцев назад.

— И что о ней думаешь?

— Думаю, она… — я ненадолго останавливаюсь, а потом заканчиваю: — …Особенно актуальна в наше время.

— Как так? — спрашивает мистер Лондон.

— Ну, вы же были в пятницу на вечеринке. — И я отвожу глаза, надеясь, что в конце вечера он меня не видел.

— Был, — говорит он. — И что?

— Ничего, — отвечаю я. Что я делаю? Сама разрушаю всякую надежду на успех — и не могу

остановиться! Но он вопросительно смотрит на меня — и я делаю шаг в пропасть. — Вам не кажется, что в истории Марии Фабиолы прослеживаются сильные отзвуки сюжета Стивенсона?

— Дай-ка подумать, — говорит мистер Лондон.

Делает задумчивое лицо — устремляет глаза к бежевому потолку и почесывает подбородок. Посидев так немного, опускает глаза. Подумал.

— Не уверен, что вижу здесь какие-то параллели, — говорит он.

— Не видите параллелей?! — Нет, рекомендации мне точно не видать!

— Да, ее тоже похитили, но это же случилось не в горах Шотландии, — говорит он. — И потом, роман Роберта Льюиса Стивенсона вышел сто лет назад.

Как этот человек преподает литературу? Загадка. Чудо какое-то.

— Но вся эта история про корабль, про остров, бегство с острова? — настаиваю я. — И как похитители сначала над ней издевались, а потом один ее пожалел и убедил остальных отнестись к ней добрее?

— Иногда писателям удается уловить некие глубинные, подспудные закономерности бытия, — говорит он. — Именно это делает их книги

актуальными для всех поколений. Я рад, что хотя бы самые поверхностные из таких общих идей и тем ты начала замечать.

— Можем мы прерваться на секунду? — спрашиваю я. — Мне нужно подышать свежим воздухом.

— Конечно, — отвечает мистер Лондон.

Я выхожу и начинаю ходить взад-вперед мимо его дверей. На лбу у меня выступил пот, уши горят. Как мистер Лондон может не видеть, что всю свою историю Мария Фабиола сперла у Стивенсона? Он же только месяц назад читал нам лекцию о плагиате!

Я хожу по коридору и считаю до ста двадцати. Снизу, из холла, долетают приглушенные голоса: не сомневаюсь, обсуждают меня. «Шлюха… напилась… в дурацкой шляпе… кровь…»

Я снова вхожу в кабинет мистера Лондона. Молча достаю из рюкзака бланк рекомендации, кладу в ящик входящих документов, что стоит у него на столе справа. «Какого черта!» — думаю я. Вверху стопки документов вижу знакомый красный конверт, еще не открытый. Наша валентинка? Вот не ожидала, что Джулия действительно их разошлет! Я хочу незаметно стащить конверт, но мистер Лондон на меня смотрит.

— Я знаю, что мы не на все смотрим одинаково, — говорю я. — Но «мечты мои — вот все, чем я владею. И, ради бога, ставь стопу нежнее: ведь ты ступаешь по моим мечтам»!

— Плагиат из Йейтса? — спрашивает он.

— Не плагиат, — отвечаю я. — Цитата.

— Когда цитируешь, всегда указывай источники, — говорит он.

— Всем нам не помешает иногда указывать источники, — отвечаю я и выхожу из кабинета.

24

После школы я иду домой мимо дома Кита, но его не видать. Звоню в дверь. Мне никто не открывает; но это не значит, что никого нет. Я различаю в глубине дома торопливые мягкие шаги. Так может, мне кажется, ходить босиком по деревянным полам тот, у кого перепонки на пальцах.

Подходя к дому, вижу маму на велосипеде: она возвращается с работы. Меня не замечает. Я смотрю на нее отстраненно, как на незнакомку. «Какая красивая, целеустремленная женщина!» — думаю я. Девочка со шведского хутора катит на велосипеде по осененной пальмами улице Сан-Франциско.

Я вхожу в дом на пять минут позже. Мама уже достает что-то из морозилки. Она еще не сняла компрессионные чулки, в которых работает. Большую часть дня мама проводит на операциях, там приходится стоять; чулки она носит, чтобы не отекали ноги. Плотные чулки на несколько оттенков темнее ее светлой кожи.

— Думаю, сегодня на ужин будут фрикадельки, — говорит она. — Я пойду в публичную

библиотеку послушать Анджелу Дэвис.

На столе лежит книга Анджелы Дэвис; я открываю ее и перелистываю страницы.

Когда приходит папа, оказывается, что он тоже хочет пойти послушать Дэвис.

Я невольно тяжело вздыхаю.

— По какому поводу вздохи? — интересуется папа.

— Иногда я чувствую, что пропустила все интересные… — «периоды», хочу сказать я, но слово «период» ассоциируется с месячными, поэтому выбираю синоним «эпохи».

Родители недоуменно переглядываются. Возможно, слово «эпохи» я произнесла неправильно. Но я продолжаю:

— И «Бархатную революцию» в Чехословакии, и даже здесь — пропустила и Анджелу Дэвис, и «Черных пантер», и Патти Херст… — Тут я с беспокойством думаю, что говорю совсем как Джентл.

— А я тебе не рассказывал, как встретил Патти Херст? — спрашивает папа.

Он присаживается у себя в кабинете, готовый поведать историю. Я сажусь напротив.

— Однажды я шел по Тридцатой авеню. Ты в то время была еще совсем маленькой. Я шел в магазин что-то для тебя купить. Не помню,

подгузники, или туалетную бумагу, или детское питание… Что же это было? — вспоминает он, глядя в пол.

— Наверное, эту часть можно пропустить, — говорю я.

— Ладно, — говорит он. — Так вот, иду я в магазин и вижу, что у тротуара припаркован «Шевроле». За рулем сидит женщина в очках и смотрит перед собой. А заднее сиденье отделено от передних какой-то решеткой, вроде как в собачьей переноске, и там, за решеткой, на сиденье лежит вторая женщина. Смотрю — да это же Патти Херст!

Я пошел дальше, купил что мне там было нужно и отправился домой. Когда шел обратно, машины уже не было. Несколько часов я раздумывал о том, что увидел. В новостях говорили, что она сейчас в Пенсильвании, и все так и думали — но я не сомневался, что это Патти Херст. ФБР предлагало награду в пятьдесят тысяч баксов за любые сведения о ней — сама понимаешь, соблазн велик. С другой стороны, Армия Освобождения могла начать мне мстить — а у меня ведь маленький ребенок.

Я тыкаю себя пальцем в грудь: «То есть я?»

— Вот именно. Так что несколько часов думал

так и этак, а потом позвонил на горячую линию. Человек, который со мной разговаривал, не слишком заинтересовался. Как я и сказал, никто тогда не думал, что она может быть в Сан-Франциско. А потом выяснилось, что все это время она здесь и пряталась. И когда я увидел фото женщины, которую задержали вместе с ней, — это была она, та женщина в очках. Вот так я убедился, что был прав. Я действительно видел Патти Херст.

— Ух ты! — вполне искренне восхищаюсь я. — Где, ты говоришь, это было?

— На углу Тридцатой и Калифорния-стрит.

— Совсем рядом с домом Джулии! — говорю я. — Я прохожу там каждое утро.

— Да. Если бы ее нашли по моему звонку, я бы стал на пятьдесят тысяч богаче — а с другой стороны, мог бы быть уже мертв. А наш дом стал бы местной достопримечательностью. Представь, перед домом останавливаются туристические автобусы, и экскурсовод говорит: «Здесь убили человека, который выдал полиции, где прячется Патти Херст!» Так-то, — заканчивает он.

Я не знаю, что на это ответить, и наконец говорю:

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он и встает.

Уже в дверях кабинета вдруг останавливается и добавляет, словно только сейчас об этом вспомнил:

— И да, Юлаби, имей в виду: бар со спиртным я запер.

25

Во вторник, уходя из школы, я вижу на дверях учительской объявление: «Сегодня после обеда учебная часть закрыта. Внеочередное собрание преподавательского состава». С минуту стою у двери, разглядывая это объявление. Мимо меня проходят и входят в дверь мисс Мак и мисс Кейтениз с красными конвертами в руках. Я наклоняюсь и делаю вид, что завязываю шнурок, а потом, изо всех сил притворяясь, что вовсе не спешу, пускаюсь наутек.

Иду по направлению к дому. На Лейк-стрит вижу Кита еще с двумя незнакомыми мальчишками. Все трое на скейтбордах. На тех двоих толстовки «Трэшер», у Кита на толстовке написано «Пауэлл Перальта». Когда я подхожу ближе, те двое пялятся на меня, а Кит отворачивается.

«Вот дерьмо!» — думаю я. Они слышали про кровь.

— Привет, Кит! — говорю я. — Ну как тебе Йосемити?

Те двое смеются. Кит молчит.

Не отрывая глаз от тротуара, словно пытаясь сделать вид, что это не я сказала, целеустремлен-

но прохожу мимо. Не оборачиваюсь. Завернув за угол, ускоряю шаг, хоть и не знаю, куда иду. Сегодня сильный ветер — и хорошо, тем быстрее он высушит капельки воды, что собираются в уголках глаз.

На Двадцать пятой авеню я сворачиваю налево. Теперь понятно: иду на Бейкер-Бич. Прохожу мимо дома, где в свое время сидела с детьми. Однажды вечером их родители не вернулись в обещанное время. Часы пробили десять, стрелки уже подползали к одиннадцати — их все не было. Я позвонила маме и папе. Они спросили, знаю ли я, куда они ушли? Я не знала. Представляла себе автокатастрофу. Думала, что оба погибли и мне придется как-то сообщить об их смерти детям — малышам с губами как розовые лепестки, от которых пахло кетчупом. Наконец, в 0:37 распахнулась дверь: я увидела, как пальто летит в одну сторону, шарф в другую, услышала, как с грохотом падают ботинки — и приглушенное: «Бля!..», когда мать споткнулась об угол ковра.

Я спускаюсь по каменным ступеням на пляж. Ветер швыряет мне в лицо пригоршни песка. Волны с ревом бьются о берег. Высоко надо мной, на утесах, смотрят в океан не миловидные домики пастельных цветов, как на других пляжах

в других городах. Здешние дома окрашены в совсем иные цвета: грязно-белый, горчично-желтый, ржаво-бурый. Цвета застарелой грязи, которую уже ни в какой стиральной машине не отстирать.

Весь этот сектор пляжа в моем распоряжении. Поблизости никого, лишь поодаль какой-то человек запускает воздушного змея в форме рыбы: змей бьется и хлопает на ветру. Я иду к воде. Дождусь прилива, думаю я, как собака дожидается хозяина. Когда волны нахлынут, а затем отхлынут, пойду домой. Далеко идти не приходится: сегодня океан поднимается выше обычного. Дойдя до места, где песок становится мокрым, я слышу сзади голос:

— Би! — зовет меня кто-то.

Оборачиваюсь — и вижу Кита со скейтбордом под мышкой. Я улыбаюсь, тронутая тем, что он пошел за мной. Но, когда он подходит ближе, читаю у него на лице ярость.

— Так это правда?! — говорит он.

— Что правда? — спрашиваю я.

— Ты знаешь! — выпаливает он, задыхаясь от бега по песку.

— Не знаю, — отвечаю я. — Не мог бы ты выражаться поконкретнее?

— Ладно, — говорит он. — Правда, что конкретно ты конкретно с Акселем конкретно трахалась в пятницу на вечеринке?

— Такого не было, — отвечаю я. — Мы… мы этого не делали.

— Вот как? — говорит он. — А я другое слышал. Мне рассказывали, что у тебя кровь потекла, и все это видели!

— Кит! — кричу я.

Ветер хлещет в лицо, и кажется, что я стремительно уменьшаюсь. Как та русская кукла — много кукол, вложенных одна в другую, мадам Соня называет их «матрешками». Ветер сдирает с меня слой за слоем, пока не обнажает крохотную куколку, почти без лица, неспособную стоять без поддержки: это и есть я.

— Мы не занимались сексом! Это была ошибка. Все из-за этой его фляги со спиртным. Я думала, что это фляга, а это оказалась бутылочка из-под шампуня, и…

От одного воспоминания об этой бутылочке в животе у меня что-то екает и к горлу подступает тошнота. Я сгибаюсь, словно меня вот-вот вырвет на песок.

— Зачем ты это сделала? — говорит Кит. — Зачем ему позволила тебя напоить? Он просто

урод, этот парень! Знаешь, что он теперь о тебе рассказывает?

Мы стоим возле сточной канавы; ветер взметает песок и несет в лицо вонь. Теперь я в самом деле опасаюсь, что меня стошнит.

— Что молчишь? Тебе что, сказать нечего? Совсем ничего не хочешь мне сказать?

Я все стою, согнувшись в три погибели. Я все еще крохотная матрешка без лица, без устойчивости — вот-вот упаду. Когда наконец открываю глаза и поднимаю голову, Кита уже нет. Повернувшись, вижу, что он идет на запад, к утесу.

— Кит! — кричу я. — Кит, прости меня!

Но он не оборачивается. Я бегу за ним, громко зовя его по имени. Когда приближаюсь, он меня видит и бросается бежать от меня. Скейтборд он теперь прижимает к груди, словно младенца. Бежит прямо к высокому крутому утесу, разделяющему Бейкер-Бич и Чайна-Бич. Что ж, когда добежит, ему придется остановиться. Волны сейчас высоки, и он не сможет обогнуть утес с моря. Понимая, что ему никуда от меня не деться, я замедляю шаг.

Но я ошиблась. Добежав до скал, он не останавливается. Вместо этого бросается в сторону моря и скрывается за камнями. Хочет обогнуть утес!

Мы с Марией Фабиолой делали так десятки раз — но мы знаем море, знаем, как обойти прилив.

— Кит! — кричу я. — Стой!

Бегу к воде — и в этот миг об утес разбивается гигантская волна.

— Кит!

Я жду ответа. Смотрю в океан, словно он может дать ответ, и вижу в волнах что-то темное, продолговатое. Этот предмет мне знаком. Скейтборд Кита.

Я смотрю, как скейтборд снова и снова бьется о скалы, как волна то увлекает его за собой в море, то с новой силой колотит о камень. Словно смотрю закольцованное видео. На миг само время кажется мне не линейным, а вертикальным.

Я поворачиваюсь к пляжу, чтобы позвать на помощь. Но здесь никого нет. Ветер всех разогнал: ушел даже мужик со змеем. Я на пляже Северной Калифорнии: здесь нет спасателей, нет спасательных станций. Где же Кит?

Бежать вокруг утеса я не собираюсь: волны слишком высоки, меня запросто постигнет та же судьба, что и… что и скейтборд, говорю я себе, решительно отказываясь додумывать первоначальную мысль до конца. Выбора нет: придется вскарабкаться на утес и посмотреть сверху. Я все

еще надеюсь, что Кит благополучно перебрался на соседний пляж, Чайна-Бич. Тот, где я лизнула ему ногу с перепонкой.

Скалы сегодня скользкие. Необычно высокие волны вымочили все, что только могли. Я цепляюсь подушечками пальцев за каждую неровность, каждый выступ в скале. На мне школьные туфли — от этого лезть вверх еще труднее. В какой-то миг я соскальзываю вниз, проезжаюсь подбородком по камням, но успеваю повернуть голову боком, чтобы не разбить лицо. Тяжело приземляюсь на песок. В голове гудит боль. Вытираю подбородок, подношу пальцы к губам — на них кровь. Слизываю, сплевываю. На вкус кровь соленая. Как слезы, что льются из глаз и щиплют свежую ссадину.

Я отхожу чуть дальше от берега и пробую залезть на утес в другом месте. Здесь начальная точка выше, но поверхность скалы больше изрезана, и взбираться по ней легче — есть за что зацепиться. Скоро я начинаю двигаться быстро и размеренно: рука, нога, рука, нога — и так до самого верха. На четвереньках взбираюсь на вершину, с трудом выпрямляюсь. Отчаянно кричу:

— Кит!

В рокоте волн мой голос едва слышен. Пытаюсь

наклониться и что-то разглядеть внизу так, чтобы не свалиться в море. Скейтборда уже не видно.

Я сползаю на другую сторону утеса, на Чайна-Бич. Сперва скольжу, затем поворачиваюсь к утесу лицом и начинаю спускаться на четвереньках. Нога, рука, нога, рука; наконец отталкиваюсь и приземляюсь на песок. Повернувшись, вижу футах в двухстах от себя группу людей.

Они собрались вокруг костра. Я бегу к ним, выискивая глазами долговязую фигуру Кита. Дым застилает мне глаза. Остро пахнет гарью. Я останавливаюсь, чтобы откашляться и восстановить дыхание, и бегу дальше.

Подойдя к костру, я насчитываю вокруг него девять человек. Никто из них не Кит. Компания хиппи и, кажется, бездомных: сидят вокруг огня, выпивают. Я замедляю шаг и осторожно подхожу к ним.

— Вы тут мальчика не видели? — спрашиваю я.

Ко мне поворачивается одно лицо — беззубый мужчина. А затем второе — женщина с невероятно длинными волосами.

— Вы мальчика не видели? — повторяю я, обращаясь к ней.

Она долго думает, затем медленно повторяет:

— Маль-чи-ка?

И поворачивается к остальным. Все они здесь обдолбаны: у одних зрачки с булавочную головку, у других во весь глаз.

— Мальчик? Мальчик! — повторяют они.

— Я утром мальчика видел, — говорит парень в лыжной шапочке, не отрывая взгляда от огня.

— Высокий мальчик. Он мог пробежать мимо вас, — говорю я. — Здесь, на пляже. Может быть, десять минут назад. Или пять. Или двадцать. — Не представляю, сколько прошло времени.

— Не видели, здесь мальчик не пробегал? — спрашивает своих длинноволосая женщина.

Все молчат. Еще одна женщина затягивает песню, судя по звучанию, гавайскую.

— Ну-ка предложите нашей гостье выпить! — говорит беззубый.

Обращается он к молодой паре в шерстяных пончо. Эти двое передают друг другу бутылку спиртного.

— Я не хочу пить, — говорю я. — Хочу найти своего друга.

— Эй, детка, я твой друг! — слышится голос с другой стороны костра.

Это старуха с коротко, по-монашески остриженными седыми волосами. Она поворачивает

ко мне голову. Глаза у нее бесцветные и пустые — такие пустые, что в первый миг мне кажется: она слепа.

— Я спрашивала, не видел ли кто-нибудь моего друга, — говорю я.

— Я видела мальчика, — говорит она. — Он бежал.

— Куда? — спрашиваю я.

Она показывает рукой на океан.

— Туда, — отвечает она. — Прямо в море.

— Бежал в море? — тупо повторяю я.

«Сраные хиппи!» Кто-то передает старухе здоровенный бонг, она ставит его на песок и склоняется над ним, словно над микроскопом. О моем существовании она уже забыла.

Беззубый тянется ко мне; даже сквозь запах дыма просачивается вонь его немытого тела. Я шарахаюсь. Вижу в отдалении двух полицейских: они спускаются по ступеням на пляж. Собрав остаток сил, бегу к ним.

— Эй, куда собралась? — слышится за спиной. — Вечеринка только начинается!

Увидев, что я бегу, копы тоже бегут мне навстречу. Быстро бежать им не удается: мешают оружие и дубинки, к тому же, спустившись на пляж, они сразу начинают увязать в песке.

— Вы здесь из-за Кита? — спрашиваю я. — Вы его нашли?

— Кого? — переспрашивает один.

— Это мальчик, — объясняю я.

— Он там, что ли, у костра? — спрашивает другой коп. — Нас вызвали потушить костер и разогнать это сборище.

— Нет, — отвечаю я.

И рассказываю о Ките, о том, как он пытался обогнуть утес — рассказываю им все, что знаю. Выслушав меня, один полицейский достает рацию, другой трусцой направляется к утесу. Коп с рацией поворачивается ко мне.

— А с тобой все в порядке? — спрашивает он.

— Все нормально, — отвечаю я, понимая, что он смотрит на мою окровавленную голову. — Просто беспокоюсь за друга.

— Ладно, мы его найдем, — говорит он. — Патрульная и «Скорая» сюда уже едут. Думаю, все, что нам нужно знать, ты рассказала, но теперь хорошо бы тебя согреть.

— Со мной все будет хорошо, — отвечаю я.

— Я вернусь, — говорит коп и бросается бегом в сторону костра.

Я поворачиваюсь и начинаю подниматься по ступеням. Пора уходить. Они его найдут. Его? Или

его тело? Мертвое тело, обглоданное гневным океаном.

26

Я поднимаюсь по девяноста трем ступеням, опускаюсь на песок под знаком, сообщающим на множестве языков, что смертельно опасно находиться у кромки воды во время прилива. Кажется, в теле у меня больше нет ни мускулов, ни костей. Запускаю руку в волосы; там мокро. Смотрю на пальцы — кровь. Я отбрасываю волосы назад и натягиваю капюшон. Смотрю на свои страшно исцарапанные руки и ноги. Эти пересекающиеся красные линии меня завораживают: они идут во всех направлениях, словно я лезла по леднику.

Вспоминаю, что в рюкзаке у меня спортивные штаны, достаю их и натягиваю, а синюю форменную юбку запихиваю глубоко в рюкзак. Встаю. Теперь можно идти. Только куда?

Домой я идти не хочу. Не могу. Я довела человека до смерти. Можно ли так сказать? Верно, я привела его на пляж; но дальше он бросился бежать *от меня* — навстречу своей гибели. Значит, в точности обвинение должно звучать так: я довела человека до того, что он бросился бежать навстречу гибели. Нет, о таком не расскажешь родителям. Да и вообще никому.

В капюшоне голове лучше, так что я иду, придерживая капюшон одной рукой. Иду и иду, пока не оказываюсь на Клемент-стрит. В балетной школе задернуты шторы. Окно наверху закрыто. Не знаю, где мадам Соня, но хорошо, что здесь ее нет. Я обхожу дом по тропинке справа, перешагиваю через шланг, свернувшийся, как лассо, непослушными пальцами набираю код: 1938. Щелчок открывающегося замка — звук свободы.

Я вхожу во флигель, закрываю за собой дверь и падаю ничком на розовый диван. Кстати, где пушистое белое покрывало? И тут я вспоминаю новости. В рождественское утро Мария Фабиола обнаружилась на крыльце родительского дома, завернутая в одеяло, словно новорожденная.

Желтый свет падает на меня москитной сеткой. Я сплю, и мне снится длинноволосая женщина с пляжа. Она протягивает мне руку: в ладони что-то вроде цветка. Но вот она разжимает руку, предмет на ладони начинает расти — и я вижу, что это шляпа-котелок. Она надевает котелок мне на голову, но он мне жмет.

* * *

Проснувшись, я обнаруживаю, что лежу, зажав ладонями уши. Голова, по ощущениям, как на

картине художника-кубиста. Волосы с одной стороны — той, которой я проехалась по камням, спасая лицо, — все в чем-то липком.

Я ищу во флигеле зеркало. Но зеркал здесь нет — да и никаких отражающих поверхностей, даже в маленькой ванной. Это место призвано сопротивляться ходу времени, отторгать время. На стенах здесь лишь засохшие букеты, вытертые пуанты и «Плот Медузы». Я приоткрываю дверь и вижу, что снаружи стало светлее. Как такое может быть? Смотрю на часы — семь. Семь утра. Я проспала всю ночь. Или две ночи. Какой сегодня день?

А потом вспоминаю Кита. Спрашиваю себя, нашли ли полицейские его тело. И что дальше? Повезли на «Скорой» в больницу? И когда «Скорая» с воем мчалась по улице, уступали ли ей дорогу другие автомобили?

Если пойти сейчас домой, придется объяснять, где я провела ночь — или две. А дальше маячит куда более серьезная, смертельная проблема. Кит. Мне будут задавать вопросы — много, много вопросов. И все меня возненавидят. Еще сильнее, чем сейчас.

Лучше остаться здесь. Отлежусь, приду в себя и соображу, что делать дальше. Придумаю какой-

нибудь план. Что сказать о Ките, как объяснить, что произошло.

Я выхожу из флигеля и на цыпочках прокрадываюсь мимо дома на Клемент-стрит. На улице никого, только китаец-бакалейщик открывает свой магазинчик на углу, да две старухи с крошечными собачонками на поводках беседуют по-русски, пока их питомицы обнюхивают друг друга.

Я захожу в магазинчик на углу. Надо купить аспирин. И что-нибудь на завтрак. Кладу в корзину бутылочку апельсинового сока, коробку овсяных хлопьев и аспирин, иду на кассу.

— Что это у тебя с головой? — спрашивает хозяин.

Капюшон соскользнул. Торопливо натягиваю его обратно.

Крадусь обратно во флигель; пакет с покупками слишком громко шуршит. Войдя внутрь, запираю за собой дверь и сажусь прямо на ковер. Вскрываю коробку хлопьев торопливо, даже не заметив, что держу ее вверх ногами. Черпаю хлопья горстями и ем. Они слишком громко хрустят на зубах. От жевания начинает болеть голова. Открываю бутылку, выпиваю добрую четверть одним долгим глотком. Тут вспоминаю об аспи-

рине. С некоторым трудом открываю флакон, глотаю разом три таблетки и запиваю соком.

Потом заставляю себя снова заползти на диван, где мне, несомненно, будет удобнее. Двигаться на удивление сложно. Сажусь, скрестив ноги, и приказываю себе вслух:

— Думай!

Голос звучит хрипло, как чужой. Обеими руками я берусь за голову, словно стараюсь развернуть ее в направлении будущего.

Я заставляю себя думать, но мысли не приходят. В комиксах мысли героев вписывают в пузыри у них над головами. Пузырь над моей головой пуст. Сама того не заметив, я засыпаю; а проснувшись, вижу там, где лежала моя голова, красно-бурый осенний листочек размером с четвертак. Хочу его взять и понимаю, что это засохшая кровь.

Надо найти газету, посмотреть, нет ли новостей о Ките. Я выскальзываю из флигеля и тихонько — вдруг мадам Соня дома? — крадусь на Клемент-стрит. Дохожу до желтого газетного автомата, приближаюсь к нему боязливо, страшась прочесть заголовок. Но на первой странице — ничего о Ките. Заголовок посвящен налоговой реформе. Я бросаю в щель монеты, забираю газету и несу к себе во флигель. Здесь, сидя на полу, разворачи-

ваю и просматриваю каждую страницу, каждый раздел. Ни одного упоминания о Ките. Словно его и не было.

27

Ближе к обеду я снова выбираюсь за едой, и тут вижу на улице знакомое лицо. Мой кузен Ласло стоит перед кинотеатром. Держится за руки с мужчиной, явно постарше. Ласло сейчас восемнадцать. Я перевожу взгляд на афишу маленького артхаусного кинотеатра: «Моя прекрасная прачечная», дневной сеанс.

— Юла? — окликает меня Ласло и быстро отпускает руку своего спутника.

Мы с ним не виделись три года. Прежде дружили, а потом у моего папы вышла размолвка с его мамой. Точнее, папа называет это «размолвка». А мама называет «смех один».

— Что это с тобой? — спрашивает Ласло. — Что у тебя с головой?

— Кажется, упала, — отвечаю я, показывая на верхний край уха. Саму рану не трогаю, это больно.

— «Кажется»? — переспрашивает он.

— Ага, — отвечаю я.

Он еще подросток, но над верхней губой уже усики, которых я прежде не видела. Темно-русые волосы, круглые щеки, глубоко посаженные гла-

за. Нас с ним можно принять за брата и сестру.

— Давай я отвезу тебя домой, — говорит он.

— На машине? — спрашиваю я.

— Ну да, — отвечает он, поколебавшись.

— У тебя есть машина?

— У моего друга есть, — отвечает он и оглядывается. Но мужчина, что держал его за руку, уже исчез. — Джоэл! — зовет Ласло.

— Куда это он? — спрашиваю я.

— К жене и детям, должно быть, — отвечает Ласло. Старается говорить спокойно, но от этого особенно заметно, что злится.

— Подожди секунду! — говорит он.

— Ладно, — отвечаю я с неохотой, словно он меня задерживает. Как будто мне есть куда идти.

Ласло бросается вдоль по улице и возвращается, обежав квартал, потом бежит в другую сторону. Я смотрю ему вслед: мне кажется, что торс у него слишком длинный, а ноги коротенькие, и он ими перебирает, как сороконожка.

— Джоэл! — зовет он. — Джоэл! — И синяя куртка «Members Only» на нем вздувается от ветра, точно парус.

Наконец он возвращается, понурый, погруженный в свои мысли.

— Хочешь, провожу тебя домой? — говорит он.

— Мне нельзя домой, — отвечаю я.

— Ясно, — говорит он. — Со мной тоже такое бывало.

«Ну нет, вряд ли ты кого-то доводил до смерти!» — хочу ответить я, но вместо этого говорю:

— Я по тебе скучала.

В конце концов мы едем на автобусе с пересадкой до его дома — точнее, дома бабушки, когда она была жива. Теперь там живет горстка моих венгерских родственников: Ласло, его мать Агота (моя тетка), его сестра Жасмин, еще один мой кузен Золт со своей семьей. Не уверена, кем мне приходится Золт; слышала от мамы с папой, что он нам вообще не родственник. Но он то ли строитель, то ли плотник и помогает содержать в порядке дом.

— Они все там будут? — спрашиваю я.

Мы сидим бок о бок на скользких оранжевых автобусных сиденьях.

— Не знаю, — говорит Ласло. — Многие ведь работают. А Жасмин в положении, — добавляет он.

Моей кузине Жасмин двадцать.

— Кто был тот старик возле кино?

— Вовсе он не старик.

— Да ему не меньше сорока!

— Тридцать четыре. — Ласло мрачнеет. — Я с

ним познакомился в ресторане, где работаю. Он… он не знает, что делать.

— Вы с ним целуетесь? — спрашиваю я.

— На такие вопросы не отвечаю.

— А твоя мама знает, что ты гей?

— Я ей ничего не говорил, но, кажется, знает, — с этими словами он наклоняется, опирается на пустое сиденье напротив и добавляет, глядя в пол: — Вечно поминает Харви Милка.

— А мой папа однажды встречался с мэром Фейнстайн, — гордо сообщаю я. — И потом говорил, что у нее красивые ноги.

Ласло выпрямляется и смотрит на меня, как на идиотку.

Агота, мама Ласло, и мой папа расплевались из-за того, из-за чего обычно расходятся братья и сестры — денег и любви. Папа нажил состояние, а тетя Агота все потеряла. Потом у них вышел спор из-за того, где и как будет жить их мать, моя бабушка. Папа хотел устроить ее в дом престарелых. Агота готова была за ней ухаживать, но только чтобы ей за это платили. Спорили долго, а что толку? Все равно бабушка умерла.

После этого все родственники, которые не могли себе позволить собственное жилье, съехались в старый бабушкин домик — честно сказать, не

такой уж большой. Об этом я сейчас слышу от Ласло впервые. После смерти бабушки я в этом доме не была.

Мы выходим на Уэст-Портале, проходим несколько сонных жилых кварталов и входим в маленький серый домик. Удивительно, но здесь почти ничего не изменилось после бабушки: тот же желтый холодильник и на нем радио с часами, та же бабушкина коллекция фарфоровых собачек.

Из окна кухни виден прямоугольный садик, а в саду под яблоней спит Жасмин. Под таким углом она выглядит как-то очень естественно, словно сама мать-Земля прилегла отдохнуть в саду солнечным зимним днем. Хотя Жасмин — вовсе не мать-Земля. Она ходит в черном и носит длинные накладные ногти.

— Хочешь пойти поздороваться? — спрашивает Ласло.

— Не-а, — говорю я. — Наверное, не стоит ее будить. Пусть поспит, она же беременна.

— И то верно, — говорит он.

Оба мы молча смотрим на Жасмин, и даже странно, что она не просыпается от наших пристальных взглядов.

— Если честно, не знаю, что я здесь делаю, —

говорю я.

Мы садимся играть в «сороконожку» и в «пакмэна». Наконец Жасмин входит на кухню.

— Что за…? — говорит она, увидев меня, — и не бросается обнимать.

Я поздравляю ее с будущим малышом. Она пожимает плечами. Теперь, когда она набрала вес, маленькие зеленые глаза ее кажутся еще меньше, а темно-русая челка как будто стала намного гуще. В другой комнате звонит телефон, и Жасмин идет снять трубку. Даже сейчас, с огромным животом, она ходит вприпрыжку, будто жеребенок. Через несколько минут возвращается, смотрит на меня каким-то странным, слишком долгим взглядом.

— Юлаби, — говорит она, — давай-ка отмоем тебе голову.

Я иду за ней в ванную. Когда она открывает медицинский шкафчик над раковиной, у меня вдруг все сжимается внутри от горя. На нижней полке все еще стоят бабушкины кремы — розовый флакончик «Ойл оф Олэй» и «Понд». Я помню, как они пахнут, помню, как сияло от них бабушкино лицо, каким было прохладным и ароматным, когда я, оставаясь здесь ночевать, целовала ее перед сном.

Жасмин берет салфетку, мочит под краном и начинает резкими движениями тереть мне голову.

— Ой!

— Просто хочу отмыть, — говорит она.

От мокрой салфетки кровь начинает идти сильнее; по лицу стекает розовая струйка. Жасмин достает из шкафа эластичный бинт и пытается обмотать мне вокруг головы, больно царапая накладными ногтями.

— Эй, больно! — говорю я, когда она затягивает бинт, и тут же начинаю его снимать.

— Все отлично, — отвечает она, хотя, судя по голосу, это совсем не так.

Она выходит из ванной, а я разматываю бинт. Он заляпан кровью, теперь его осталось только выбросить, но все же я скатываю его и кладу обратно в шкафчик. Затем достаю «Ойл оф Олэй» и втираю в лицо мягкими круговыми движениями, как учила меня бабушка.

Когда выхожу из ванной, Ласло сидит в общей комнате и тасует колоду карт. Я присаживаюсь напротив. Едва он заканчивает, я слышу, как по лестнице поднимаются люди. Входит Золт, строитель, мой загадочный родственник. Ему под тридцать, на нем пиджак с люрексом. За ним его

жена Эйлин в платье с подкладными плечами. У нее буйная черная грива, необычайно высоко зачесанная надо лбом. На блузке не хватает пуговицы, так что виден ее бежевый лифчик. С шумными восклицаниями она меня обнимает, и я вижу, что на руках у нее бабушкины кольца.

Они, кажется, не особенно удивлены, увидев меня: должно быть, Жасмин им сказала по телефону. Никто не спрашивает, почему я сегодня не в школе. Пока Эйлин готовит ужин — до меня доносится запах вареной капусты, — Золт идет в общую комнату и включает телевизор, чтобы посмотреть новости. Садится он в мягкое кресло, где любил сидеть дедушка.

Телевизор работает тихо, и я не слышу, что говорит дикторша, но вижу красочный заголовок через весь экран: «В СИ-КЛИФФЕ ИСЧЕЗ ЕЩЕ ОДИН РЕБЕНОК!»

Значит, Кита так и не нашли? Я сильно моргаю. А в следующую секунду вижу на экране знакомое лицо. Это же я! Мое фото из прошлогоднего школьного альбома. На фотографии я стою перед кустом, где мы в «Спрэгг» ловим бабочек. Целая минута требуется мне, чтобы сообразить, о чем рассказывают в новостях: это я пропала, а не Кит! Я пропала. Еще секунда — и этот сюжет позади, и

я сменяюсь аварией на шоссе.

— Юлаби! — кричит Золт.

Я поворачиваюсь к нему, но заговорить не могу. Никогда бы не подумала, что так быстро окажусь в телевизоре.

Ласло поворачивается ко мне:

— Тебе лучше позвонить родителям.

— Ладно, — говорю я. — Где у вас телефон?

Ласло ведет меня на кухню; Золт и Эйлин уже сидят здесь за столом. Телефон висит на стене, рядом с хлебницей. Я снимаю трубку.

— Что это ты делаешь? — спрашивает Эйлин с такой тревогой, словно я достала пистолет.

— Ей надо позвонить домой, — говорит Ласло.

— Не надо, — подумав, отвечает жена Золта. — Мы все еще платим за телефон по тарифу твоей бабушки. Всего три звонка в месяц.

Я помню эту систему. Чтобы позвонить родителям от бабушки, надо было набрать номер, прождать два гудка и повесить трубку. Это был сигнал: родители понимали, что это я, и перезванивали. Может быть, и сейчас так сделать — набрать номер и повесить трубку после двух гудков? Но ведь сейчас они не ждут, что я позвоню от бабушки. Как они поймут, что это я?

— Может быть, дадите ей позвонить всего один

раз? — спрашивает, прочитав мои мысли, Ласло.

— А на фига? — отвечает Золт. — Пускай твой папаша попотеет. Мы от него ни гроша не видим. Пусть хоть телефон нам оплатит, это-то он может себе позволить.

— Да вы рехнулись, — говорит Ласло. — Юлаби уже по телевизору показывают! Джо и Грета наверняка думают, что ее похитили или убили.

— С ней же все хорошо! — отвечает Эйлин. — Ничего страшного, позвоним им позже.

— А копы? — настаивает Ласло. — Копы ее ищут.

— Да и хер с ними! — подытоживает Золт.

Эйлин разливает по тарелкам капустный суп и ставит на стол. Стол слишком большой для такой маленькой кухни, и стульев здесь слишком много — негде повернуться.

— Присаживайся, Юлаби, — говорит Золт, указывая на единственный свободный стул.

Я опрометью выскакиваю из дома, слетаю с крыльца и бегу к остановке, где уже ждет меня автобус, чтобы отвезти домой.

28

Я пересаживаюсь, выхожу на Двадцать пятой авеню — и, подходя к своему дому, вижу возле него два телевизионных фургона. Свет в доме не горит, но я уверена, что родители дома. Перед пальмой стоит дикторша, ведет прямой эфир. Я поворачиваюсь, бросаюсь бежать — и не останавливаюсь до самой балетной школы.

Открываю дверь во флигель — и вижу, что на диване кто-то сидит. Я визжу.

— Отлично сработано! — говорит Мария Фабиола. — Не подозревала, что ты тоже жаждешь славы!

Страшно, что в моем убежище чужой. Страшна и сама Мария Фабиола: сейчас она кажется мне огромной, словно волк из детской сказки.

— Что? — говорю я, закрывая за собой дверь. — Ты не понимаешь, все совсем не так!

— М-м, ну и зачем тогда ты здесь прячешься? — интересуется она, обводя комнату рукой, словно желая напомнить мне, где я оказалась.

— Я сделала кое-что ужасное, — говорю я.

— Ну да, все поняли, что это твои валентинки, — отвечает Мария Фабиола. — Не так уж

много у нас таких, что вроде умные, но при этом дуры дурами. А когда сегодня ты не появилась в школе, всем стало ясно, что это ты.

— Я не поэтому не появилась, — говорю я. — Я не пошла в школу, потому что разбила голову о камни, когда пыталась спасти Кита.

— Спасти Кита? — повторяет Мария Фабиола. — А от чего его спасать?

— Вчера мы были на Бейкер-Бич. Был высокий прилив. Он хотел перебежать на Чайна-Бич, и…

— И что? — Она смотрит на меня, открыв рот.

— И, кажется, не успел, — драматически выдыхаю я.

— Кажется, не успел? — повторяет Мария Фабиола и выпрямляется. — Юлаби! — говорит она и начинает смеяться. — Да я же только что его видела! Когда шла сюда! Двадцать минут назад!

— Что? Где?

— В парке с его дружками, Лэнсом и Белым Чарли.

— О боже! — говорю я. — О боже!

Мне хочется рухнуть на диван с ней рядом, но Мария Фабиола не двигается, чтобы дать мне место рядом с собой. Так что я падаю на пол, на пушистый ковер.

— И поэтому ты здесь? — говорит она. — Реши-

ла, что Кит умер? А если решишь, что я умерла, надеюсь, не побежишь прятаться? Я-то думала, это все из-за валентинок! Знаешь, учителя просто озверели! Все говорят, теперь тебя выгонят. За один только «sexo». А «мне не хватает твоих сисек»? Ну ты даешь!

Я даже думать ни о чем не могу. Хочу спросить о Джулии, но решаю: какая разница?

— Но слушай, — продолжает Мария Фабиола, — я знаю, что делать. Ты ведь знаешь, я обещала эксклюзивное интервью Эй-Би-Си. Мы уже и закадровый план сняли!

Опять этот чертов закадровый план.

— Но они меня забросали вопросами, а у меня в истории кое-что не сходилось, — продолжает она. — Или им что-то там не понравилось. Они сказали, что «сами проведут расследование» и потом со мной свяжутся. И мистер Мейкпис теперь как-то странно на меня поглядывает. Так что у меня есть идея.

— Погоди. Для начала, может, признаешь, что ты все это выдумала?

— Ничего я не выдумывала! — отвечает она.

Твердо отвечает, убежденно — пожалуй, провела бы любого, кроме меня. У нее и правда талант.

— Ты взяла эту историю из книги, — говорю я.

Она явно взвешивает варианты. Снимает половину браслетов с одной руки, надевает на другую.

— Ну, общая идея из «Острова сокровищ» — это правда. Но я туда кое-что добавила от себя. Много интересных деталей!

— Из «Похищенного», — поправляю я. — Не из «Острова сокровищ».

— Ладно, ладно, молодец, литературу ты знаешь, — отмахивается она.

Я и вправду чувствую себя молодцом. Потому что догадалась, что у нее на уме.

— Ты хочешь, чтобы я сказала, что меня тоже похитили?

— Это поможет нам обеим. — Теперь она говорит тоном школьного консультанта. — Нас обеих *спасет.*

— Что, нас похитили одни и те же люди? — спрашиваю я. — И кто же? Пираты? Настоящие живые пираты?

— Это все можно поменять, — отвечает она. — Главное, чтобы истории были похожи. Я скажу, что ничего не запомнила, потому что у меня был стокгольмский синдром. А у тебя — ты же шведка, так что у тебя стокгольмский синдром вообще врожденный!

Я даже не знаю, что сказать. Ясно же, что она не вытянет!

— Иначе, Юлаби, ты вылетишь из школы пулей, — зловеще заключает она.

«Или ты», — мысленно отвечаю я.

— Вылетишь — и никакой старшей школы тебе не видать. Но совсем другое дело, если тебя похитили! Тогда сможешь поступить куда угодно!

Это верно. Я встаю, и Мария Фабиола двигается, уступая мне место на диване.

— Так что об этом думаешь? — спрашивает она.

— Мне казалось, это у тебя был план, — говорю я.

— Да, но сперва хочу послушать твой.

Разумеется, нет у нее никакого плана.

— Вот что я думаю, — говорит она. — Может быть, на этот раз нам нужны… ну, знаешь, более логичные похитители?

Нет, не выйдет. Дело безнадежное: она просто не потянет! Худшего партнера для такой аферы не найти.

— Я вот подумала, — продолжает она, — может, это мафия?

— Нет-нет, — говорю я. — Подожди секунду.

— Или Мелвин Белли, адвокат?

Понятия не имею, кто такой Мелвин Белли.

— Послушай, — говорю я. — Ты же сама сказала: надо быть реалистичными. Придумать что-то такое, что могло случиться на самом деле.

— Тот парень в белой машине! — просияв, предлагает она.

Идея и вправду относительно блестящая. Но это будет означать, что тогда, в первый раз я о нем солгала. Нет, я не буду отрекаться оттого, что тогда говорила правду.

— Не пойдет, слишком сложно, — говорю я, и улыбка Марии Фабиолы гаснет. — Нам нужно имя, — говорю я. — Что-то звучное, чем можно заслонить все остальное. Имя, которое попадет в заголовки.

— Может, Нил Кэссиди? — предлагает она. — Украл нас, накачал наркотиками и заставлял выйти за него замуж. Он же многоженец.

— Он, кажется, умер, — отвечаю я. — Тогда уж Джерри Гарсия.

Эта идея ей по душе.

— Точно, и заставлял нас протирать его гитары!

— И красить вручную рубашки!

— А мы накопали на него компромат — например, узнали, что он тайно обожает футбол!

Я уже готова остановиться на Джерри Гарсии, но тут соображаю, что во время нашего «похищения» он вполне мог играть шестичасовой концерт где-нибудь в Огайо.

— Нужен кто-то, кого трудно проверить, что он делает изо дня в день, — говорю я.

— Убийцу-Зодиака так и не нашли, — задумчиво откликается она. — Может, это он нас похитил и заставил изучать астрологию?

Вдруг как-то внезапно осознав, что ждет меня впереди, я чувствую страшное изнеможение и снова соскальзываю на ковер.

— Не бойся, — говорит она и садится рядом. — Я все продумала. Ты возвращаешься домой. Мы обе рассказываем свои истории. Все видят, что они очень похожи, к тому же похититель — знаменитость. И мы обе идем на Эй-Би-Си! Для тебя тоже снимут закадровый материал. Знаешь, как это круто? Просто ходишь туда-сюда по улице, открываешь двери, притворяешься, что делаешь домашку — а тебя снимают! Наденешь то симпатичное платье в горошек.

— Не знаю, — отвечаю я.

— Ты устала, — говорит она ласково, словно нянька малышу. — Давай я отведу тебя к родителям и прослежу, чтобы все нормально прошло. А

нашу историю обдумаем попозже.

Она встает и протягивает мне руку.

— Не бойся, — повторяет она. — Я с тебя теперь глаз не спущу!

Вместе мы выходим из флигеля и отправляемся назад, в Си-Клифф. Проходя мимо парка, замечаем Кита на новом скейте. Увидев меня, он опускает глаза в землю.

— Теперь он меня не замечает, — говорю я.

— А по-моему, — отвечает Мария Фабиола, — у него вид человека, которому очень стыдно.

Я снова смотрю на него: пожалуй, она права.

К моему дому мы подходим сзади, старательно избегая новостников. Задняя дверь всегда заперта, даже когда родители дома, так что я достаю из известного мне тайника запасной ключ.

— Подожди, — говорит Мария Фабиола, когда мы входим на кухню. — Давай-ка устроим им сюрприз!

— Кто там? — кричит из другой комнаты Свея.

— Это я, Мария Фабиола, — громко отвечает она. — Позови-ка родителей!

Минуту спустя дверь распахивается, на кухню входят папа и мама.

— Сюрприз! — вопит Мария Фабиола.

Начинаются объятия и рыдания — рыдает в

основном Мария Фабиола. Я очень крепко обнимаю Свею. Родители интересуются, где я была, и я рассказываю сокращенную версию: упала и разбила голову, а потом была у бабушки.

— Да, эту часть мы знаем, — говорит папа. — Ласло позвонил несколько часов назад и сказал, что ты уже едешь домой.

Я удивлена и тронута, что Ласло им позвонил. И благодарна: он избавил родителей от нескольких лишних часов тревоги. Вообще они не так расстроены, как я боялась. Или, может быть, просто так рады, что я дома и в безопасности, что и сердиться не могут. Впрочем, им еще неизвестно, что меня вот-вот выгонят из школы.

Мама осматривает мою голову и гордо объявляет:

— Ничего страшного, рана поверхностная!

Свея делает всем чай и кладет на блюдца салфетки. Папа спрашивает, не случилось ли со мной чего-то серьезного.

— Нет, — отвечаю я.

Мама спрашивает, как наши родственники.

— Как всегда, — отвечаю я.

— Что нам для тебя сделать? — спрашивает папа. — Чего ты хочешь?

— Хочу поскорее вернуться к нормальной жиз-

ни, — отвечаю я. — Просто хочу, чтобы снова все стало нормально.

— О, разумеется. Я так тебя понимаю! — театрально сообщает Мария Фабиола. Наклоняется ко мне, чтобы обнять, и при этом шепчет на ухо: — Молодчина!

Все трое смотрят на меня и на Марию Фабиолу так, словно не могут поверить, что мы здесь.

— Есть хотите? — спрашивает папа и встает.

— Мы просто *изголодались*! — сообщает Мария Фабиола. Никогда раньше не слышала, чтобы она так выражалась.

Я есть совсем не хочу, но меня радует возвращение к повседневности, так что отвечаю: да, я тоже голодна. Мария Фабиола звонит своей маме и просит разрешения остаться у меня на ночь. «Помочь Юлаби прийти в себя», — добавляет она.

Оказавшись в своей комнате, я оглядываюсь. Меня не было здесь всего день, но все выглядит как-то по-новому. Смотрю на кукол, которых я собирала, когда была помоложе. Одна в красном платье для фламенко, другая в кимоно. Я привыкла думать о них как о «своей коллекции», но теперь вижу, что куклы выглядят дешево. Вульгарно. Платья из дешевой материи, на фарфоровых личиках смесь удивления и скуки.

— Мария Фабиола, ты ведь завтра идешь в школу? — спрашивает мама. — Постирать твою форму?

— Разумеется, иду! — отвечает Мария Фабиола. — Думаю, нам обеим стоит пойти. Ведь Юлаби говорит: она хочет побыстрее вернуться к нормальной жизни. И, наверное, надо поскорее сказать всем в школе, что с ней все в порядке, чтобы они не беспокоились. Я слышала, о ней даже собирались отслужить молебен!

Мама смотрит на меня.

— Да, я хочу пойти, — говорю я.

— Ну, в полицию твой отец уже позвонил, — говорит мама. — А мистеру Мейкпису позвоню я завтра утром.

За ужином все молчат. Мария Фабиола часто, демонстративно и притворно зевает — готовится сразу после еды отойти ко сну.

— Как же мы устали! — восклицает она и сжимает мою коленку под столом. — Не возражаете, если мы не будем убирать со стола?

— Что ты, совсем не нужно, — отвечает мама.

Я понимаю, что Мария Фабиола уже очаровала моих родителей так же, как очаровывает всех своих подруг. Возможно, и мне не досталось только потому, что она рядом.

Евы сейчас нет, она гостит у какой-то подруги, так что Марию Фабиолу устраивают на ночь у нее в комнате, рядом с моей. Я заползаю в кровать, и глаза немедленно закрываются, словно веки налились свинцом. Между мною и лестницей комната Марии Фабиолы. Она стоит в дверях, словно тюремщик в ночнушке.

— Ладно, спи, — говорит она, — а завтра по дороге в школу согласуем наши версии. Потом в обеденный перерыв позвоню на Эй-Би-Си и скажу, что мы готовы прийти к ним вместе. Юлаби!

Но я уже отрубаюсь.

— Что? — с трудом спрашиваю я.

— Я так рада, что ты жива! — говорит она.

Не знаю, что сказать на это. Я уже почти сплю.

— Так и скажу на Эй-Би-Си, — говорит она, стоя надо мной во тьме. — «Я так рада, что ты жива!» Как тебе? По-моему, неплохо!

29

Проснувшись, обнаруживаю перед собой живот Марии Фабиолы. Она стоит надо мной и трясет за плечо.

— Наконец-то проснулась! Твои родители хотели дать тебе поспать, но нам пора в школу. Выходим через пятнадцать минут.

Я закрываю глаза.

— Нет, нет, не засыпай! Твоя мама поговорила с мистером Мейкписом. На утреннем собрании он всем объявит, что ты вернулась. А потом, на первой перемене, хочет поговорить с нами обеими. А потом приедет корреспондент из «Кроникл» и возьмет у нас интервью. Вставай, дорогая, нас ждут великие дела!

Я не верю своим ушам. И это — все та же Мария Фабиола?

— И что мы скажем? — спрашиваю я.

— Придумаем по дороге в школу, — отвечает она. — На «Кроникл» потренируемся, а окончательную версию изложим Эй-Би-Си. Надо будет позвонить продюсеру и сказать: они не поторопились, так пусть теперь не удивляются, что «Кроникл» перехватила у них сюжет! И пусть

понервничают! Давай-ка одевайся быстрее! — и кладет на кровать мою форму.

Сев на кровати, я замечаю, что мама не только постирала форму Марии Фабиолы, но и погладила: от ее матроски и синей юбочки идет запах горячего утюга. Форменные гольфы мы обычно носим приспущенными, как носки, но теперь Мария Фабиола натянула их почти до колен и надела мои лоферы, которые я почти не ношу.

Повернувшись ко мне спиной, она открывает мой ящичек для мелочи и начинает там рыться.

— Только не говори, что хочешь в лоферы положить монетки! — говорю я.

— Одевайся давай, — откликается она. — Уже опаздываем.

Мы уже идем к дверям, когда нас окликает папа.

— Нет-нет, девочки, — говорит он, — я вас подвезу!

— Джо, с нами все будет хорошо! — говорит Мария Фабиола.

Она называет моих родителей по именам, Джо и Грета. И они почему-то с этим мирятся.

— Сами дойдем, — поддерживаю я.

— Ни в коем случае, — отвечает он. — Я вас отвезу. Садитесь.

Согласовывать версии в машине — не вариант. За рулем папа, на пассажирском сиденье мама, позади между нами Свея, да и дорога длится от силы минуты две. Мария Фабиола пытается написать мне записку, но почерк у нее кошмарный, а от тряски и вовсе ничего не разберешь. А выйдя из машины, мы немедленно оказываемся в гуще людей.

На утреннем собрании папа и мама сидят справа от меня, Мария Фабиола слева и держит меня за руку. На мистере Мейкписе сегодня красная «бабочка». Он объявляет, что все счастливы моему возвращению, и зал взрывается аплодисментами.

После собрания родители идут в кабинет директора поговорить с мистером Мейкписом и мисс Кейтениз. А мы гордо шествуем по школе: Мария Фабиола с одной стороны от меня, Джулия с другой, а сзади, словно фрейлина за королевой, вышагивает Фейт. Я потрясена тем, как радостно встречают меня бывшие подруги и одноклассницы: нескончаемые объятия, радостные записки и даже несколько помятых цветов, просунутых через решетку в мой шкафчик.

Первый урок после собрания — литература. Мистер Лондон объявляет, что сегодня мы начнем

изучать «Одиссею» Гомера. Еще одна уловка, чтобы впечатлить родителей и директоров старших школ. Кто в нашем возрасте читает «Одиссею»? Но это изюминка школы «Спрэгг».

Мистер Лондон достает из коробки новый мелок и пишет на доске: «РОДНОЙ ДОМ» — крупным, размашистым почерком. Нас учат писать аккуратно, по линеечкам; но еще учат, что неразборчивый размашистый почерк — признак настоящего мужчины.

— Что такое для вас «родной дом»? — спрашивает он, сложив руки за спиной.

И смотрит на первый ряд.

— Еда? — первой откликается Туа, девочка, известная своей анорексией.

— Хорошо, — говорит мистер Лондон и записывает на доске «еда», а пониже добавляет «питание». — Что еще?

— Бесячие сестры! — хихикнув, отзывается Кей Ти.

Она считает себя ужас какой остроумной; увы, окружающие этого мнения не разделяют. И теперь она пожимает плечами и оглядывается вокруг, словно говоря: «А что, нет?» Остальные мрачно утыкаются взглядами в парты.

Мистер Лондон покорно записывает своим раз-

машистым почерком и это. Потом дует на мелок.

— Мария Фабиола? — спрашивает он.

— Дом — это пристанище после долгого путешествия, — отвечает она.

Он сочувственно кивает, повторяет: «Пристанище» — и записывает это слово на доске, подчеркнув тремя линиями.

Я понимаю: скоро он спросит и меня. Сделает вид, что вспомнил обо мне в последнюю минуту, но на самом деле весь урок только этого и ждал, думал только о Марии Фабиоле и обо мне. О девочках, которые пропадали и нашлись.

— Юлаби?

— Салфетки, — отвечаю я.

— Ладно, — говорит он. — Тоже хорошо. — Но слово «салфетки» на доске не пишет.

* * *

Следующий урок нас разделяет: это математика, а математикой мы занимаемся в разных группах. Мы с Марией Фабиолой договариваемся после урока встретиться в холле, вместе пойти к мистеру Мейкпису и по дороге разработать план. Я долго ее жду, удивляясь: может быть, я что-то перепутала? Наконец, видя, что уже опаздываю, бегу в кабинет директора, здороваюсь с мисс

Патель, секретаршей, и сажусь. Пока жду, беру со стола брошюрку под названием «Льготное обучение в школе «Спрэгг»». На обложке фото девочки-мулатки из седьмого класса. Все у нас знают, что ее семья одна из самых богатых в школе: отец у нее известный музыкант. Ее родители выплачивают полную стоимость обучения и каждый год вкладывают кучу денег в школьную лотерею.

Входит Мария Фабиола, и я сразу понимаю, почему она опоздала: за это время она заплела волосы в две французские косы и переплела на затылке. С такой прической вид у нее сразу и более хрупкий, и более внушительный. Она садится рядом со мной и шепчет:

— Подражатель Убийцы-Зодиака. Говорим, что это он.

Из кабинета выходят мистер Мейкпис и мисс Кейтениз, а с ними худощавая женщина в розовом кардигане и черных брюках в обтяжку. У нее тонкая кожа, и вокруг рта и глаз уже заметны морщинки — и все же она ослепительно красива; ее легко себе представить на Ноб-Хилл с любовником и сиамскими котами.

— Девочки, — говорит мистер Мейкпис, — мы решили немного изменить последовательность

мероприятий. Я надеялся встретиться с вами до интервью с «Кроникл» и узнать побольше о тех ужасных, ужасных испытаниях, что вам пришлось перенести. Но вышло так, что журналистка из «Кроникл» приехала раньше времени — даже раньше полицейских! Итак, познакомьтесь с моей дорогой Шелли Шайн…

— Стайн, — поправляет его журналистка. — Шелли Стайн.

Мистер Мейкпис багрово краснеет.

— Да, с моей дорогой Шелли Стайн. Она позаботится о… — он запинается; похоже, ошибка в фамилии его сбила и лишила уверенности, — о вас, юные леди, — договаривает он наконец.

Мы представляемся и по очереди пожимаем Шелли руку, неожиданно мозолистую. Потом нас ведут в маленький зал для совещаний, и мы с Марией Фабиолой устраиваемся бок о бок на вертящихся стульях. Красота Шелли Стайн, как видно, произвела на мистера Мейкписа и мисс Кейтениз гипнотическое действие: едва она просит их уйти, чтобы иметь возможность поговорить с нами наедине, они исчезают, пятясь, словно крабы.

— Не стоит и упоминать, — добавляет с порога мистер Мейкпис, — что вы можете расспраши-

вать девочек и о школе, и об учебе. Пожалуйста, чувствуйте себя совершенно свободно! Обе посещают «Спрэгг» с детского сада, обе — примерные ученицы.

— Чудесно! — отвечает Шелли Стайн и одаряет мистера Мейкписа улыбкой, призванной сразу и очаровать, и поторопить его уход.

К нам она поворачивается уже с другой улыбкой — сочувственной, приглашающей к откровенности.

— Девочки, я хочу, чтобы вы были со мной откровенны, так что буду откровенна сама. Уже много лет я пишу в нашей газете о садоводстве. И еще о проблемах женщин. Но ваша история… в общем, вышло так, что никто не был расположен за нее взяться. К тому же сейчас зима, о садоводстве много не напишешь. Так что я вызвалась взяться за этот сюжет.

— Никто не был расположен, потому что этим уже занимается Эй-Би-Си? — уточняет Мария Фабиола.

— Разумеется, — отвечает Шелли Стайн. — Можно объяснить и так.

— Эксклюзива у них теперь не будет, но мне все равно придется позвонить в Эй-Би-Си и сказать, что я разговаривала с вами, — говорит Мария

Фабиола. — А наша история будет на первой странице?

— Честно говоря, не могу обещать, где ее поместят, — отвечает Шелли Стайн. — Что ж, давайте начнем? — Открывает блокнот и извлекает оттуда первый вопрос: — Девочки, вам нравится ваша школа?

— Нравится, — отвечаю я. — Хорошая школа.

Мария Фабиола смотрит на меня с удивлением.

— У этой школы особая репутация, — говорит Шелли Стайн. — В шестом классе Шекспир, в седьмом Гете. А сейчас, как я понимаю, вы читаете Гомера?

Поразительно, думаю я. Когда это мистер Лондон успел до нее добраться?

— Итак, мой вопрос, — продолжает она. — Бывает ли, что такая напряженная учеба кажется вам тяжеловатой?

— Да нет, — отвечаю я.

Шелли Стайн не трудится это записывать.

— А ты, Мария Фабиола? — поворачивается она к ней. — Что ты думаешь о здешней академической нагрузке?

— Ну, я сюда хожу с детского сада. И все равно здесь критикуют наши валентинки!

Теперь я смотрю на нее с удивлением: с чего это Мария Фабиола заговорила о валентинках?

— О, — говорит Шелли Стайн и ждет продолжения, но мы молчим. — Итак, — продолжает она, — у этой школы репутация серьезного учебного заведения с большой нагрузкой на учениц. А какие-то передышки у вас бывают?

— Конечно, — отвечает Мария Фабиола. — В конце учебного года бывает неделя, когда вместо обычных уроков у нас идет какой-нибудь необычный курс по выбору.

— Какой же? — спрашивает Шелли Стайн.

— Ну, например, шитье, — отвечает Мария Фабиола.

— Шитье, — повторяет Шелли Стайн. — Любопытно. — Она садится прямее. — А еще?

Вот мой шанс, думаю я. Мне понятно, на что клюнет Шелли Стайн — и на этот раз я не собираюсь уступать первый голос Марии Фабиоле.

— Еще у нас есть курс о том, как хорошо выглядеть в купальниках!

Теперь Шелли Стайн не просто разворачивается на своем вертящемся стуле в мою сторону, но и придвигается поближе.

— А можешь поподробнее? — спрашивает она, и ручка ее замирает над блокнотом, словно мара-

фонец на старте, ждущий сигнального выстрела.

— Я могу, — громко говорит Мария Фабиола, переключая внимание на себя, и Шелли разворачивается к ней. — Это курс под названием «Атлетичное тело». Нас всех взвешивают в классе в начале недели, а потом в конце. В самом деле, это для того, чтобы хорошо выглядеть в купальниках.

— В слитных купальниках или раздельных? — интересуется Шелли Стайн.

— Ну, это они не уточняют, — пожимает плечами Мария Фабиола и на секунду останавливается; кажется, ее саму занимает эта новая мысль. — В общем, смысл в том, чтобы в конце недели выглядеть лучше, чем в начале. В начале недели мы все взвесились, и тренер записал наш вес на доске в столбик, против каждой фамилии. А потом мы целыми днями бегали по пляжу, прыгали с поднятыми руками, и еще ездили на велосипедах в Марин-Хедлендс и ночевали там в хостеле. И там все вокруг ели гамбургеры, а нам разрешали только салат!

— Только салат, и все?

— Еду для нас привезли тренеры, понимаете? И они взяли только салат. А сами, между прочим, ели стейки!

— Наверное, вам тоже хотелось чего-то посытнее? — спрашивает Шелли Стайн.

— Ужасно хотелось! — драматически восклицает Мария Фабиола. — А они говорили: смотрите, чтобы под вами велосипеды не погнулись и шины не лопнули, ну и все такое. Чтобы нам было стыдно есть, понимаете?

— И кто были эти учителя?

— Так вышло, что все мужчины, — отвечает Мария Фабиола. — Только мистера Мейкписа там не было. А все остальные мужчины-учителя были.

— Поверить не могу! — восклицает Шелли Стайн с таким видом, словно и вправду отчаянно старается этому поверить. — А где же были учительницы?

— Наверное, все остались дома, с семьями, — отвечает Мария Фабиола.

Это неправда. С нами ездила мисс Ливси.

— И что было в конце недели? — спрашивает Шелли Стайн. Она едва успевает записывать.

— Ну, я упоминала, что в начале недели нас всех взвесили и составили список, верно?

Шелли Стайн кивает.

— Да, только хочу прояснить: взвешивали вас тоже мужчины?

— Да, — отвечает Мария Фабиола. — А потом

нас взвесили в конце недели, проверили, кто сколько скинул, и записали в табели.

— Как оценки? — уточняет Шелли Стайн.

— Точно, — отвечает Мария Фабиола.

— Скажи это сама, — просит Шелли Стайн.

— Как оценки, — повторяет Мария Фабиола, и Шелли Стайн это записывает.

Я слушаю Марию Фабиолу и думаю: все почти так и было, как она рассказывает, — но как непохож ее рассказ на то, что происходило на самом деле! Правда в том, что мы с Марией Фабиолой выбрали «Атлетичное тело» по собственному желанию. Сами захотели сбросить несколько фунтов, чтобы произвести впечатление на мадам Соню. И быть в хорошей форме, чтобы легче было лазить по скалам на Чайна-Бич. Хотели отправиться в поездку с мисс Ливси, потому что она рисует по вечерам, и сын у нее красавчик… С кристальной ясностью я понимаю: Мария Фабиола обладает талантом, которого мне не достичь никогда.

— Просто хочу убедиться, что у вас тут все в порядке, — говорит, просунув голову в дверь, мистер Мейкпис.

— Все замечательно! — ослепительно улыбается ему Шелли Стайн.

— Счастлив это слышать, — отвечает он.

«Когда прочтешь интервью, счастлив не будешь», — думаю я.

Мистер Мейкпис поднимает вверх оба больших пальца и закрывает дверь. Улыбка Шелли Стайн тут же гаснет.

— Что ж, теперь давайте перейдем к самой неприятной части. Я не хочу вызывать у вас тяжелые воспоминания, но наших читателей, разумеется, интересуют ваши исчезновения.

— Похищения, — поправляет ее Мария Фабиола.

— Хорошо, — говорит она. — Расскажи мне, что произошло.

— Был четверг, — начинает Мария Фабиола.

— Я думала, среда, — поправляет Шелли Стайн. — Двенадцатое декабря — это была среда.

— Да, верно, — отвечает Мария Фабиола. — Я просто думала о Юлаби.

— А Юлаби пропала во вторник, — говорит Шелли Стайн.

— Ну… — И вдруг у Марии Фабиолы глаза наполняются слезами. Я с трепетом слежу за ней. Как у нее это выходит? — Знаете, нас обеих эти похищения совсем выбили из колеи. И потом, похититель специально старался нас запутать,

чтобы мы не знали, какой сегодня день. Там, где он нас держал, было много календарей, и все разные. Разных лет.

— А можешь об этом поподробнее, пожалуйста? — просит Шелли Стайн.

Мария Фабиола кивает не головой — всем телом.

— Конечно, могу, Шелли. Мне кажется, этот похититель хотел стать вторым Зодиаком. Он был просто копия Убийцы-Зодиака и тоже сходил с ума по гороскопам, представляете?

— Представляю, — после секундной паузы отвечает Шелли Стайн. — Продолжай, пожалуйста.

Что-то записывает, подчеркивает и быстро переворачивает страницу.

— Так вот, он привез нас в это место, — говорит Мария Фабиола. — И заставлял читать гороскопы в старых газетах. Газеты были из Рашн-Ривер. А кормил консервами для кроликов.

— Консервами для кроликов? — переспрашивает Шелли Стайн.

— Да, салатом в банках, — говорит Мария Фабиола. — Как для кроликов.

Шелли Стайн уже ничего не записывает. Поворачивается ко мне, и я мгновенно покрываюсь потом. Нет, мне не потянуть!

— Юлаби, — говорит она, — как выглядел этот человек?

— У него была длинная борода, — отвечаю я и, подняв глаза, разглядываю трещину в стене под самым потолком.

— Всегда ходил в одной и той же рубашке, раскрашенной вручную, — добавляет Мария Фабиола. — Шрамов на нем не было. В комнате у него висели мандалы и стояла… ну, такая типа швейная машинка.

— Швейная машинка? — переспрашивает Шелли Стайн.

— Ткацкий станок, — вставляю я, потому что понимаю, что имеет в виду Мария Фабиола. Ткацкие станки мы видели в третьем классе, на экскурсии.

— Точно! — восклицает Мария Фабиола. — Ты тоже его видела!

— А где находится это место, куда приводил вас мужчина в крашеной рубашке? — спрашивает Шелли Стайн. Она листает блокнот, а я вытягиваю шею и отчаянно стараюсь подглядеть, что там написано.

— В районе Хайт-стрит, — отвечает Мария Фабиола. Я снова покрываюсь потом, а она наклоняется к Шелли Стайн и продолжает: — Такой

высокий викторианский дом. Он держал нас на верхнем этаже.

— В районе Хайт-стрит — где именно?

— В Эшбери, — отвечает Мария Фабиола.

— Знаете, — говорит Шелли Стайн, выпрямляясь, — не так давно в этом районе пропал мальчик. Может быть, вы видели его фотографии на пакетах с молоком.

— Мальчика там не было, — отвечает Мария Фабиола.

— А другие девочки были? — продолжает спрашивать Шелли. — Может быть, Джентл Гордон?

— С чего ей там быть? — спрашиваю я.

Шелли Стайн поворачивается ко мне и говорит:

— Она вчера не вернулась домой.

— Ох, Юлаби, помнишь, ты мне говорила, что слышала, как в соседней комнате этот мужик в крашеной рубашке разговаривал с какой-то девушкой? — восклицает, повернувшись ко мне, Мария Фабиола. И сигналит глазами: мол, подхватывай.

Но вместо ответа я спрашиваю у Шелли Стайн, где видели Джентл в последний раз.

— Об этом вам лучше спросить у полицейских. Я сейчас не готова обсуждать дело Джентл.

— Ладно, — говорит Мария Фабиола. — Подождем. А где полицейские?

— Вот-вот подъедут, — отвечает Шелли Стайн. — А пока давайте убедимся, что я все правильно поняла. Значит, похититель был один, мужчина, ходил все время в одной и той же крашеной вручную рубашке. Какого цвета была рубашка?

— В красную, синюю и белую полоску, — отвечает Мария Фабиола. — Очень патриотично.

— Ясно, — отвечает Шелли Стайн. И ничего не записывает.

Теперь я плаваю в холодном поту. Мне очень холодно. Наверное, не смогу сказать больше ни слова. Взгляд Шелли Стайн ее выдает. Она поняла, что мы врем. Теперь она просто развлекается — а значит, меня выгонят из «Спрэгг», выгонят нас обеих. И никаких больше частных школ. Придется, наверное, перейти в старшую школу Улисса С. Гранта. Я представляю ее себе. Огромное здание, учеников, наверное, тысяча. Никакой формы. И Джентл в своих клешах.

— Итак, — говорит Шелли Стайн. — А что вы думаете о мотивах этого одинокого похитителя в патриотических красно-бело-синих цветах, который запер вас в викторианском доме, кор-

мил салатом и заставлял читать гороскопы? Как считаете, зачем он вас похитил?

— Ну… мы ведь как бы самые гламурные цветы этого города, — говорит Мария Фабиола. — Тепличные цветы.

— То есть вас надо держать в теплице? — уточняет Шелли Стайн.

— Ну, не знаю, — мнется Мария Фабиола, — вам лучше знать, ведь это вы разбираетесь в садоводстве. Не то чтобы нас надо держать в теплице — я не это хотела сказать…

— А что ты хотела сказать? — спрашивает Шелли Стайн. Вдруг становится видно, что она очень устала.

— Что мы самые интересные в городе, — отвечает Мария Фабиола. — Гламурные и загадочные. Интригующие для внешнего мира.

— Для внешнего мира? — переспрашивает Шелли Стайн. — О чем это ты? Внешний мир — это Индия? Франция?

— Нет, — отвечает Мария Фабиола. — Остальной Сан-Франциско.

— Ясно, — отвечает Шелли Стайн. — Что ж, мне пора, если хочу…

— А когда выйдет статья? — спрашивает Мария Фабиола.

— Не могу сказать точно, — отвечает Шелли Стайн, убирая ручку и блокнот.

— Может быть, я лучше напишу обо всем, что с нами случилось, и отдам вам? — говорит Мария Фабиола. — Мысли путаются, ничего не могу сообразить!

Я смотрю на нее — а потом смотрю еще раз, с изумлением: она по-настоящему плачет!

— Вчера, когда мы с Юлаби сравнивали свои истории, они звучали одинаково, и теперь мне так стыдно, что не могу все припомнить!

Шелли Стайн роется в сумочке и протягивает Марии Фабиоле пачку салфеток.

— Да, конечно, — отвечает она. — Можешь отдать свое сочинение мистеру Мейкпису, а он передаст мне.

Едва Шелли Стайн уходит, Мария Фабиола вскакивает, чтобы закрыть за ней дверь. Слезы мгновенно высыхают.

— От тебя никакого толку! — шипит она.

— Я забыла, какую версию мы выбрали, — отвечаю я. — А потом, когда она сказала, что Джентл тоже пропала, я совсем растерялась.

— Только это нас и спасет! — уверенно говорит Мария Фабиола. — Три исчезновения надежнее, чем два, ясно?

— А ты о ней не беспокоишься? — спрашиваю я.

— О Джентл? — отвечает она. — Нет, конечно. Она же хиппи. Пропащая — так и говорится. Такие люди и живут для того, чтобы пропасть. А беспокоюсь я о тебе! Мне нужно знать, можно ли на тебя положиться. Такими темпами мы на первую страницу не попадем! Когда приедет полиция, ты уж, пожалуйста, соберись. Сама ничего не рассказывай — ясно, что не сумеешь: но хоть поддакивай всему, что я говорю! Просто поддержи меня! Это-то сможешь?

Тут в кабинет входит мистер Мейкпис.

— Ну, как все прошло?

— Ужасно! — отвечает Мария Фабиола, и из глаз ее мгновенно начинают литься слезы. — Так больно, так невыносимо снова все это вспоминать!

— Вот твои салфетки, — говорю я и пододвигаю пачку к ней.

30

Миссис Патель разводит нас по классам и всю обратную дорогу болтает без умолку. Это большое облегчение: мне нужно отдохнуть от Марии Фабиолы и ее махинаций. Сейчас у меня французский, а Мария Фабиола идет на испанский. На французском *мадемуазель* рассказывает нам, что в Тулузе в ресторане никогда не подадут салат, листья которого приходится резать ножом.

— Такой салат — для лошадей, — говорит она.

Мадемуазель молодая, выглядит шикарно, всегда ходит с шарфом вокруг шеи — мы подозреваем, что прячет засосы от любовника.

Еще до конца урока миссис Патель снова просовывает голову в дверь. Это за мной. Приехала полиция.

Когда я добираюсь до кабинета, Мария Фабиола уже там. Увидев меня, вскакивает и обнимает так, словно мы много лет не виделись.

— Просто повторяй все, что я скажу! — шепчет она, притянув меня к себе.

Из кабинета мистера Мейкписа выходит детектив Андерсон, и за ней двое детективов-мужчин.

— И снова здравствуй, Юлаби, — говорит детек-

тив Андерсон. — Пойдем со мной в кабинет, не возражаешь?

Мария Фабиола встает.

— Нет-нет, — говорит детектив Андерсон. — Мы побеседуем с вами обеими по очереди. Не беспокойся, мы Юлаби не обидим, — добавляет она.

Я иду за полицейскими в конференц-зал, тот же, где они разговаривали со мной в прошлый раз.

— Мы так рады, что ты благополучно вернулась домой! — говорит детектив Андерсон и, должно быть, целую минуту смотрит мне в глаза.

Наконец я отвожу взгляд к окну, выходящему на площадку для игр. У младших классов сейчас большая перемена, и девочки высыпали на улицу. Играют в вышибалу, в четыре угла — те же игры, что были и у нас. Игры, в которых есть правила.

— Мы хотели бы понять, что произошло, — говорит детектив Андерсон. — Можешь рассказать нам, где ты была последние несколько дней?

Я смотрю в окно, вижу, как первоклассница бьет по мячу и мяч взлетает высоко в небеса.

Сейчас я делаю выбор. Выбираю больше не прикрывать Марию Фабиолу. Знаю, какие будут последствия — с этим я уже сталкивалась. Но все равно.

— Меня никто не похищал, — говорю я. — Я пряталась во флигеле на заднем дворе Балетной школы Оленской на Клемент-стрит. А потом встретила на улице двоюродного брата и пошла к нему домой, в Уэст-Портал.

— Мария Фабиола была с тобой? — спрашивает детектив Андерсон.

— Только вчера, несколько часов. Пришла во флигель искать меня. Она знала, что я там, потому что сама, когда исчезала, пряталась там же.

— Подожди-ка! Так она тоже была во флигеле? Ее не похищали?

— Она пряталась во флигеле, — отвечаю я.

И ненавижу себя и знаю, что Мария Фабиола никогда мне этого не простит. Страшно подумать, во что она превратит мои ближайшие годы. И, подумав об этом, я решаю бить первой.

— Вы что, заранее сговорились, что обе исчезнете?

— Нет, — отвечаю я. — Она взяла эту идею из книги.

— Из книги?

— Да, из книги, которую стащила из кабинета нашего учителя литературы, — отвечаю я.

Детективы переглядываются, однако того облегчения, которого я ждала, у них на лицах не

видно.

— Спасибо, Юлаби, — говорит детектив Андерсон. — Ты сэкономила нам массу времени, а оно сейчас очень дорого. Видишь ли, Джентл Гордон пропала по-настоящему.

Вслед за детективом Андерсон я выхожу в предбанник. Мария Фабиола, увидев нас, вскакивает и разглаживает на себе юбку.

— Я готова, — говорит она детективу Андерсон.

Но детектив Андерсон отстраняет ее, вытянув руку вперед, словно ловит машину на обочине.

— Не сейчас, — отвечает она, и все трое уходят.

Из школы меня в тот день забирает мама. Она стоит первой в очереди — мне не приходится ждать, когда выедет со стоянки длинная череда «Вольво». Мария Фабиола смотрит, как я сажусь к маме в машину: вид у нее озадаченный.

Дома я рассказываю родителям все.

Свея делает нечто необъяснимое: готовит ножную ванну с ароматической солью и ставит тазик перед моим стулом. Мама лепит фрикадельки. Папа показывает мне письмо из «Кристи», куда он отправил на экспертизу полотно Ванессы Белл. Выяснилось, что это не настоящая Ванесса Белл.

— Они пишут: судя по всему, копию написал какой-то начинающий художник, только учив-

шийся рисовать, — говорит он.

Я снова ложусь рано. Сильными пальцами с длинными ногтями мама массирует мне спину, а в соседней комнате — в игровой — сидит с книгой папа и шуршит страницами. Ева все еще живет у подруги. Не припомню, чтобы папа когда-нибудь сидел в этой комнате. Со своей кровати я вижу только его колени и носки. Вижу, как он притоптывает ногой, слышу шорох страниц — и погружаюсь в сон.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь раньше обычного. Говорю себе, что правда придает сил. О том, что меня могут выгнать из школы, стараюсь не думать. Отправляюсь на улицу поискать газету и узнать, есть ли там что-нибудь про Марию Фабиолу.

Мои родители не выписывают «Кроникл», так что мне приходится идти по улице и оглядываться по сторонам. В самом начале Эль-Камино-дель-Мар нахожу газету в кустах. Разворачиваю. В глаза бросается заголовок: «ДЕВОЧКА-ПОДРОСТОК ИЗ СИ-КЛИФФА ЗАДУШЕНА — ТЕЛО НАЙДЕНО В ПЭНХЕНДЛЕ». Я падаю на тротуар, беспорядочно шарю взглядом по статье. «Подозреваемых

пока нет… смерть Джентл Гордон… «трудный» подросток, брошенный матерью… боролась с наркотической зависимостью… на теле следы борьбы… найдено у качелей…»

Я выпрямляюсь и прочитываю статью от начала и до конца, все еще не веря, что это не обо мне и не о Марии Фабиоле. А потом приходит ужасная мысль: «Разумеется, это Джентл. Кто же еще? Всем нам, остальным, ничего не угрожало. Это могла быть только Джентл». И эти слова звучат во мне нескончаемой мантрой.

Ноги сами несут меня вниз по склону. Я пробегаю мимо дома, где жил музыкант из «Джефферсон Старшип», где качались над океаном качели, поставленные им для дочери, — но нет больше «Джефферсон Старшип», и качелей тоже нет. Бегу мимо дома, где каждый Хеллоуин нам раздают большие батончики «Херши», и мимо дома, где жил Великий Картер, а теперь его снимает президент какого-то банка. Мимо дома, где живет одна наша одноклассница: у нее как-то раз загорелись волосы, когда она тушила свечки на деньрожденном торте. Мимо дома с башенкой, откуда я одно время забирала газеты. Мимо дома, где хозяйка ездит на кресле-коляске — а что с ней случилось, мы так и не знаем. Мимо моего собственного

дома — вот он, справа, такой маленький на фоне прочих. Отворачиваюсь от него и бегу дальше.

Мимо пальм, мимо садовников с их граблями и ревущими листодувками. Обливаясь потом, дрожа от холодного тумана — бегу на Чайна-Бич. По-лошадиному цокая подошвами, сбегаю вниз по девяноста трем ступеням. В это пасмурное утро пляж пуст. Оказавшись на песке, сбрасываю туфли и гольфы. Бегу к кромке воды, и холодный океан лижет мне ноги. Чувствую, что лицо у меня мокрое — от тумана, от пота, от слез. Я стою там, на краю океана, и слушаю его шумное дыхание. А потом океан отступает — и уносит с собой все из моего детства: и фарфоровых кукол, и балетные пуанты, и билеты на концерт, сложенные буквой V, и все мои маленькие драгоценности. И длинные-длинные качели.

2019

Нам уже под пятьдесят, и улицы Си-Клиффа больше не принадлежат нам. Дома, огибающие залив, относятся к новому Сан-Франциско — городу высоких технологий и заграничных покупателей, что, как рассказывают у нас, покупают дома, не посмотрев, и платят наличными. Таблички «ПРОДАЕТСЯ» быстро исчезают, но шторы по-прежнему задернуты, и подъезды к домам пусты. Поколение наших родителей жалуется, что из-за этих новых богачей наш район не узнать; мы, вместе со всем прочим миром, только закатываем глаза.

Венчурные капиталисты овладели Пасифик-Хайтс. Молодые программисты заселили Хейес-Вэлли, Мишн-Бэй и Потреро-Хилл — районы, ближайшие к шоссе, из которых легко добраться до Кремниевой долины. Но директора и владельцы компаний живут в Си-Клиффе, где по-прежнему тихо, и ничто не заслоняет вид на Золотые Ворота. Си-Клифф — для уединения, для тех, кто хочет скрыться от чужих глаз. Разумеется, теперь район превратился в крепость: повсюду

стальные ворота и камеры.

Но кухни здесь слишком маленькие. Первооткрыватели Кремниевой Долины хотят кухни побольше, потолки повыше, хотят шкафы и окна во всю стену, и в их новых домах в Си-Клиффе идет нескончаемый ремонт. С крыши до фундамента дома закатаны в белый пластик — быть может, чтобы скрыть расположение потайных выходов и убежищ? — и бесконечный визг дрелей и стук молотков гонит рев сирен, и рокот прибоя, и прочие звуки нашего детства.

Дома в Си-Клиффе больше не принадлежат нашим родителям: родители умерли или, смирившись, нашли себе жилье поскромнее. И сами мы больше здесь не живем. Никто из нас, выросших здесь, да и почти в любом другом районе Сан-Франциско, больше не может себе позволить жить там, где вырос, да обычно и не хочет.

Исчезновения девочек в Си-Клиффе вошли в местные предания. Тому, что происходило тогда, газеты присвоили название «Пропавшие из Си-Клиффа», и этот броский ярлык прижился. До эпохи интернета мне удавалось по большей части оставаться анонимной: встретив меня, очень немногие понимали, что я и есть одна из тех пропавших девочек. Из «Спрэгг» меня выставили, и я

поступила в старшую школу Гранта, где училась Джентл. Порой на перемене казалось, что она проходит мимо — и я бросалась за ней следом, но, разумеется, это всякий раз оказывалась не она. В «Гранте» я нашла новых друзей, спокойных и надежных, и четыре года там протекли незаметно. В университете Санта-Крус открыла для себя Фернандо Пессоа и пошла на португальское отделение. Еще одна отговорка, чтобы не учить шведский, говорила мама. Может, она и была права.

Замуж я вышла рано (он был мой ровесник, третьекурсник из Сан-Диего), и уже в медовый месяц мы оба поняли, что сделали это зря. Несколько месяцев планировали скромную свадьбу в съемной берлоге к северу от Сан-Франциско. Но, стоило разъехаться родным и друзьям, мы скоро обнаружили, что говорить нам не о чем. День за днем обедали и ужинали за одним и тем же шатким столиком в одной и той же панельной квартирке с видом на океан. Всего за несколько дней превратились в одну из тех пар, что сидят друг напротив друга и молча жуют. И обоим быстро надоело слушать, как жует другой.

После развода мне было стыдно. Такой же стыд я чувствовала за события последнего года

в «Спрэгг»: фальшивое исчезновение, исключение из школы. Сколько ошибок совершила — да еще и у всех на глазах! География Калифорнии оказалась так тесно сплетена с моим прошлым, так густо испещрена моими помарками, что я решила бежать.

В двадцать пять лет я переехала в Лиссабон и была поражена тем, как он похож на Сан-Франциско: оба города построены на семи холмах, оба гордятся кирпичными мостами и фуникулерами, оба страдают от непредсказуемых землетрясений, оба стоят на краю земли и смотрят в океан. Здесь я стала работать переводчицей. Рынок небольшой, но стабильный: переводила рекламные брошюры отелей, меню в ресторанах, кошмарные религиозные памфлеты.

Уже после тридцати я начала переводить рассказы португальской писательницы Инес Батиста, на склоне жизни открывшей в себе литературный талант. Книги Инес глубоко личные, в них отражается ее детство в рабочем квартале. Они о силе, стойкости — и о любви к жизни, которой полна и она сама. Мы встречались чаще, чем обычно писатели встречаются со своими переводчиками: Инес, мудрая и мужественная, напоминала мне маму, тихо скончавшуюся че-

рез несколько лет после моего развода. А сама Инес говорила, что всегда хотела иметь такую невестку, как я.

Однажды на встречу со мной в кафе в районе Альфама она пришла вместе со своим сыном Лукасом — он как раз расстался со своей девушкой. Лукас был хорош собой, застенчив, говорил слегка пришепетывая. На нем были темно-синие джинсы, и, пока мы разговаривали, я заметила, что лицо у него, особенно вокруг рта, приобретает все более отчетливый голубоватый оттенок. Подбородок и вовсе выглядел так, словно на нем начала расти синяя борода. Это же джинсы, поняла я. Новые штаны, еще не стираные. Он держит руки на коленях, потом во время еды касается лица — и джинсы «линяют» ему на лицо. Мы с Инес сказали ему об этом; он извинился и пошел умыться.

Даже не знаю, что мне больше понравилось: что на встречу со мной он надел новые джинсы (потом я узнала, что мать сказала ему: «Только не вздумай, как обычно, явиться в трениках!») — или то, что, вернувшись, от души посмеялся над собой. Особенно забавно, сказал он, что такое с ним уже случалось.

Через год после этого знакомства мы с Лукасом

поженились. А в сорок четыре года я вернулась в Сан-Франциско, вместе с Лукасом и нашим новорожденным сыном Габриэлем. Мы нашли себе небольшую, но уютную квартиру на северной стороне Норт-Бич, поближе к новому дому моего отца. Дом в Си-Клиффе он продал семье с двумя рыжеволосыми мальчишками; иногда, случайно проезжая мимо, я вижу, как они на улице играют в лакросс. О новостях Си-Клиффа я часто пишу Свее. Она переехала в Уппсалу, близ Стокгольма: живет возле Парка Линнея со своим бойфрендом, молчаливым и тактичным шведом.

Вернувшись в Сан-Франциско, я связалась с Фейт. Она стала детским врачом. Габриэль родился с аритмией, и я носила его к ней на обследования. Она внимательно выслушивала его сердечко, а нам с Лукасом всегда говорила что-нибудь ободряющее. Однажды Фейт предложила мне прогуляться вдвоем по Краю Света. Там, на утесах над морем, рассказала мне о своей жене и о двух дочерях, которых они послали в «Спрэгг». По ее мнению, лучшей школы для девочек с двумя мамами не найти.

— Сама понимаешь, теперь там многое переменилось, — сказала она, останавливаясь. — До сих пор не могу поверить, что тебя выгнали, а Марию

Фабиолу нет! Должно быть, ее родители дали там кому-то на лапу, как думаешь?

— По-моему, ты из-за этого расстраиваешься сильнее, чем я, — ответила я, глядя на то, как она раскраснелась. — А я, пожалуй, привыкла, что Марии Фабиоле всегда давали поблажки.

Но не стала добавлять, что порой скучаю по Марии Фабиоле, по тому сиянию, что отбрасывала она на все вокруг себя.

Иногда я встречаю Джулию: она никогда не говорит о Джентл, но, кажется, всю свою жизнь выстроила так, чтобы ни в коем случае не стать на нее похожей. Вышла замуж за директора фонда прямых инвестиций, живет с ним в Тайбероне, в доме, где когда-то была школа. Одевается в то, что обычно носят женщины постарше, — лодочки на низком каблуке от «Феррагамо», водолазки от «Энн Тейлор». И, стоит прогнозу погоды намекнуть на дождь — непременно берет с собой зонтик.

Через Фейт и Джулию я восстановила связи со многими бывшими одноклассницами из «Спрэгг», даже с теми, кого толком и не помнила. Иногда мы собираемся в ресторане «Большая четверка» в отеле «Хантингтон», часами сидим в зеленых кожаных креслах под старинными

плакатами Тихоокеанской железной дороги. Обмениваемся историями о своих горестях и маленьких победах. И смеемся куда чаще, чем в детстве, — смеемся над тем, как наивны мы были в те давние времена.

Кажется, в Сан-Франциско вернулись почти все — кроме Марии Фабиолы. После «Спрэгга» она поступила в «Сент-Джордж», школу-интернат на Род-Айленде. Примерно в то же время и ее семья переехала на Восточное побережье. А дальше все следы теряются. В соцсетях никто из нас ее так и не нашел: по всей видимости, она вышла замуж или сменила имя. Ходит слух, что уехала в Париж и вышла замуж за дизайнера. И еще один — что уехала в Уругвай и открыла там пляжный ресторан. Нам уже под пятьдесят, а нас все еще занимают фантазии о Марии Фабиоле.

* * *

В конечном счете с Марией Фабиолой меня сталкивает работа. Инес, мою свекровь, приглашают выступить на литературном фестивале на острове Капри. Ее издатель связывается со мной и просит перевести ее речь для англоязычной части слушателей. К тому же Инес уже под восемьдесят, она вдова и не любит путешествовать

в одиночку.

Издатель Инес высылает мне все подробности мероприятия, в том числе и ссылку на отель, где разместят гостей. Добрых полчаса я в восторге разглядываю фотографии. Никогда еще я не была на Капри — и никогда не жила в такой роскоши! Встречаемся мы в Неаполе, ночуем в отеле с видом на Везувий. Волосы у Инес длиннее, чем год назад, когда я видела ее в последний раз, глаза как будто выцвели, тело стало легче и суше — но походка все такая же решительная: Инес высоко поднимает колени и твердо ставит ногу наземь, словно идет на снегоступах. Мы с ней сидим на крыше отеля, любуемся Везувием. Инес говорит, что пишет сейчас новый роман — о немолодой женщине, полюбившей молодого мужчину.

— Você vai traduzir esse livro?[6] — спрашивает она.

Я отвечаю: разумеется, переведу. Иногда мне думается, что следующая ее книга станет последней, а иногда — что она будет жить вечно. Она крепкий орешек, моя Инес. Ни пяди не уступает дряхлости и смерти.

На следующее утро мы садимся на паром, от-

---

[6] Примечания: 6
Возьмешься за перевод этой книги? *(португ.)*

плывающий на Капри. Час дороги — и вот перед нами одетые зеленью холмы. На машине для гольфа мы поднимаемся по крутому холму, а дальше, до Анакапри, нужно идти пешком — автомобили здесь под запретом. Мы идем по широкой аллее, с обеих сторон охваченной буйством розовых бугенвиллий, и легкий ветерок дышит нам в лицо. Отовсюду доносится птичий щебет, хоть самих птиц не видно. Проходим мимо афиши сегодняшних мероприятий, где рекламируется вечернее выступление Инес. Я фотографирую ее на фоне афиши и отсылаю фото Лукасу.

Мероприятие Инес проходит под открытым небом, на площадке перед отелем. Стулья расставлены так, чтобы слушатели видели не только Инес, но и синее-синее море. Я сажусь сбоку и перевожу ее речь на английский для тех, кто сидит в наушниках. Я горжусь Инес, а вот своей работой сегодня не горжусь. Устный перевод — совсем не то, что письменный. Обычно у меня есть время подумать над текстом, выбрать верное слово, точнее и полнее всего передающее смысл. Но сегодня переводить приходится быстро и, боюсь, я не отдаю должное поэзии ее речи. Впрочем, кажется, этого никто не замечает.

Она подписывает книги (всегда подписывает

одинаково: «С любовью, Инес»), а потом мы идем ужинать во внутренний дворик отеля. Здесь уже накрыт шведский стол и зажжены свечи. Я сажусь за соседний круглый столик, чтобы Инес могла без помех поговорить со своими читателями. Напротив меня сидит мальчуган примерно в возрасте Габриэля и сосредоточенно ест пасту: он весь перемазался томатным соком, и, глядя на него, я вдруг остро ощущаю, как скучаю по сыну. После ужина сопровождаю Инес к ней в номер. За окном теплый вечер, напоенный ароматом цветущих апельсиновых деревьев. На столе у Инес шоколадный торт — презент от отеля.

Возвращаясь через сад к себе в номер, я слышу женский смех. Он доносится из маленького внутреннего дворика, какие прилегают здесь к самым большим и дорогим номерам. Мне вспоминается Мария Фабиола, ее переливчатый смех. Подхожу ближе, прислушиваюсь: но смеха больше не слышно, все заглушает голос певицы-итальянки, развлекающей гостей у бассейна. Сегодня у нее аншлаг — ее слушают целых трое гостей.

Войдя к себе, ложусь в постель и накрываю голову подушкой, чтобы шум не мешал спать. Просыпаюсь поздно, пропустив завтрак. В десять утра в дверь стучит Инес. В свою вместительную

сумку она спрятала пару йогуртов и несколько фруктов и принесла мне. Я спрашиваю, какие у нее планы на сегодня; она отвечает, что хочет сходить в Сан-Микеле, посмотреть, где жил один известный шведский врач, вместе с человеком, с которым вчера ужинала. Он, мол, изучает португальский, а она поможет ему попрактиковаться в разговорном языке.

— Мне, знаешь ли, сейчас полезно общаться с молодежью. Для книги, — добавляет она и подмигивает. Но подмигивать одним глазом Инес не умеет — и мигает обоими, так, словно загадывает желание.

Я решаю пару часов поплавать и позагорать, так что отправляюсь на зеленую лужайку возле бассейна и разыскиваю там свободный шезлонг. Устроившись, смотрю, как двое служителей в белых шортах и белых рубашках прилаживают зонт над итальянкой лет семидесяти в блестящем золотистом купальнике. А она командует: правее, нет, теперь левее. Мой купальник, цельный и бледно-розовый — когда я собирала вещи, он казался мне данью памяти Феллини, — на таком фоне смотрится вполне пристойно и даже элегантно.

Слишком жарко, чтобы читать. Повалявшись

минут десять, откладываю книгу и пробираюсь к бассейну. Стоя на краю и держась за перила, вижу, как с другой стороны выходит из воды женщина с длинными волосами. На ней черный бикини; сама она тоненькая, но груди словно пара воздушных шаров. На бортике ждет служитель: он, кажется, счастлив обернуть ее огромным белым полотенцем. Она поворачивается, идет в мою сторону, и тут я думаю: «Мария Фабиола!» И тут же: «Нет, не может быть!»

Должно быть, ощутив на себе взгляд еще одной пары глаз, она оборачивается ко мне. Узнает. Короткая многозначительная запинка — а затем ее губы растягиваются в улыбке.

— Привет, Юлаби! — окликает она меня.

Она от меня футах в пятнадцати. На лице заметен возраст, но оно все еще прекрасно.

Я бегу к ней. Жду, что мы обнимемся, но вместо этого она берет меня за плечи и целует в обе щеки. Трудно сказать, приветственный это поцелуй или прощальный. Этот жест меня бесит. Больше трех десятилетий мы ничего не слышали друг о друге — а теперь она встречает меня, словно надоедливую приятельницу, которая и на отдыхе не дает ей покоя!

— Идем туда, ко мне, — говорит она. — Там есть

свободный шезлонг. Я как раз жду мужа. — Эти слова подчеркивает голосом — то ли демонстрируя, что я интересна ей лишь на несколько минут, пока не появился муж, то ли намекая, что ее муж вечно опаздывает. Не знаю.

Нагретая плитка обжигает ноги, и Мария Фабиола, должно быть, это замечает.

— Надо бы тебе обзавестись сандалиями, — говорит она самым естественным тоном. Словно после этих трех десятков лет нам и поговорить не о чем, кроме как о покупке обуви.

— А… у меня есть. Просто сейчас не взяла… — бормочу я, чувствуя себя дурой.

Мы опускаемся на шезлонги, стоящие рядом. Они идеально укрыты от солнца, но все же к нам подбегают служители, чтобы поправить зонт.

— Grazie[7], — с улыбкой говорит Мария Фабиола.

Ей почти пятьдесят, но ее улыбка — все еще драгоценная награда. Это читается на лицах этих парней.

— Grazie, — повторяю я. На меня они не смотрят.

— Пожалуй, наша встреча стоит двух бокалов

---

[7] Примечания: 7
Спасибо *(ит.).*

просекко, — говорит она и, обращаясь к служителям по-итальянски, заказывает шампанское.

— Не могу поверить, что мы с тобой в одном отеле! — говорю я.

— Ну, это же лучший отель на Капри, — отвечает она, устремив взгляд на далекое лазурное море.

— А где ты теперь живешь? — спрашиваю я как бы невзначай.

Как будто мы с бывшими одноклассницами не проводим часы, строя самые безумные гипотезы о том, какой экзотический край стал для Марии Фабиолы домом. Жду, что она назовет Барселону, или Рим, или какое-нибудь совершенно неизвестное мне место — такое, где нет шансов столкнуться с ней на улице.

— Мы живем в Лексингтоне, — отвечает она, и я едва не ахаю вслух. — У моего мужа бизнес в Кентукки, так что мы там уже много лет. А ты?

— В Сан-Франциско, — отвечаю я.

— Так и не уехала? — спрашивает она, бросая на меня неодобрительный взгляд, не в глаза, а повыше.

— Я много лет прожила в Лиссабоне. Там вышла замуж, там родился мой сын. Но после кончины мамы… в общем, решила, что лучше переехать

поближе к папе.

О смерти моей матери она ничего не говорит.

— И чем занимается твой муж в Сан-Франциско? — спрашивает она.

— Он футбольный тренер в старшей школе, — отвечаю я.

— М-м… волонтер?

— Нет, это его работа. В новой школе в Пресидио.

Она спрашивает о школе, а я рассказываю и об этом, и о том, как изменился Сан-Франциско. Мы ведем светскую беседу — очень уж светскую. Словно соседи в самолете, которые перекидываются несколькими репликами, затем надевают наушники и не обращают друг на друга внимания до конца полета.

Появляется служитель, уже другой, с двумя бокалами просекко на подносе. На фигуру Марии Фабиолы он откровенно пялится.

— За встречу, — говорит она и звенит бокалом о мой бокал.

— За встречу, — отвечаю я.

Она выпивает половину бокала одним глотком.

— А с кем-нибудь из «Спрэгг» ты видишься?

— Да, со многими.

— Правда? Ну расскажи, кто там как!

Я рассказываю о Джулии, о ее доме в Тайбероне, о практичных туфлях и водолазках. Рассказываю о Фейт — о том, что ее дочери ходят в «Спрэгг» и как она любит нашу школу.

Но Фейт и Джулия Марию Фабиолу, похоже, совсем не интересуют. Вместо этого, к моему удивлению, она спрашивает о Милле, девочке, с которой мы никогда не дружили. Теперь она владелица галереи.

— О, с ней просто безумная история! — говорю я.

— Рассказывай, — велит Мария Фабиола и откидывается на спинку шезлонга.

На миг я словно забываю о времени и месте: я снова школьница, снова на Чайна-Бич, сплетничаю с лучшей подругой.

— Милла наняла эту женщину и повсюду таскает ее за собой.

— Что за женщина? — спрашивает Мария Фабиола.

— Что-то вроде постоянной советчицы, — отвечаю я. — Милла называет ее «моя Интуиция».

— Как-как?

— Милла больше не доверяет своей интуиции, — объясняю я, — и наняла эту женщину,

чтобы она работала ее интуицией. Всюду берет ее с собой, обо всем советуется и без нее не принимает никаких серьезных решений.

— Забавно! — говорит Мария Фабиола. — Мы ничего больше не желаем делать для себя сами. Все отдаем на аутсорсинг: готовку, уборку в доме, присмотр за детьми…

Я молча улыбаюсь. Отдать хоть что-нибудь из этого «на аутсорсинг» мне не позволяют доходы.

— …и даже интуицию!

И смеется своим дивным серебристым смехом.

— Знаешь, я так рада, что мы встретились! — говорит она, отсмеявшись.

В этот миг мне кажется, что она действительно очень рада. И все как в тринадцать лет: смех Марии Фабиолы — награда, ее внимание — драгоценный приз.

К нам пробирается мужчина в нежно-розовых шортах и белой рубашке с отложным воротничком. Он все ближе, и до меня вдруг доходит: это и есть муж Марии Фабиолы. Он старше нас — должно быть, лет пятидесяти пяти, — но в хорошей физической форме. Выглядит словно теннисист на покое, а волосы, чуть длиннее обычного, намекают на артистизм натуры.

— Привет, солнышко! — говорит Мария Фабио-

ла. — Как теннис?

Я угадала!

Он наклоняется и целует ее в щеку. Кончик носа у него шелушится, от него пахнет смесью пота и крема для загара.

— Я снова чемпион! — говорит он. И смотрит на меня так, словно только что заметил.

— Юлаби, это Хью, — говорит Мария Фабиола. — Хью, это Юлаби, сюрприз из прошлого.

Мы жмем друг другу руки. У Хью загорелые пальцы с гладкими отполированными ногтями.

— А где вы познакомились? — спрашивает он, и на миг я теряю дар речи. Мой муж услышал имя Марии Фабиолы на нашем третьем свидании.

— Росли по соседству, — отвечает Мария Фабиола.

Так вот к чему все свелось. Я для нее — соседка из детства, не больше.

— Ну да, ну да, — говорит он, — опасные улицы Си-Клиффа! Очень рад, что вы выжили. Говорят, оттуда немногие выходят живыми!

Я вежливо улыбаюсь и вглядываюсь ему в лицо, ища следы иронии. Следы того, что он знает о наших фальшивых похищениях, знает о смерти Джентл. Но лицо Хью спокойно и безмятежно. Похоже, он не в курсе.

Смотрю на Марию Фабиолу — и вижу лишь собственное отражение в ее солнечных очках.

Он спрашивает, живу ли я по-прежнему возле Залива, я отвечаю, что да. Говорю, что я переводчица. Тут Мария Фабиола снимает очки и переспрашивает, прищурившись:

— Кто-кто?

— Надо же, умирающая форма искусства! — говорит Хью. — И надолго вы на Капри?

— Завтра уезжаем, — говорю я. — Я здесь со свекровью. А вы?

— Проживем еще несколько дней, — отвечает он. — Мы каждый год сюда ездим на неделю или на две.

— Как мило, — говорю я, и собственный голос кажется мне чужим.

— Детка, что хочешь на обед? — спрашивает Хью у Марии Фабиолы. — Заказать тебе как обычно?

— Надоела мне здешняя еда, — со вздохом сообщает Мария Фабиола и, повернувшись ко мне, добавляет: — Четыре дня подряд один и тот же салат!

— Не хочешь сходить со мной на пьяццу[8] и

---

[8] Примечания: 8

Piazza *(ит.)* — «площадь», центральное место в городе или в деревне.

перекусить? — предлагаю я.

— Да, я бы прошлась, — соглашается она. — Не возражаешь, Хью?

Он не возражает; но, пока Мария Фабиола поднимается с шезлонга, не спускает с нее глаз с каким-то странным выражением лица. Не сразу мне удается понять, что это такое. С такой тревогой родитель смотрит на ребенка, идущего на экзамен, к которому он не подготовился.

Мария Фабиола натягивает ярко-голубое платье, сует ноги в белые эспадрильи. Я, вернувшись к своему шезлонгу, надеваю шлепанцы и белую пляжную тунику: ей уже несколько лет, она выгорела на солнце и приобрела оттенок топленого молока.

Мы выходим из отеля и пускаемся в путь по аллее. Мария Фабиола предлагает зайти в магазин «Миссони».

— Тебе понравится! — обещает она.

Продавщица улыбается Марии Фабиоле, как старой знакомой. Я говорю, что ищу пляжную тунику, и мне тут же приносят несколько вариантов на выбор. Пока я переодеваюсь, слышу, как продавщица расхваливает цвет платья Марии Фабиолы.

— Цвет знаменитого Голубого Грота! — гово-

рит она.

Лесть срабатывает: Мария Фабиола примеряет длинную струящуюся зелено-голубую юбку.

— Что думаешь? — спрашивает она у меня, любуясь собой в зеркале.

— Выглядит невероятно, — искренне отвечаю я. — Ты похожа на русалку.

Она немедленно покупает юбку. Я невольно слежу за тем, с какой легкостью она протягивает свою кредитную карточку.

— А ты что-нибудь возьмешь? — спрашивает Мария Фабиола.

— Зайду сюда попозже, — вру я.

Мы идем дальше, вниз по склону. Легкий ветерок с моря прогоняет жару. Проходим мимо двух карабинеров, разговаривающих с фотографом.

— А ты знаешь, что здесь запрещено фотографировать без разрешения? — говорит Мария Фабиола. — Вчера мы с Хью плавали в море, а вокруг было невероятное количество рыбацких лодок, и в них люди с камерами. Папарацци. Хотели снять вечеринку на яхте какого-то рэпера.

Не знаю, что на это ответить, и наконец говорю:

— Да, это неприятно.

Мы проходим мимо церкви, где сейчас начнет-

ся венчание. У ограды выстроились с букетами подружки невесты: на них шелковые платья цвета темной фуксии, слишком тяжелые для такой жары.

Мы с Марией Фабиолой подходим к пьяцце. Выбираем неброский и относительно пустой ресторан, садимся за столик на веранде, в тени. Подходит официант: мы заказываем по бокалу вина, прошутто, дыню и салат капрезе на двоих. Посреди пьяццы мальчуган пинает мяч, а потом бежит за ним; я провожаю его глазами.

— У тебя есть дети? — спрашивает она.

— Один, — отвечаю я, — мальчик. — И почему-то чувствую необходимость объясниться. — Я поздно стала мамой, — рассказываю я. — Первый брак продержался недолго. Потом было два выкидыша, и оба раза это было очень тяжело. Но наконец у меня есть ребенок, и я так счастлива!

Я рассказываю о Габриэле — о том, как он обожает поезда.

— Такой уж возраст, — говорю я и тянусь за телефоном, чтобы показать ей фотографию.

— Нет-нет, не надо этих клише! — говорит она. — Давай попробуем быть европейцами. Не будем доставать телефоны во время еды.

— Хорошо, — отвечаю я и убираю телефон об-

ратно в сумку. Заставить меня почувствовать себя вульгарной — это Мария Фабиола всегда умела. — А ты? У тебя есть дети?

Она колеблется, затем смотрит на меня, и лицо ее озаряется улыбкой.

— Три дочки! — отвечает она.

— Надо же, как в сказке! — говорю я.

Ее улыбка меркнет.

— О чем это ты? — спрашивает она.

— Ну, знаешь, в сказках всегда фигурирует число «три». Три медведя, три поросенка, три дочери. Волшебное число.

— Ты всегда чересчур увлекалась чтением, — говорит она.

«А ты — сочинительством!» — хочется ответить мне. Но мы обе давно выросли, так что я прикусываю язык.

Мы пьем вино и смеемся.

Скоро за соседний столик садятся несколько очень красивых девушек.

— Модели, должно быть, — шепчу я Марии Фабиоле.

Она отвечает: «Да», даже не глядя на них.

Столики вокруг моделей тоже быстро заполняются. По всему миру люди верят, что красота заразительна.

Мы слушаем, как модели болтают друг с другом — по-английски все они говорят с акцентом, — и пытаемся угадать, кто они по национальности. Русские, словачки, датчанки? Три из четырех курят. Проходящие мимо люди останавливаются, смотрят на них, идут дальше. Но скоро внимание к ним угасает; тогда одна из моделей встает и прохаживается по пьяцце, словно по подиуму, шагая от бедра.

— Эй, девки, — кричит она слишком громко, — как я вам?

Остальные начинают громко ее хвалить. Теперь к ним приковано внимание всей пьяццы, добрых две сотни глаз устремлены на них. Модели отводят взгляды и морщатся с таким видом, словно вовсе этого не хотели.

— Надеюсь, мои девочки не станут моделями, когда вырастут, — говорит Мария Фабиола.

Но что-то в ее голосе подсказывает, что на такой исход она не особенно надеется — словно к карьере моделей ее девочек влечет сила, перед которой невозможно устоять.

Приносят еду, и за обедом Мария Фабиола рассказывает о своих дочерях. Зовут их Симона, Клео и Мирабелла. Младшая интересуется балетом, а две старшие играют в теннис, как их отец.

Над пьяццей плывет звон колоколов. Мы видим, как из церквушки, держась за руки, выходят жених и невеста. Все в ресторане и на пьяцце встают и приветствуют их аплодисментами. Жених и невеста моргают, словно новорожденные, у которых глаза не привыкли к свету.

— А много времени ты тратишь на свои переводы? — спрашивает она, повернувшись ко мне.

— Немало, — отвечаю я. — Это ведь моя работа.

— Настоящая работа? — повторяет она. — Профессия?

— На визитке у меня написано так, — пожимаю плечами я.

— Можно посмотреть? — спрашивает она.

— Визитку? — удивленно переспрашиваю я. — Конечно, я как раз напечатала новые.

Я открываю сумочку и протягиваю ей визитку. Мария Фабиола рассматривает карточку, затем поворачивает и смотрит на свет. Я вдруг замечаю, что бумага тонкая и не лучшего качества. Она отодвигает визитку от себя и смотрит издалека.

— Извини, что я так погружена в себя, — говорит она вдруг. — Видишь ли, я здесь по делу.

Явно ждет, что я спрошу, по какому делу. Так я и поступаю.

— Я подумываю купить этот отель.

— Отель, в котором мы живем?

— Да, — отвечает она. — Может быть, и фестиваль тоже.

— Разве фестиваль продается? — спрашиваю я.

— О, Юлаби! — отвечает она. — Все на свете продается.

Я пытаюсь поймать ее взгляд, но она опускает глаза и начинает рыться в сумке. Наконец говорит: «Вот, нашла!» — и достает губную помаду.

Обратно в отель нужно возвращаться тем же путем. Мы идем рука об руку; я зачарована тем, что перед нами расстилается аллея, а далеко внизу — сияющее синее море. Сколько раз мы ходили вот так в детстве! И теперь все повторяется — на иных утесах, над иным океаном.

— Как ты считаешь, — говорю я, — что произошло в тот день, когда мы шли в школу и увидели ту белую машину.?.. — Стараюсь говорить как ни в чем не бывало, но голос меня выдает. По голосу понятно, что этот вопрос я долго обдумывала.

— Что? — говорит она.

— Помнишь белую машину? В ней сидел мужчина. А потом в школу приезжала полиция… — Я смотрю на нее и пытаюсь понять, неужели и правда забыла?

Еще минуту мы идем в молчании.

— Ах да, — говорит она наконец. — Странная вышла история.

— Ну да, — говорю я.

Она: «Ах да». И я: «Ну да». И все.

Я смотрю на нее, пытаюсь поймать взгляд сквозь солнечные очки. Но ее молчание и напряженный разворот плеч говорят мне: я снова ее потеряла.

Когда мы возвращаемся в отель, Мария Фабиола снова берет меня за плечи и целует в обе щеки — как здоровалась, так и прощается.

* * *

За завтраком я встречаюсь с Хью. Сегодня на нем рубашка персикового цвета, и ест он с серебряных приборов один. Мария Фабиола пропустила завтрак — не хочет со мной встречаться.

— Доброе утро, — здороваюсь я с ним.

— Доброе утро, — отвечает он и вытирает губы салфеткой.

Встает и жестом приглашает к нему присоединиться. Я сажусь, он помогает мне придвинуть стул, а затем возвращается на свое место.

— Сегодня уезжаете? — спрашивает он.

Я рассказываю, что свекровь сейчас собирает вещи и после завтрака мы отплываем на пароме.

Он советует мне свой любимый ресторан в Неаполе, называет имя метрдотеля. Вот так живут богачи, думаю я. За дорогими блюдами тратят время на разговоры о других дорогих блюдах.

Подходит официант и предлагает мне капучино.

— Синьора Батиста здесь уже была, — говорит он. — Вы ее пропустили.

— Да, — отвечаю я. — Я проспала.

— Ох уж эти отели! — замечает Хью, когда официант уходит. — Все здесь все обо всех знают. Наверняка знают и то, что моя жена сейчас на массаже. Она единственный известный мне человек, который делает массаж в десять утра.

С Хью легко общаться. Я уже забыла, чем он занимается, и думаю о нем как об ушедшем на пенсию теннисисте. И разговор с ним — вроде урока тенниса для начинающего: он, тренер, посылает мне не слишком сложный мяч и ждет, пока я отобью. Если отбить не удается, посылает другой мяч.

Хью говорит, что очень рад со мной познакомиться: ведь подруг жены из времен ее детства, из Сан-Франциско, он почти не знает.

— Всегда пытаюсь представить себе, каково было там жить, — говорит он. — У моей компании

офис неподалеку от Купертино, так что я нередко там бываю. Знаю одного человека, который занимается недвижимостью. Элитными домами. Валленберг его фамилия. Не знакомы с ним?

— Знала его когда-то, — говорю я. После той вечеринки в честь Марии Фабиолы я Акселя Валленберга больше не видела. — Он ходил в другую школу.

— Ах да, верно. Странно это, должно быть, — расти в школе, где вокруг одни девочки! Знаете, как всегда говорит об этом Мария?

Я округляю глаза. Он называет ее Марией?

— Она говорит, что вас там лишали индивидуальности. Делали копиями друг друга. И единственный способ с этим бороться состоял в том, чтобы как-то выделиться из толпы.

Я долго не знаю, что сказать, и наконец отвечаю:

— Что ж, Мария Фабиола, бесспорно, выделяется из толпы!

Он вежливо улыбается — ясно, что слышит такое не в первый и не во второй раз, — и машет официанту, прося кофе.

— Как вы думаете, если бы вы переехали в район залива, отправили бы своих дочерей в школу «Спрэгг»? — спрашиваю я.

Хью долго смотрит на меня.

— Дочерей? — переспрашивает он. Снова долго молчит, и что-то в его взгляде меня пугает. Наконец он спрашивает: — А кто сказал вам, что у меня есть дочери?

О боже, думаю я.

— Мария Фабиола говорила… — отвечаю я. — Рассказывала о своих трех дочерях.

— Можем мы выйти на минутку? — говорит он и, не дожидаясь моего ответа, встает.

Мы выходим на балкон — и обнаруживаем там двух женщин средних лет: они громко восхищаются браслетами друг друга.

— Не пойдет, — бормочет он и поворачивает назад.

Следом за ним я иду к лестнице за дверью в дальнем конце столовой. Лоск беззаботного отпускника с него слетел: теперь Хью выглядит как человек, отчаянно нуждающийся в отпуске.

— Вы должны понять… — говорит он так, словно собирается раскрыть мне какую-то страшную тайну.

Но никаких тайн не сообщает — вместо этого замолкает и молчит так упорно, что я, кажется, слышу движение воздуха.

— Она это делает… — говорит он наконец.

По лестнице поднимается горничная со стопкой свежих скатертей. Кажется, она не ожидала кого-то здесь увидеть.

— Scusatemi[9], — говорит она.

Хью, похоже, ее не замечает — даже почти не двигается, чтобы ее пропустить. Горничная кое-как протискивается мимо него.

— Нет у нас никаких дочерей, — говорит он и, словно фокусник в конце трюка, показывает мне пустые ладони. — Мы с вами, возможно, никогда больше не встретимся, но все же я решил об этом сказать. На случай, если вы будете что-то рассказывать другим своим подругам.

Умолкает и значительно смотрит на меня. Ясно, что такие объяснения ему приходится давать не впервые.

Я смотрю в окно, на океан, вспоминаю обед с Марией Фабиолой. Понятно, почему трое детей, думаю я. У меня один ребенок и два выкидыша. Всего три. Раздумываю, не спросить ли Хью, в самом ли деле Мария Фабиола собралась купить этот отель вместе с фестивалем, — но вдруг понимаю, что страшно устала; а кроме того, я уже знаю ответ.

---

[9] Примечания: 9
Извините *(ит.).*

* * *

Мы с Инес спускаемся на фуникулере в порт, а затем поднимаемся на борт парома. Она хочет сесть сверху и занимает нам два места на корме.

— Ты ведь знаешь, об этом острове писал Гомер, — говорит она.

Я прошу напомнить, что он писал. «Одиссею» я не перечитывала со времен уроков мистера Лондона.

— Здесь обитали сирены, чудным пением заманивавшие моряков на острые скалы. Одиссей приказал своим матросам залепить уши воском, чтобы они не услышали гибельного пения. Но сам он желал услышать сирен — и потому приказал привязать себя к мачте, чтобы не поддаться соблазну.

Паром отходит от берега.

— Очень хочется пить, — говорит Инес. — А тебе?

Я спускаюсь вниз, в бар. Когда возвращаюсь, начинает звонить телефон. Номер незнакомый, так что я не беру трубку.

Секунду спустя на экране появляется СМС. Фотография: три красивые темноволосые девочки. И еще одна СМС, с текстом: «Мои детки».

Откуда Мария Фабиола знает мой номер? Ах да, я же дала ей визитку. Увеличиваю фотографию, приглядываюсь. Не знаю, откуда Мария Фабиола ее взяла, но подобрала отлично: юные красавицы с пухлыми губами и огромными глазами с поволокой действительно похожи на нее.

Инес сидит и смотрит, как к нам черепашьим шагом приближается Неаполь. Я сажусь рядом, протягиваю бутылку воды, вдыхаю исходящий от Инес запах мускатного ореха.

На экране новая эсэмэска. Теперь Мария Фабиола просит меня пристроить фото ее девочек в ежегодный бюллетень «Спрэгга». И следующие: «Симона — бунтарка». «Клео всех мирит». «Мирабелла — загадка, немного похожа на тебя».

Эсэмэски сыплются и сыплются, и о появлении каждой возвещает громкий мелодичный сигнал. «Надеюсь, они никогда не станут такими, как те вчерашние модели!» — пишет Мария Фабиола. И добавляет отдельной эсэмэской: «Такие дряни!»

И следующей: «Насчет моделей я, конечно, шучу».

Я выключаю звук и прячу телефон глубоко в сумку.

Вот мы и в Неаполе. Паром останавливается у пристани, и все пассажиры спешат к выходу. Я

подхватываю наши чемоданы и помогаю Инес сойти на причал. Снова звонит телефон, опять в полную силу. Должно быть, пока он болтался в сумке, случайно включился звук.

Я оглядываюсь назад. Где-то там, на Капри, осталась Мария Фабиола. Сидит и звонит, звонит.

— Кто это так рвется с тобой пообщаться? — спрашивает Инес.

— Долгая история, — отвечаю я.

Мы пробираемся сквозь толпу туристов, спешащих в обратную сторону — на паром, с которого мы только что сошли. Чемоданы оттягивают руки. Я обливаюсь потом.

— Сюда, — говорю я и веду Инес прочь от бескрайнего синего моря.

А телефон все громче и громче. Все звонит, звонит.